

63.3(2)4

Г36

графия/этнография

Татьяна Георгиева

Русская повседневная культура

Обычаи и нравы с древности
до начала Нового времени

Ломоносовъ
издательство

Татьяна Георгиева

Русская
повседневная
культура

Обычаи и нравы с древности
до начала Нового времени

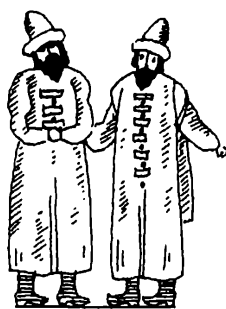

Издательство «Ломоносовъ»
Москва • 2015

УДК 930.85
ББК 63.3(2)6-7
Г36

Составитель серии Владислав Петров

Иллюстрации Ирины Тибиловой

ISBN 978-5-91678-241-7

© Татьяна Георгиева, 2014
© ООО «Издательство «Ломоносовъ», 2015

Русь, куда же несешься ты, дай ответ! Не дает
ответа...

Н. В. Гоголь

Независимость и самоуважение одни могут
нас возвысить над мелочами жизни и над бурями
судьбы.

А. С. Пушкин

Предисловие

Не все просто складывалось в жизни русских людей. В глубине веков нашей истории через преодоление тысяч трудностей происходило зарождение бесценных нравственных и духовных ценностей, составляющих основу русского характера. Мужество и бесстрашие наших предков удивительным образом сочетались с милосердием и душевной добротой, тягой к прекрасному и к безудержному веселью.

В исторической ретроспективе, начиная с незапамятных времен, перед нами предстает мир русских людей, в том числе частная жизнь исторических личностей, выдающихся деятелей и просто чудаков, особенности их семейных отношений, общения, манера одеваться, их кулинарные предпочтения, ремесла, обряды, поверия, связанные с язычеством, появлением и распространением единобожия, христианства, православия на Руси. Последуем А. С. Пуш-

кину, считавшему, что «климат, образ правления, вера дают каждому народу особую физиономию, которая более или менее отражается в зеркале поэзии. Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев, поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу».

От эпохи к эпохе, от одного правителя до другого, вплоть до наших дней, целые поколения чередой проходят перед нами, а вместе с ними их привычки и особенности речи, забытое, но не утраченное множество обычаев, ритуалов, национальных праздников. Мы видим, как наши традиции видоизменялись, а что-то *стержневое сохранялось и продолжает цементировать наше общество и сегодня.*

Преемственность поколений, их повседневной культуры — это главное, что сохраняет самобытность русского народа, России.

Суть содержания данной книги, не ведая о том, очень хорошо выразил наш современник — прекрасный русский поэт, оказавшийся в советское время в изгнании, ныне живущий в США, Наум Коржавин:

В наши трудные времена
Человеку нужна жена,
Нерушимый уютный дом,
Чтоб от грязи укрыться в нем.
Прочный труд, и зеленый сад,
И детей доверчивый взгляд,
Вера робкая в их пути,
И душа, чтоб в нее уйти.

В наши подлые времена
Человеку совесть нужна,
Мысли те, что в делах ни к чему,
Друг, чтоб их доверять ему.
Чтоб в неделю хоть час один
Быть свободным и молодым.
Солнце, воздух, вода, еда —
Все, что нужно всем и всегда.

И тогда уже может он
Дождаться иных времен.

Нас интересуют обиходные реалии культуры русских людей, их, так сказать, *житейская культура*, и, конечно же, сам *русский человек*. Каков он? *Кто такой русский вообще?* Чем живет и как живет? Каков его образ мыслей и представлений о самом себе и об окружающем его мире?

Итак, предметом нашего рассмотрения является *русская повседневная культура*, понимаемая как образ жизни коренного населения страны — России, его веками складывавшиеся в трудах и жертвах обычаи и традиции, ритуалы и святыни, горести и радости, творения его высокого духа и нравственной чистоты.

В 1914 году Осип Мандельштам сказал:

Я получил блаженное наследство —
Чужих певцов блуждающие сны...

Изменив «чужие» на «другие», эти слова замечательного поэта можно было бы отнести и к автору предлагаемой вашему вниманию работы, где кропотливо собрано немногое из поистине огромного «блаженного наследства» — нашего далекого прошлого. Ведь еще Белинский говорил, что «нет ничего приятнее, как созерцать минувшее и сравнивать его с настоящим. Всякая черта прошедшего времени, всякий отголосок из этой бездны, в которую все стремится и из которой ничто не возвращается, для нас любопытны, поучительны и даже прекрасны»¹.

«Стереть память — это как выбросить драгоценность»².

Необходимо сказать, что постепенно, со временем мы приходим к исключительно культурологическому пониманию того, кто же такой в наше время русский.

Петр I считал: «Русский — это тот, кто Россию любит, кто России служит».

Одно существенное замечание. Поскольку данная книга посвящена знакомству с повседневной *культурой* русских, она не претендует на строгое исследование *истории* как таковой.

И последнее: в работе все даты используются в соответствии с современным общепринятым летосчислением.

Часть первая

Древняя
и средневековая Русь.
Двоеверие и становление
обыденной культуры
(IV–XV века)

Арабы и греки о русах. — Формирование русской государственности. — Крещение Руси. — Первые школы. — Начало каменного строительства на Руси. — «Двоеверие» и «двукультурье». — Укрепление семьи и появление предсвадебных сговоров. — Ярослав Мудрый и цивилизационное становление Руси. — Библиотека Анны Ярославны и собрание Петра Дубровского. — Исконно русская письменность — слоговая руница. — Создание кириллицы. — Первые монастыри. — «Русская правда». — Владимир Мономах и его «Поучение». — Образ жизни, старинные предания и прически русских. — Былины и другие виды устного народного творчества. — Берестяные грамоты. — Первые русские книжники. — «Повесть временных лет». — Основание Москвы. — Внутреннее устройство Новгородской республики. — Торговые товарищества — складничества. — «Слово о полку Игореве». — Гога и Магога — монгольское нашествие на Русь. — Удар по Руси с Запада и Александр Невский. — Расширение границ Московского княжества. — Андрей Рублев. — Освобождение русских земель от ордынского ига. — Иван III — собиратель земли русской. — Софья Палеолог — Теория старца Филофея: «Два убо Рима падоша, третий стоит, а четвертому не быти!» — Провидец Василий Немчин. — Рост русских городов. — Организация почтово-ямского дела. — Ерэси. — Осифляне и «нестяжатели».

Изучение истории русской культуры обычно начинается с периода становления Руси как самостоятельного государства. Однако истоки русской культуры уходят в глубь веков, в историю славянских племен и их предков, а также русов, или россов.

Итак, в VI веке различные славянские и финские племена объединились под началом племени Рось, или Русь. Свое название, по одной из версий, это племя получило от реки Роси, притока Днепра, по берегам которой оно расселилось.

О русах VI века современники пишут, что «это мужи огромного роста». Арабы сообщают о русах: «Они были высоки, как пальмы». Позднее, в IX — X веках, восточные авторы описывали русов так: «Русы мужественные и храбрые... Ростом они высоки, красивы собой и смелы в нападениях». Византийский император Маврикий (539—602)

отмечал терпеливость русов, которые могут часами сидеть в засаде, погрузившись в воду и дыша при помощи тростника. По словам Льва Диакона³, видевшего русов в битве, они держались плотной массой, были похожи на медную стену, усеянную копьями и сверкавшую от щитов. От них слышались сдержанные клики, рокот, напоминавший шум моря. Огромные щиты закрывали их до земли, и когда они отступали, то закидывали эти щиты на спину и делались неуязвимыми. Они, как и норманны, в пылу битвы не помнили себя, никогда не сдавались, потерпев поражение. Убежденные в том, что в загробной жизни павшие под ударами врага осуждены служить ему, они распарывали себе животы.

Воины в Древней Руси сражались в тяжелых доспехах. Если воина сильно ударили по шелому (шлему), он терял сознание, падал и не мог биться. Его «ошеломили». Отсюда: «Он меня ошелолил», то есть чем-то сильно удивил, поразил. Так наша современность уходит в глубь веков.

Греки издавна ценили храбрость русов и нанимали их к себе на воинскую службу. Под именем русов или варягов они составляли собственную гвардию императора и занимали достойное место во всех византийских армиях. Заметим, что варяг — это профессия, то есть это профессиональные воины, совершавшие сами нападения или нанимавшиеся на службу в воюющие государства.

Вместе с тем летописи единодушно славят гостеприимство русов, путешественников они встречали с радостью, а уходя из дома, оставляли дверь открытой и готовую пищу для странника. По обычаю древних славяно-русов, никто не имел права отказать человеку в воде. С тех пор и пошло выражение «как пить дать» в значении: точно, несомненно.

Формирование русской государственности, по преданиям, начиналось в двух основных центрах — в Киеве и Новгороде — со своими самобытными культурными традициями, языковыми диалектами, поклонением различным языческим божествам. Существенно различались и формы складывающейся государственности: вечевая форма на севере и автократическая на юге.

Истощенные раздорами и междоусобицами, русы решили сами призвать к себе варягов. Вот как пишет об этом летописец Нестор: «Поищем себе, — сказали они, — иже бы володел нами и судил по праву», ибо наша «земля велика и обильна, а наряда в ней нет». С этой даты — с 862 года — года «призвания» и начала княжения норманнского конунга (князя) Рюрика традиционно ведется отсчет русской истории.

Так выходец из варягов Рюрик стал первым князем на Руси, основателем первой династии русских великих князей. Он, как полагает доктор исторических наук, профессор А. Н. Кирпичников, «возможно, был выходцем из абодритов — племени западных славян (территория Северной Германии). Или из Скандинавии или Норвегии. По одной из версий, его мать была русской»⁴.

Когда Рюрик умер, его сыну Игорю было только два года. И тогда править стал старший в Рюриковом доме — князь Олег. Позднее он перенес свою столицу в захваченный им город Киев, на берег Днепра.

До этого в Киеве, с 864 по 882 год, сидели русские каганы (правители) Дир и Аскольд — прямые потомки Кия — основателя Киева. Они совершили удачные походы на Полоцк в 865 году, а в 866 году на печенегов — союзников хазар. Около 866 года (по некоторым источникам — в 860 году) под предводительством Аскольда и Диры Русь совершила первый поход на Константинополь. Но летописцы ведут отсчет победам русов начиная с Олега, незаслуженно не упоминая Аскольда и Диру.

Олег подошел к Киеву в 882 году. При этом он и его приближенные назвались мирными купцами. Они хитростью заманили Аскольда и Диру в свой лагерь и убили их. Память людская справедлива: в вечно живом народном творчестве она донесла до нас в сказаниях и песнях облик невинно погибших Аскольда и Диры, первых на Руси принявших христианство. До сих пор на берегу Днепра есть место, именуемое Аскольдовой могилой.

Киев сдался Олегу почти без сопротивления. Формально он был захвачен для сына Рюрика, называемого в летописи Игорь Старый. Может быть, потому, что, по одной из

версий, его первенец Святослав родился, когда Игорю было 60 лет, а его жене Ольге было примерно 50 лет (хотя это и маловероятно).

После этого Олег подчинил себе многие окрестные племена; так в IX веке появилось государство, именуемое «Русь», «Русская земля». Ее столицей Олег провозгласил город Киев.

С именем Олега, кстати, связана первая известная политическая акция Древнерусского государства — поход на Константинополь (древнерусское — Царьград) — столицу Византийской империи, наиболее могущественного государства Восточного Средиземноморья и Причерноморья. Войско Олега, в том числе флот, состоявший из двух тысяч лодок, подошло к Константинополю в 907 году и начало опустошать окрестности города, чем побудило византийцев к переговорам. Результатом стало заключение в 907 и 911 годах двух выгодных для Руси мирных договоров. Их тексты, донесенные древнерусской летописью начала XII века «Повестью временных лет», — самые древние памятники русской дипломатии и права. А сам русско-византийский договор 911 года является первым русским памятником славянской письменности.

Имя Олега, прозванного Вещим, окружено чудесными легендами о необыкновенной находчивости, храбрости и мудрости князя. Так, например, утверждается, что он достиг по суше ворот Царьграда на лодках, приделав к ним колеса и оснастив их парусами.

Увидев гонимые ветром челны у стен своего города, император Лев VI Мудрый донельзя напугался и немедленно согласился заплатить дань. Но столь легко побежденные византийцы решили избавиться от русских, предложив им отравленные яства. Прознав об этом вероломстве, Олег наложил на них тяжелую дань и, заключив выгодный для себя торговый договор, отбыл восвояси. В знак победы он повесил свой щит на знаменитых Златых вратах.

До нас дошла легенда о том, что один кудесник предсказал Олегу смерть от его любимого коня, после чего Олег с конем расстался. Через пять лет, узнав, что конь околел, он решил попрощаться со своим боевым товарищем и по-

смеяться над невежеством и обманом кудесника. Но из черепа коня выползла змея и смертельно ужалила Олега в ногу. Так князь Олег был отомщен судьбой за смерть Дира и Аскольда.

В 1982 году в Бухаре среди средневековых астрономических книг нашлась рукопись на персидском языке, в которой содержится рассказ о Руси первой половины IX века, то есть о времени правления Олега и Игоря Старого, который княжил в 912—945 годах. Сообщается, что это — обширная страна, чрезвычайно богато одаренная природой всем необходимым, а ее жители непокорны, воинственны и держатся вызывающе... Говорится также, что часть русов составляет «рыцарство» и что большим уважением у них пользуются жрецы.

Игорь Старый в 941 году совершил новый, третий по счету, поход на Константинополь, но был побежден с помощью «греческого огня». После этого он опять собрал силы, но до боевых столкновений дело на этот раз не дошло: византийцы предпочли откупиться данью. Текст заключенного в 944 году договора сохранился в летописи. Сам же Игорь на обратном пути был убит древлянами, с которых он взял дань по пути в Византию.

В те времена войны нередко происходили ради захвата живого товара — пленников, которых превращали в рабов и продавали на невольничьих рынках. Состраданием и заботой о судьбе соотечественников, попавших в плен и томившихся на чужбине, было продиктовано заключение Киевской Русью с греками ряда специальных договоров. Так, в договоре 911 года, заключенном при великом князе Олеге, обе стороны брали на себя следующие обязательства: «...если пленник той или иной стороны насильно удерживается русскими или греками, будучи продан в их страну, и если, действительно, окажется русский или грек, то пусть выкупят и возвратят выкупленное лицо в его страну и возьмут цену его купившие... Также, если и на войне взят будет он теми греками, — все равно пусть возвратится он в свою страну и отдана будет за него обычная цена его...» Заботы об «искуплении пленных» были подтверждены впоследствии и договором 944 года, заключенным при великом князе Игоре:

«Если окажутся русские в рабстве у греков, то, если они будут пленники, пусть выкупают их русские по 10 золотников; если же окажется, что они куплены греком, то следует ему поклясться на кресте и взять свою цену — сколько он дал за пленника».

После гибели Игоря государством правила его вдова, княгиня Ольга (945—964), которая поддерживала мирные отношения с Византией. В году 946 или 957 (этот вопрос спорен) она совершила дипломатический визит в Константинополь и приняла христианство. Ольга не могла до этого не знать о христианстве, так как немало христиан появилось в Киевской Руси после знаменательного события, когда русы, как сообщают византийские летописи, «отправили послов в Константинополь просить крещения». Считается вполне установленным фактом, что Аскольд и Дир и некоторое количество народа приняли крещение в Киеве от епископа, посланного константинопольским патриархом Фотием не без ведома императора Василия Македонянина (правил в 867—886 годах); тогда и случилось чудо: пламя пощадило ввергнутое в него Евангелие. Так Аскольд волей случая оказался первым христианским русским князем, отсюда и благоговение к его могиле и его памяти, а 867 год вошел в историю как год частичного крещения Руси Фотием.

Некоторые исследователи считают, что Ольга приехала в Царьград уже крещеной, со своим духовником Григорием, а крестилась она якобы еще в Киеве в 957 году. Во всяком случае, записи об акте крещения ее в Константинополе нет, хотя о пышном и теплом приеме императором Константином Багрянородным есть несколько упоминаний. Как сообщал Нестор, на приеме у Константина Багрянородного Ольга была так «красива лицом», что базилевс влюбился в нее, а ей, если запись в «Повести временных лет» верна, уже было тогда 62 года!

Похоже, что первой заботой Ольги, оставшейся в сущности своей язычницей, когда она вступила на престол, была языческая месть древлянам за смерть мужа Игоря, который, захваченный в плен, был привязан к двум деревьям и разорван на части. Летописец Нестор записал легенду о том, как княгиня Ольга отомстила древлянам за убийство сво-

его мужа. Она предложила древлянам мир с условием: «... Дайте мне от каждого двора по три голубя да по три воробья. Я ведь не хочу возложить на вас тяжелой дани, как муж мой, поэтому-то и прошу у вас мало». Древляне обрадовались, а Ольга, «раздав воинам — кому по голубю, кому по воробью, приказала привязывать каждому голубю и воробью трут, завертывая его в небольшие платочки и прикрепляя ниткой к каждому. И, когда стало смеркаться, приказала Ольга своим воинам пустить голубей и воробьев. Голуби же и воробьи полетели в свои гнезда: голуби в голубятни, а воробьи под стрехи, и так загорелись — где голубятни, где клетки, где сараи и сеновалы, и не было двора, где бы не горело, и нельзя было гасить, так как сразу загорелись все дворы. И побежали люди из города, и приказала Ольга воинам своим хватать их. А как взяла город и сожгла его, городских же старейшин забрала в плен, а прочих людей убила, а иных отдала в рабство мужам своим, а остальных оставила платить дань».

Несмотря на свою жестокость, Ольга тяготела к христианству и пыталась уговорить вначале Игоря, а потом сына Святослава принять крещение. В народном эпосе воспеваются красота и мудрость княгини и нигде не упоминается о ее старости. До самой своей кончины в 969 году, когда ей, судя по летописи, было 76 лет, Ольга вела себя очень деятельно, воспитывала внуков и управляла государством, так как сын Святослав предпочитал ходить в походы.

Впрочем, так или иначе, христианство Ольги осталось не замеченным на Руси, а основная масса дружинников питала к нему отвращение. Тем более что в дружину нередко приглашались норманны — варяги, славившиеся в те времена не только воинским искусством, но и агрессивным нравом. При княжичах в числе воспитателей, советников и воевод также были варяги — воспитателем Игоря был варяг Олег, у Святослава «кормильцем», то есть учителем, варяг Асмуд, а воеводой при нем служил отец Асмуда — Свенельд.

Л. Н. Гумилев отмечает, что в это время старшее поколение носит скандинавские, а младшее — славянские имена, то есть вся власть постепенно сосредоточилась в руках славян, либо ославяненных варягов или россов. Таким обра-

зом, на Руси были восстановлены традиции и тот путь, по которому она двигалась до варяжской узурпации⁵. Однако и здесь не все просто: ведь и сами славяне, утверждает тот же Л. Н. Гумилев, отнюдь не были аборигенами Восточной Европы, а проникли в нее лишь в VIII веке! «До славянского вторжения эту территорию населяли русы, или россы, — этнос отнюдь не славянский», — пишет он в книге «Древняя Русь и Великая степь».

Еще в X веке Лиутпранд Кременский писал: «Греки зовут Russos тот народ, который мы зовем Nordmannos — по месту жительства» — и помещал этот народ рядом с печенегами и хазарами на юге Руси⁶. Долгое время оставались различия между россами и славянами не только в языке, но и в том, что долгие сохраняется, — в бытовых навыках, или, как мы скажем, в бытовой культуре. Она различалась особенно в характерных мелочах: русы умывались перед обедом в общем тазу, а славяне — под струей. Русы брили голову, оставляя клоч волос на темени, славяне стригли волосы в «кружок». Русы жили в военных поселках и «кормились» военной добычей. Заметим: авторы X века никогда не путали славян с русами⁷.

Впрочем, нельзя не отметить, что у Л. Н. Гумилева много оппонентов — современных историков, отмечающих, что археологические находки свидетельствуют о присутствии славян в Подунавье уже в I веке до н.э., а многочисленные письменные источники упоминают славян в Центральной Европе и на Балканах и во II, и в III веках н. э.

Немаловажно также отметить, что выдающийся русский ученый Дмитрий Иванович Иловайский (1832—1920) отвергает норманнскую теорию призвания варягов на Русь.

И тут необходимо сделать небольшое отступление, связанное с нашей историей и русами (россами). Не исключено, что со временем коренным образом поменяется сложившийся в мировой науке взгляд на нашу историю. Тут достаточно указать на обнаруженный на Южном Урале в Челябинской области древний город Аркаим⁸, которому более 4 тысяч лет. Дольмены Аркаима, загадочные мегалитические сооружения из огромных каменных плит, насчитывают более 3 000 лет до

н.э. Подобные сооружения находят по всему миру вдоль или около тектонических разломов в земной коре.

В Аркаиме сохранились древние каменные укрепления, постройки, обсерватория, плавильные котлы, свидетельствующие о том, что было развито металлургическое и кузнечное дело, дороги, найдены пока еще загадочные огромные круги на земле и сооружения из камня, сходные с английским Стоунхенджем. Некоторые ученые утверждают: найдена родина наших предков. В любом случае Аркаим — это настоящий клубок загадок, которые еще предстоит разгадать.

Если предположить, что найдено место, откуда, по Л. Н. Гумилеву, пришли русы, то становятся понятными упоминания народа русов в Ветхом Завете в качестве легендарного, то есть одного из древнейших⁹. Об этом же свидетельствует и римское название русов или россос — анты, то есть «древние». Античные авторы, а вслед за ними и византийские историки также различали русов и славян. «Росоманами» наших предков называли готы, давние соседи и враги. «Манн» в германских языках означает «человек» или «люди», и получается, что речь идет о «людях Рос», или «народе Рос». На юге чаще говорили «россы» или «росоманы», на севере — «русы».

Интересно, что во времена А. С. Пушкина «россы» и «россияне» были обозначениями народа в возвышенно-поэтической речи, несколько устаревшей к началу XIX века. Для нас же важно, что «русы», а позднее «россияне» было обычным названием русского народа, а вернее, тесного конгломерата не только русских, но и различных народностей, населявших Россию...

Итак, воспитывавшийся варягом, то есть профессиональным воином в прошлом, Асмудом, Святослав, как мы знаем, в пятнадцать лет начал ходить в походы. Вот как об этом сообщается в летописи: «В год 6472 (964). Когда Святослав вырос и возмужал, стал он собирать много воинов храбрых, и быстрым был, словно пардус (гепард), и много воевал».

Святослав всю свою жизнь провел в военных сражениях, разделяя со своими воинами все лишения и трудности.

Княжеская дружина представляла собой вольное военное товарищество. Дружинники, свободные люди, и отношение их к князю определялись вольной службой и верностью. Святослав не возил с собой шатра, постели, котлов и посуды. Вместе с дружинниками князь спал под открытым небом, на земле, положив под голову седло, ел полусырое мясо, печенное на углях. Нестор хвалит прямоу Святослава и его честность. Предполагая воевать с кем-нибудь, Святослав посылал им сказать: «Иду на вы», или «Иду на вас войной».

Святослав, княживший в 957–972 годах, имел трех жен, в том числе скандинавку-наложницу Малфред, от которой родился младший сын Владимир Красное Солнышко (годы княжения 980–1015). По другим источникам, Владимир был побочным сыном Святослава и ключницы Малуши, «робы» княгини Ольги, матери Святослава. Воспитателем стал при нем родной дядя Добрыня.

Святослав несколько раз одерживал победу над византийскими войсками и проник в глубь Византийской империи. В 971 году в городе Доростоле на Дунае войско Святослава было окружено стотысячной армией императора Иоанна Цимисхия. Воеводы Святослава считали сопротивление бесполезным и советовали ему сдаться. Но князь не последовал их советам и обратился к своим воинам с горячим призывом. «Не посраим землю русскую, — сказал он, — но ляжем костью. Мертвые срама не имут. Станем крепко, я впереди вас пойду!» — «Где твоя голова падет, там и мы свои головы сложим», — ответили воины, его сотоварищи.

Погибло почти все войско русов — они потеряли 15 тысяч убитыми, но воинское счастье оказалось все-таки на стороне Святослава. Цимисхий сам запросил мира. В Византии против него зрел заговор, и он вынужден был спасти свой трон.

Лев Диакон, присутствовавший при заключении Доростольского мирного договора, описывает Святослава как человека среднего роста, но крепкого телосложения, с широкой грудью, толстой шеей, голубыми глазами, густыми бровями, плоским носом, длинными усами, короткой боро-

дой, на бритой его голове была прядь волос как признак его благородного происхождения, в одном ухе висела золотая серьга, украшенная рубином и двумя жемчужинами.

В 972 году Святослав с небольшой дружиной возвращался из Дунайской Болгарии в Киев. У Днепровских порогов на него внезапно напали печенеги. В жестокой битве Святослав погиб. Печенежский хан сделал из черепа Святослава чашу, оковав его золотом. Из этой чаши он пил вино, полагая, что вместе с вином ему перейдет ум и мужество славного русского полководца.

При Святославе была предпринята первая на Руси попытка как-то регламентировать быт — что делать и чего не делать в определенные дни. Позднее был создан «Изборник Святослава» (1076).

Неделя в Древней Руси называлась седмицей, а воскресенье — днем недельным (то есть днем, когда нет дел) или просто неделей. «Законным» днем отдыха этот день стал с принятием на Руси христианства, так как еще 20 марта 321 года римский император Константин Великий официально объявил воскресенье «днем покоя». У русских существовал обычай, где бы человек ни находился (это касалось даже воинов в походе), в конце недели обязательно устраивать баню.

Бани появились на нашей земле задолго до того, как она стала называться русской. Делали бани из дерева, обязательным их атрибутом были раскаленные камни. И уже тогда мыться ходили, вооружившись веником.

Летописец Нестор пишет, что целыми семьями раздевались догола, брали в руки «прутьё младое» и били себя им до полусмерти. Потом обливались «водою студеною», и так по несколько раз. «И было им от этого не мучение, а одна радость».

С давних пор основным занятием славяно-русов было земледелие. В северных районах приходилось отвоевывать пахотные земли у лесов — сеяли овес, рожь, пшеницу, ячмень.

Работа в поле всегда была тяжелой, зависела от природных условий. Если проливные дожди или ранние замороз-

ки губили урожай, начинался страшный голод, уносивший многие жизни.

В лесных районах наши предки охотились — ведь всякого зверя было в изобилии. Промышляли уток, зайцев, кабанов. Самые отважные ходили с примитивными рогатинами на медведя. В реках и озерах ловили рыбу. Собирали грибы, ягоды. Разводили пчел и заготавливали мед.

Зимой наступало более спокойное время. Мужчины чинили охотничьи и рыболовные снасти, вырезали поделки из дерева. Собственно, деревянным было все — начиная от мисок и ложек и кончая лодками, санями и многим другим. Женщины пряли пряжу и шили одежду.

Сам климат определял материал, из которого крестьяне строили себе жилища: на юге это были глиняные мазанки (из веток, обмазанных глиной), на севере строили из дерева. Чтобы легче было уберечь жилище от непогоды, сохранить тепло в зимнюю стужу, дом делали низким, наполовину врытым в землю. Центральное место в каждом доме занимала печь. Она давала тепло, в ней готовили пищу. На печи зимой спали, особенно старики, маленькие ребята и, конечно, кошки, почитавшиеся с языческих времен как мистические хранительницы дома от нечистой силы. Вот почему и в наши дни при переезде на новое место, на новоселье, а тем более в новый дом или квартиру вначале запускают кошку. Само собой разумеется, что кошки были во всех домах, ведь они еще и помогали сохранить зерно и продукты от грызунов. Раскопки и многочисленные рукописные свидетельства говорят о том, что наши предки очень любили и собак — верных помощников в охоте и охране домашнего скота от волков и других диких зверей, в изобилии водившихся в лесах.

Шкафов в крестьянской избе не было, все вещи лежали на широких полках под потолком, которые назывались полатами. Комнату в вечернее время освещала лучина или свеча.

Крестьянский уклад жизни, привычки, традиции были очень стойкими и мало подвержены изменениям.

Жизнь крестьян была крепко связана с землей, с природой. Отсюда и традиционные народные праздники. Они зародились в глубокой древности, в языческие времена.

Первый праздник в честь солнца начинался ранней весной — *Красная горка*. Молились о плодородии, жгли священные огни. Затем после окончания посевов праздновали так называемый *Семик*, тогда хороводы водили вокруг украшенного дерева, что весьма напоминает праздник майского дерева у древних кельтов¹⁰. Летом главным праздником считался день *Ивана Купáлы*, или света, изображавшегося в виде человеческого чучела. На зиму приходился праздник *Коляда*, когда солнце поворачивало на весну и люди начинали готовиться к весенним посевным работам.

Неизвестно, как сложилась бы дальнейшая судьба Владимира, но перед очередным и, как потом окажется, трагическим походом 970 года Святослав решил посадить своих маленьких детей на княжение. Ярополку был оставлен Киев, а Олегу — Древлянская земля. В то же время новгородцы, недовольные, может быть, властью княжеских наместников, прислали сказать Святославу, чтобы он дал им сына своего в правители. Так юный «робичич» стал князем-наместником в Новгороде. Этот эпизод стал переломным в биографии Владимира и во многом определил его последующую судьбу государственного деятеля.

Через несколько лет после трагической гибели Святослава между братьями началась усобица, подогреваемая боярским окружением. В результате Олег Древлянский был убит, а Владимир, сбежав из Новгорода и три года пробыв за морем, привел с собой наемную варяжскую дружину и в 980 году двинулся на Киев. Не без предательства людей из собственного окружения Ярополк был убит двумя варягами при попытке помириться с братом. Таким образом, Владимир сел на киевский престол и стал единовластно княжить во всей Руси.

Как пишет Карамзин: «Владимир с помощью злодеяний и храбрых варягов овладел государством, но скоро доказал, что он родился быть Государем великим»¹¹. Варяги считали себя завоевателями Киева и требовали в дань с каждого жителя по две гривны. Протянув время обещаниями, Владимир укрепил и умножил русскую дружину, после чего изгнал из Киева ненужных уже варягов-наемников.

К первым годам киевского княжения Владимира относятся его мероприятия по укреплению и украшению города — как в военном, фортификационном, так и в политическом и культурном отношениях. В отличие от своего отца Владимир всегда считал Киев центром и средоточием своей державы и всячески заботился о его процветании.

Еще большее значение для укрепления власти киевского князя имела религиозная реформа, превратившая Киев в главный культовый центр всей Русской земли. Как рассказывает летопись, вскоре после вокняжения князь установил на киевском холме, близ своего теремного двора, изображения шести языческих богов — языческий пантеон, своего рода храм под открытым небом. Главное божество в пантеоне Владимира — бог грозы и войны Перун с серебряной головой и золотыми усами.

Подобные идолы Перуна воздвигались не только в Киеве, но и в других городах Руси, где появлялись наместники Владимира.

Будучи ярким язычником, Владимир стал сильно теснить христиан, которых в Киеве к тому времени было уже достаточно много, причем еще со времен Игоря они имели свой соборный храм — Святого Ильи.

О языческих пристрастиях Владимира свидетельствуют не только водруженные им идолы, но и его ставшие знаменитыми пиры. Владимир, без сомнения, любил вкусно поесть и сладко попить. Кроме того, был непомерно сластолюбив. Язычник, он имел шесть законных, или, как говорили в Древней Руси, «водимых», жен. Одна из них, Рогнеда, была половецкой княжной; в порыве ревности она чуть не убила мужа; Юлия — византийская принцесса, вдова убитого Ярополка I; Анна — византийская царевна; Олова, по одним источникам, была «чехиней», по другим — скандинавкой; Малфрида и Аделья — неизвестно кто, но, судя по именам, скорее всего, не славянского происхождения. Сверх того Владимир имел еще и сотни наложниц в своих загородных резиденциях: «300 в Вышгороде, да 300 в Белгороде, да 200 на Берестовом, в сельце». Но и наложницы не могли удовлетворить необузданного в своих желаниях кня-

зя. «Ненасытен был в блуде, приводя к себе замужних жен и девиц растлевая», — так с осуждением писал о Владимире летописец XI века¹².

Владимир имел 12 сыновей, дочерей же у него было без счета.

Став великим князем, Владимир значительно расширил и упрочил Русь как государство всех восточных славян. К его княжению относится окончательное подчинение русскому князю племен, живших на восток от великого водного пути. В 981 и 982 годах были предприняты им походы на вятичей, которые были побеждены и обложены данью. Та же участь постигла и радимичей в 986 году. В 987 году состоялся первый поход Владимира на болгар.

Ко времени княжения Владимира относятся первые столкновения Руси с западными славянскими государствами. В 981 году вследствие войны с Польшей к Руси были присоединены Перемышль, Червен и другие города Червонной Руси.

Довольно аморфное раннефеодальное государство — Киевскую Русь — правительство Владимира стремилось охватить новой административной системой, построенной, впрочем, на типичном для этой эпохи слиянии государственного начала с личным: на место прежних «светлых князей», стоявших во главе союза племен, Владимир сажает своих сыновей: в Новгороде — Ярослава, в Полоцке — Изяслава, в Турове — Святополка, в Ростове — Бориса, в Муроме — Глеба, в Древлянской земле — Святослава, в Волыни — Всеволода, в Тмутаракани — Мстислава. От Киева к этим отдаленным городам прокладываются «дороги прямоезженные».

Но по-прежнему оставалась нерешенной главная задача внешней политики Руси — оборона от печенежских племен, наступавших на русские земли по всему лесостепному пограничью.

Летопись вкладывает в уста князя Владимира следующие слова: «И рече Володимер: “Се не добро, еже мало город около Киева” И нача ставити города по Десне и по Остру, и по Трубежу, и по Суле, и по Стугне. И нача рубати (на-

бирать) муже лучшие от словен, и от Кривич, и от чюди, и от вятич, и от сих насели грады. Бе бо рать от печенег и бе воюяся с ними и одаляя им».

Эти слова летописи содержат исключительно интересное сообщение об организации общегосударственной обороны. Владимир сумел сделать борьбу с печенегами делом всей Руси. Ведь гарнизоны для южных крепостей набирались в далеком Новгороде, в Эстонии (Чудь), в Смоленске и в бассейне Москвы-реки, в землях, куда ни один печенег не добирался. Заслуга Владимира в том и состоит, что он весь лесной север заставил служить интересам обороны южной границы. Постройка нескольких оборонительных рубежей с продуманной системой крепостей, валов, сигнальных вышек сделала невозможным внезапное вторжение печенегов и помогла Руси перейти в наступление. Тысячи русских сел и городов были избавлены от ужасов печенежских набегов.

Князь Владимир, испытывая большую нужду в крупных военных силах, охотно брал в свою дружину выходцев из народа, прославившихся богатырскими делами. Он приглашал и изгоев, людей, вышедших поневоле из родовых общин и не всегда умевших завести самостоятельное хозяйство. Изгойство переставало быть страшной карой — изгой мог найти место в княжеской дружине.

Владимир взошел на престол язычником, противником христианства. Он много воевал, много занимался внутренними делами страны, он вершил суд, собирал дани, сажал по городам и землям своих наместников и посадников. Он достиг самых вершин власти.

Задачей своей он видел объединить земли русские в единое государство.

С этой же целью Владимир предпринимал попытки создать пантеон, в котором были бы представлены божества разных земель и народов, живших в пределах Древней Руси. И когда эта попытка не увенчалась успехом, он решил объединить их религией с единым, лишенным этнических признаков богом, религией, стирающей прежние родоплеменные отношения и традиции и утверждающей принцип единения исключительно по вероисповедальному признаку.

При выборе религии князь мог ориентироваться на мусульманский Восток, иудейских хазар, католический Рим и православную Византию. В силу сложившихся экономических, военных и социально-политических отношений выбор был сделан в пользу византийского православия.

Предыстория христианства, а позднее и православия такова, что с момента своего появления христианство преследовалось в Европе вплоть до начала IV века, когда римским императором стал Константин. Несмотря на это, гонимые христиане рисовали везде знак рыбы как свидетельство неистребимости последователей Христа и самого христианства. Этот знак был выбран ими, потому что монограмма ΙΧΘΥΣ (Ихтис), состоящая из начальных букв греческих слов $\text{Ιησοῦς Χριστὸς Θεοῦ Υἱὸς Σωτὴρ}$ (Иисус Христос Божий Сын Спаситель), означает «рыба».

Существует предание о том, как Константин уверовал в христианство. Накануне важного сражения он и его свита увидели чудесный знак креста на небе, а ночью Константину было видение Спасителя, и он велел всем своим воинам сделать знак креста на шлемах и на щитах. Победив врага, Константин сам стал христианином. Он отменил все преследования христиан, построил христианский храм в Риме и созвал Первый Вселенский церковный собор в городе Никее в 325 году, положивший начало союза трона и алтаря, духовной и светской власти. Более 300 епископов съехались и сошлись на собор в Никее. Чтобы Константин мог присутствовать на этом соборе, императору был пожалован чин дьякона, так как миряне на собор не допускались, а обряд официального крещения Константин тогда еще не прошел.

Константин сделал своей столицей город Византию, впоследствии получивший имя Константинополь, а в 1453 году ставший турецким Стамбулом, или Истамбулом. Византия пробыла столицей Восточной Римской империи около тысячи лет, в то время как Рим оставался столицей западной части империи.

Византия стала центром православной культуры, искусства, богословия. Император Юстиниан построил в ней за-

мечательный величественный храм Святой Софии Премудрости Божией, который стоит до сих пор и который посетили послы князя Владимира при выборе религии для Руси.

Вот как о выборе религии Владимиром рассказывает Нестор: с тем чтобы узнать, какая из религий самая лучшая, были отправлены послы к мусульманам, евреям, католикам и к православным. Владимиру не понравился ни ислам, запрещавший вино («Руси есть веселие пити, — заметил Владимир, — не можем без того быти»), ни иудейство, последователи которого изгнаны из своего отечества, ни католицизм своим аскетизмом.

Да и одевались католические священники очень скромно: в простые повседневные черные рясы и по особым дням — в белые. На голову под цвет рясы надевали маленькие шапочки. В Западной Европе символом «отречения от мирских интересов» считали прическу католического духовенства — тонзуру (выстриженный кружок на макушке). Католики выбривали тонзуру при посвящении в духовный сан; прикрывалась тонзура шапочкой под цвет рясы — пилеолумом. Все это производило на князя Владимира жалкое впечатление. Попутно заметим, что подобные шапочки — кипы — носят иудеи.

Факт изучения Владимиром религий подтверждает и свидетельство арабского «Сборника анекдотов» (XIII век), написанного Мухаммедом ал-Ауфи и содержащего рассказ о посольстве Буламира (Владимира) в Хорезм с целью «испытания» ислама на предмет обращения в мусульманскую веру¹³.

Что же касается православного христианства, то вернувшиеся из Константинополя послы были в полнейшем восхищении. Великолепие Софийского храма, блеск одежд служителей церкви, пышность церемоний с присутствием императора со всем своим двором (византийские императоры во время богослужения шествовали в золотых парчовых ризах), патриарха с многочисленным духовенством, фимиам, стройность песнопения — все это сильно подействовало на воображение русов. Последние сомнения Владимира рассеялись, когда бояре сказали ему: «А ще бы лих закон

греческий, то не бы баба твоя прияла Ольга, яже б мудрейши всех человек».

Не позднее конца IX — начала X века на Руси распространяются славянские азбуки, изобретенные Кириллом и Мефодием, — кириллица и глаголица. Эти азбуки были приспособлены к сложным звукам славянского языка. Первоначальное распространение они получили в западнославянском государстве — Великой Моравии, а затем проникли в Болгарию и на Русь. В видоизмененной форме кириллица является современной русской азбукой.

Кирилл и Мефодий перевели с греческого на славянский богослужебные книги, первая из которых — Евангелие. Впервые славяне, и русский народ в том числе, вместе с крещением смогли определить и осознать свое место в христианском мире, заплатив за это дорогой ценой — постепенной утратой своей собственной рунической письменности и литературы, о чем мы расскажем несколько позднее.

Итак, князь решился принять православие. При тогдашних богословско-юридических воззрениях византийцев принятие крещения из их рук означало переход новообращенного народа в вассальную зависимость от Византии. Но Владимир вторгся в византийские владения в Крыму, взял Корсунь (Херсонес) и отсюда уже диктовал свои условия императорам Василию и Константину. Он хотел породниться с императорским домом, жениться на царевне Анне и принять христианство. Ни о каком вассалитете при таких условиях не могло быть и речи. Императоры согласились выдать за Владимира свою сестру при условии, что он примет крещение, так как их сестра не может выйти замуж за язычника. «Я давно испытал и полюбил закон греческий», — ответил на это князь.

«Перед самым прибытием царевны Анны со священниками, которые должны были его крестить, а затем бракосочетать, с Владимиром произошло чудесное событие, в котором сокрыт глубокий духовный смысл. По особому попущению Божию он был поражен тяжелой глазной болезнью и совершенно ослеп. Владимир в этом состоянии познал свою духовную немощь, свое бессилие и ничтожество и с чувством уже глубокого смирения приготавлился

к принятию великого таинства. И над ним совершилось великое чудо, которое явилось символом его духовного прозрения и перерождения. Едва только корсуньский епископ, совершавший крещение, возложил руку на выходящего из купели Владимира, нареченного Василием, как он мгновенно прозрел и радостно воскликнул: “Вот теперь-то впервые я узрел Бога истинного!” Многие из дружины его, пораженные чудом, тут же крестились, а затем совершено было бракосочетание князя с царевной Анной»¹⁴, — так излагает этот эпизод «Повести временных лет» архимандрит Аверкий.

Крещение Владимира и его брак с наследницей римских императоров были совершены в завоеванной им Корсунь. Взятые им в Киев священники стали его пленниками, церковные украшения, мощи, которыми он обогатил и освятил свою столицу, стали его добычей. Возвратившись в Киев в 988 году, Владимир повелел всем своим подданным принять христианство.

Вероятно, сначала Владимир открыто окрестил своих сыновей и других членов семьи, которые должны были подать пример остальным. Согласно позднему киевскому преданию, крещение двенадцати сыновей Владимира происходило в «единой кринице» — источнике, получившем с того времени название Крещатик. Тогда же приняли святое таинство и многие из знатных киевлян.

Как быстро сумел Владимир привести к крещению остальную часть города, мы не знаем. В «Истории Российской» В. Н. Татищева рассказывается о том, как киевский митрополит и священники долго уговаривали киевлян принять новую веру, но лишь отчасти добились успеха. И Владимиру пришлось проявить твердость, произнести свое веское княжеское слово. Он посылает по всему городу глашатаев объявить жителям так: «Если кто не придет завтра на реку — богат ли, или убог, или нищий, или раб — да будет противник мне». «И услышав это, пошли люди с радостью, радуясь и говоря: “Если бы не хорошо это было, не приняли бы сего князь и бояре”»¹⁵.

Конечно же, Нестор преувеличивал, рисуя идиллическую картину. И все же он верно изобразил всеобщий характер киевского крещения. Христианство утверждалось на Ру-

си трудно, долго; старая вера неохотно уступала свое место в умах и душах людей, но главное — смена религий прошла в основном мирно, без гражданской войны и раскола общества. И это — еще одна великая историческая заслуга князя Владимира.

Обряд крещения киевлян совершали привезенные Владимиром из Корсуни византийские священники. Летописи рассказывают, как проходил обряд крещения. В 988 году по приказанию Владимира киевляне обоего пола, господа и рабы, старики и дети, входили в священные воды Днепра — теперь освященной древнеязыческой реки, а греческие священники, стоя с Владимиром на берегу, читали над ними молитвы крещения и давали имена крестившимся. Многие язычники не хотели расставаться со своими богами. Они плакали, отказывались креститься, бросались на священников, но их силой заставляли принимать новую религию.

Деревянную фигуру языческого бога Перуна, только еще недавно позолоченного, князь Владимир приказал стащить с горы и бросить в Днепр. Других идолов изрубить на куски и сжечь. Страшно было людям смотреть, как плывет по реке некогда грозный бог. И трудно было поверить, что деды и прадеды молились простому дереву, веками приносили ему жертвы...

На холме, где стоял Перун, Владимир приказал возвести церковь в честь своего небесного покровителя Василия. На месте же гибели христиан-варягов закладывается церковь Пресвятой Богородицы. На содержание этого храма князь жертвует десятую часть своего дохода, отчего церковь стала называться Десятинной. Со временем Владимир переносит в нее нетленное тело своей бабки — равноапостольной княгини Ольги.

После крещения киевлян Владимир приказал ставить церкви во всех городах, селах, толковать христианское учение людям и приводить их к крещению. Были те, которые сразу и без сомнения приняли новую веру, но их было мало. Многие крестились, оттого что страшно было послушаться приказа великого князя...

Но от веры отцов и дедов отречься еще страшнее. И поэтому ставили в избах христианские иконы, а под крыша-

ми домов по-прежнему красовалось резное деревянное солнышко. Молились Богородице, просили ее о помощи, да не забывали пошептать старые заговоры и заклинания от разных невзгод — вдруг помогут. День Перуна совпал с днем Пророка Ильи. Ходили в церковь, молились Илье-пророку, да не забывали и Перуну жертву принести. Невозможно было поверить, что грозный бог — лишь простая деревяшка, а не верить новому Богу еще страшнее.

В 989 году Владимир крестил и новгородцев в Волхове. Низвергнутый Перун будто бы вопил: «О горе! Ох мне! Досталася немилостивым сим рукам». Близкий к Новгороду Чернигов был крещен только в 992 году.

Крещение Руси, задуманное и проведенное как политический акт государственной власти, не замедлило дать политические плоды. Власть князя теперь была «дарована Богом». Открывались новые торговые перспективы — единоверцев на рынках Европы и Византии принимали совершенно иначе, чем «варваров» и «скифов». Благодаря крещению впервые русские смогли занять достойное место в христианском мире. То, что христианство осуждало рабство, привело к прекращению работоторговли. Кстати, в английском, немецком и французском языках понятие «раб» обозначается словом, производным от «*sclavinus*» — «славянин», поскольку рабы-славяне очень ценились на невольничьих рынках.

Процесс христианизации протекал постепенно и занял приблизительно 100 лет (по некоторым оценкам — гораздо больше). С учетом размеров страны это очень малый срок: крестившимся почти одновременно с Русью Швеции и Норвегии потребовалось на это соответственно 250 и 150 лет. Государственная реформа Владимира как бы высвободила постепенно накапливавшийся в древнерусском обществе потенциал — началось бурное, стремительное развитие.

Христианство и язычество не просто уживались друг с другом, но проникали друг в друга. Старые языческие обряды постепенно наполнялись новым христианским содержанием; новое христианское мироощущение вытесняло старое языческое, хотя, естественно, и не до конца. При

этом постепенно складывался особый тип русского православия, отличный от современного ему византийского.

Русь была крещена Владимиром. Но это был только толчок в правильном направлении — после этого в течение долгого времени она медленно шла к христианству и в конце концов вобрала его в себя. «Русь не просто приняла христианство, — она полюбила его сердцем, она расположилась к нему душой, она излегла к нему всем лучшим своим. Она приняла его к себе в название жителей, в пословицы и приметы, в строй мышления, в обязательный угол избы, его символ взяла себе во всеобщую охрану, его поименными святыми заменила всякий другой счетный календарь, весь план своей трудовой жизни, его храмам отдала лучшие места своих окружий, его службам — свои предрассветья, его постам — свою выдержку, его праздникам — свой досуг, его странникам — свой кров и хлебушек»¹⁶. Так писал Александр Исаевич Солженицын.

Только с принятием христианства образовался на Руси ранее не существовавший слой людей, сознательно посвятивших себя задачам культурного строительства. Ведь в эпоху Средневековья именно церковь задавала тон в строительстве городов и крепостей, создавала архитектурный пейзаж, учила бережно относиться к окружающей среде, художественному созерцанию природы. Христианство несло с собой понятие истории, ибо воспитывало на предании, идущем из глубины веков, несло уважение к предметам старины и искусства.

Приняв христианство, киевский князь Владимир принял и византийскую культуру, которая скрестилась с языческими обычаями славяно-русов, но как более сильная на первых порах их заслонила. Однако процесс обрусения византийского стиля выявился рано и весьма энергично — это позволяет предполагать, что у восточных славян, а вернее — славяно-русов, уже раньше была своя достаточно развитая культура. Они имели довольно широкие торговые отношения — преимущественно с Азией. В одном из городищ были найдены восточные монеты, относящиеся к 699 году, то есть за два столетия до призвания варягов. А близ Новгорода был найден сосуд с монетами, которые свидетельству-

ют о том, что уже в VII веке славяно-русы обладали звонкой монетой.

Но главным образом на Руси все-таки имели хождение восточные серебряные монеты, реже византийские. Серебро само лилось к нам рекой. В прямом и переносном смысле — Великий Волжский путь приносил на Русь с Востока огромное количество монет. Можно сказать, что в те годы (VIII—X века) резервной валютой древнерусской экономики был арабский дирхем. Чеканились дирхемы в Багдаде, Самарканде и Басре; представляли они собой тонкие кружки серебра диаметром 2—2,5 сантиметра. Дирхемы, полученные в обмен на соболей, бобров, мед и оружие, оседали у вольных славянских племен в неимоверном количестве. Арабский путешественник Ибн Фадлан так говорил о странном обычае русов: «Скопив 10 тысяч дирхемов, они дарят своей жене серебряное монисто». Каково же было удивление араба, когда он увидел русских женщин, носящих на шее 10, 20 и даже 30 рядов монист! Естественно, такое богатство не могло не привлекать киевских князей — они привели окрестные славянские племена к покорности и стали контролировать денежные потоки сами, назначив своих администраторов. Собственно, это и было началом Древнерусского государства и началом того, что стало обычаем.

В Киевской Руси отважным богатырям-полководцам князья начали вручать золотые гривны — нашейные (на гриву) обручи. Одним из таких героев был Александр Попович (в сказаниях — Алеша Попович, то есть сын священника), чьи подвиги стали основой для древнерусских былин. Самое раннее из известных сегодня упоминаний о награждении гривной имеется в летописи за 1000 год (6508 год «от сотворения мира»).

Со временем в Древней Руси одним из показателей солидного положения человека в обществе стало наличие у него (или у нее) серебряного или — изредка — золотого шейного обруча — гривны. Разновидности гривен могли демонстрировать в одних случаях уровень богатства, а в других — храбрость владельца, ибо князья одаривали золотыми гривнами самых отважных воинов.

Вероятно, гривны были столь престижной частью гардероба, что их охотнее других предметов принимали в обмен или оплату за дорогой товар. Когда же при купле-продаже стали использовать простые слитки серебра, на них распространилось название «гривна».

Лишь в 1701 года гривна приобрела форму цельной монеты. Правда, в номинале чаще упоминалась не «гривна», а «гривенник». С 1797 года на монетах появляется новое обозначение номинала — «10 копеек», но народная молва до сих пор сохранила и прежнее название. Кстати, монету достоинством 20 копеек чаще именовали «двугривенным».

Стабильность, впрочем, длилась недолго. Первый финансовый кризис накрыл Русь к началу XI века, когда выяснилось, что восточные рудники истощены. Запас серебра, однако, на Руси был велик, недаром до сих пор на Оке и Волге находят клады дирхемов до ста килограммов весом.

И князь Владимир Святославич решил чеканить свою собственную золотую и серебряную монету. Деньги тех времен назывались кунами. Не потому, что представляли собой шкурку или лапу куницы, как это часто думают. Скорее всего, слово «куна» имеет общее происхождение с латинским *cupes* — кованый (сравним еще с английским *coin* — монета). Иногда куна называлась шелягом. Забавно, что стандартная дань того времени — «по шелягу с сохи» — почти в точности соответствует английскому налогу в 1 шиллинг. Половинки монет назывались резанами. Расчет был простой — 50 резан = 25 кун = гривна кун. Гривна кун была уже не монетой, а счетной единицей и предназначалась для весьма крупных и почти банковских операций.

Положение не изменилось и в так называемый «безмонетный период» — с конца XII по XIV век. Почему-то прекращение хождения монет на Руси связывают с монгольским нашествием: дескать, торговля была подорвана и финансовая система рухнула в одночасье. В этом кроется лишь часть правды, ведь запасов серебра на Руси было достаточно и для ежегодной дани-выхода в Орду, и для чеканки собственной монеты. Но уже тогда русские безымянные финансовые умы решили вопрос с гениальной простотой —

ввели такую систему, до которой Европе было еще далеко: кредитные деньги. Основной запас по-прежнему составляли гривны, только теперь уже не «гривны кун», а «гривны серебра», стоившие в четыре-пять раз больше.

А вот для разменных и торговых операций использовали либо кожаные «ассигнации», либо шиферные пряслица (наконечники на веретено) с особым «знаменем» (печатью) князя.

В те времена наиболее развитыми и продвинутыми европейскими государствами были Византия и, как ни странно это нынче звучит, Испанский арабский халифат. Но даже выдавшего виды испанского араба Абу Хамида ал-Гарнати (1080 или 1100—1169 или 1170), побывавшего во многих странах поразила финансовая система русских: «Между собой они производят операции на старые шкуры белок, на которых нет шерсти, в которых нет никакой другой пользы и которые ни на что решительно не годятся. Они их укрепляют в пачку и называют джукн. За каждую шкурку из этих шкур дают краюху отличного хлеба, которая достаточна для сильного человека на целый день. На них же покупается все, как то: рабыни, отроки, золото, серебро, бобры и другие товары. А если бы эти шкуры были в какой другой стране, то за тысячу их выюков не купить бы одного зерна и не были бы они годны решительно ни на что». Из записок удивленного араба видно, что богатые русские уже тогда испытывали слабость к толстым пачкам денег.

Над нашими «деньгами» — собольими шкурками, пришедшими на смену беличьим, иностранцы посмеивались. Но на Руси соболья шкурка была самым удобным и ходовым денежным мерилom. На шитье мужской рубахи на меху — зимней одежды, прототипа мужского кафтана, шло сорок собольих шкурок. Отсюда устоявшееся измерение на Руси — сорок, и с этим связаны такие выражения, как «сорок сороков»: «в Москве на праздники звонят сорок сороков колоколов»; «на Самсонов день — дождь, все сорок дней будут лить дожди»; «с Поклонной горы все сорок сороков видны» и т. д. и т. п.

Не хочется о грустном, но из тех времен до наших дней дожил обычай поминать усопшего на сороковой день после кончины.

Но вернемся к шкуркам: если говорить о них как о деньгах, то надо сказать самое главное — что шкурки обеспечивались драгметаллами. То есть теми же гривнами-слитками.

Если учесть тогдашнюю покупательную способность этого куса серебра, то на эту гривну можно было купить табун из пятнадцати — двадцати кобылиц либо стадо коров голов в сорок. Именно такие гривны весом в 197 граммов и составляли государственный валютный запас суверенной Новгородской боярской республики.

Московская гривна была полегче и ценилась ниже. С финансами на Москве тогда было туговато. Только полувековыми трудами Ивана Калиты и его сыновей Москва немного поправила свои дела.

Надо сказать, что собственных денег московские князья не чеканили по той причине, что выпускать свою монету имели право только полностью независимые государи. Наши же князья считались данниками Орды, и татары пресекали попытки введения собственной московской монеты очень жестко.

Только Дмитрий Донской, доказав относительную суверенность Москвы на Куликовом поле, уже имел полное право чеканить свою монету. Чем он и занялся в подражание соседним европейским государям. При этом система кредитных денег была забыта на долгие 400 лет. В те же годы забывается общеевропейское название «куна» и постепенно вводится тюркское «денга», в свою очередь заимствованное тюрками из языка фарси. Таким образом появляются собственно русские деньги.

И... фальшивомонетчики. Самый первый, известный нам из исторических хроник, Федор Жеребец, «ливец и весец» (то есть литейщик и весовщик), изготавливал гривны из разных сплавов и был пойман на этом в 1447 году.

При отце Ивана Грозного Василии III (княжил в 1505—1533 годах) число подобного рода безобразий значительно возросло. Как говорит летописец, «при державе великого князя Василия Ивановича начаша безумнии человецы, научением диавольским деньги резати и злой примес класти, того много лет творяху». Их не останавливали даже жесточайшие публичные казни. Известно, что пойманным фальшивомонетчикам во время Ивана Грозного (1533—1584 го-

ды) заливали горло расплавленным металлом. Позднее, во времена Смуты, Москву наводнили фальшивки, выпущенные шведами за шесть лет оккупации Новгорода и прозванные «корелки худые». Они очень серьезно подрывали нашу экономику.

Наш первый царь из рода Романовых — Михаил Федорович (царствовал в 1613—1645 годах) отменил для фальшивомонетчиков смертную казнь, заменив ее публичной поркой кнутом, выжиганием на щеках слова «вор» и высылкой в отдаленные города «до государеву указу». Двадцатилетнее послабление привело к невиданному разгулу воровства. К относительному спокойствию от народных фальшивомонетчиков привел только указ 1637 года: «Впредь указал есмь: кто воровское дело заведет, маточники и чеканы резать, или кто деланные купит и учнет воровские деньги делать, тем ворах велим заливать горло по-прежнему, без всякие пощады».

И вот тут, как это часто у нас бывает, место присмиривших фальшивомонетчиков из простых людей заняли бояре из царской администрации. Они развернули дело с таким масштабом, что не снился даже шведам. Царский тесть (отец Марии Ильиничны, первой жены царя Алексея Михайловича, правившего с 1645 по 1676 год,) глава Приказа Большой казны боярин Милославский, использовал реформу перехода страны к медным деньгам с невероятной наглостью: он привозил свою медь на Кремлевский монетный двор, заставлял чеканщиков делать из нее монеты, а потом увозил домой возами, наворовав таким образом до 300 тысяч рублей, и все это мелкими копеечками!..

Но вернемся к Древней Руси.

Мечи, выработанные у славяно-русов, пользовались славою даже у арабов. Нестор рассказывает, что хазары наложили на полян дань, состоявшую из мечей. Когда последнее принесли это оружие своим победителям, то хазары пришли в ужас. «Наши мечи, — сказали они своим князьям, — имеют только одно острие, а эти обоюдоострые. Надобно опасаться, что этот народ некогда возьмет дань с нас и других народов». Полагают, что германцы заимствовали

у славяно-русов плут и что немецкое «Pflug» происходит от русского «плуг».

Археологические раскопки свидетельствуют о высоком уровне художественного ремесла и строительства у славяно-русов. Дохристианская Русь знала литье и чекан, керамику и вышивку, владела тонким мастерством эмалей. Она производила искусные ювелирные вещи — бронзовые амулеты и украшения, звездчатые подвески, пряжки, колты и гривны (древние серьги и ожерелья, осыпанные «зернью», увитые сканью). В узоры этих изделий вплетались птичьи, звериные и человеческие фигуры — славянский вариант поздневарварского «звериного стиля».

У славяно-русов, так же как и у всех других народов, было много богов: Сварог, или Сварожич, — бог неба и огня, Ярило, или Дажьбог, — бог солнца, богом солнца был и Хорс, Перун — бог грома и молнии, Стрибог — бог ветра и т. д. Перуна считали покровителем земледелия, поскольку он посылал на землю дожди, от него зависел урожай. Наши предки приносили своим богам жертвы, для чего существовали определенные места — святилища; они верили, что всюду есть могущественные правители — добрые и злые духи: в лесу — леший; в воде — водяной с русалками, в доме — домовый. Обычно он живет за печкой. Большую часть времени домовый остается невидимым, но иногда показывается людям в облике лохматого седобородого старичка. Домовый добродушен, но, если люди обижают его и не оставляют ему на ночь чего-нибудь вкусненького, он принимается бить посуду и пугать домашних животных. По славянским поверьям, если домовый коснется кого-нибудь из домочадцев мохнатой лапой, это сулит удачу и богатство всему дому. Переезжая в новый дом, семейство забирает домового с собой. С этой целью исполняется особый обряд.

В основании религии славяно-русов, как и других арийских народов, лежала природа с ее явлениями, то есть язычество было своего рода формой освоения человеком природы. Вообще же у них было две категории божеств — одни олицетворяли природу, а другие — души предков; одни были добрые, другие — ужасные и зловредные. Вначале по-

следних называли русалками, а затем это название было вытеснено тюркским «убур», или «упырь».

У русского книжника XII века в «Слове об идолах» различаются три этапа языческой культуры: 1) славяне сначала «клали требы упырям и берегиням»; 2) под влиянием среднеземноморских культов славяне «начали трапезу ставить Роду и рожаницам»; 3) начали поклоняться «проклятому Перуну и Хорсу и Мокоши и Вилам».

Упомянутый здесь Хорс, в частности, представлялся славянам белым конем, совершающим свой бег над землей с востока на запад. У славян конь считался священным животным. Деревянными конскими головами украшали наверхия крыш домов. Конские головы втыкали на колья возле конюшен и хлевов. Славяне считали, что они отгоняют злых духов. В некоторых местах России до конца XIX века сохранялись каменные статуи коней. На острове Коневце в Ладожском озере славяне еще в XV веке приносили в жертву такому коню-камню живого коня.

В XIX веке в Тульской губернии во время падежа скота возле коня-камня опахивали землю. Считалось, что кони связывают небо и землю, богов и людей. Самым древним богом была и «наша мать — земля сыра».

Языческие символы проявлялись в славянском фольклоре. В некоторых древних песнях упоминаются Купало и Ярило — представители летнего солнца и Дид-Ладо — богиня плодородия. Дид (дед) Ладо — было также и названием божества солнца. Последнее название, означающее свет, красоту, мир, любовь, радость, — все это полнее всего относится к солнцу. Имя Ладо и Лады давалось также любовникам, любящим супругам, первообразом которых была небесная чета — Ладо и Лада (солнце и луна). В различного рода сказаниях, былинах встречаются райское дерево Вырий, береза, дуб, сосна, рябина как ось мира, вертикаль, обозначающая сакральный центр.

В эпических песнях прославляли Дуная, Дон Ивановича, Днепра Королевича — олицетворения рек. Былинный богатырь Илья Муромец, побеждавший двенадцатиглавых змеев, был своего рода солнечным божеством, низведенным в степень богатыря. Микула Селянинович — добрый

земледелец, соха которого, ударяясь своим жезлом о камни в почве, слышится на расстоянии трех дней пути, был своего рода символом обожествления народа, любящего земледелие.

Едва ли не в каждой сказке, повествующей о препятствиях, которые приходится преодолевать их добрым, мужественным и смекалистым героям, встречаются Кашей Бессмертный и Баба-Яга, живущая на поляне дремучего леса в избушке на курьих ножках, поворачивающейся на ветру, олицетворяющие собой силы, враждебные человеку. Кстати сказать, в старину деревянные домики в топких сырых местах ставили на пеньки с обрубленными корнями. Отсюда и появилось: избушка на курьих ножках, в которой разве что и может жить только Баба Яга да самые бедные из бедняков. Морской царь, увлекающий пловцов в свои подводные дворцы, символизировал таинственные силы рек и морей, Мороз — жестокую зимнюю стужу.

Частый персонаж русского фольклора — кикимора; это маленькая женщина-невидимка с развевающимися волосами, астральное воплощение души умершего. Считается, что она преследует и всячески досаждаёт ленивым хозяйкам. Простой народ, особенно в сельской местности, до сих пор верит в то, что появление кикиморы в доме предвещает беду. О некрасивой, недоброй женщине мы до сих пор говорим — кикимора болотная.

Наши предки были очень суеверны. Чтобы «нечистая вражья сила», присущая «колдунам» и «ведьмам», не могла вредить другим после их смерти, в их могилы вбивали осиновые колы. Об этом обычае осталось только выражение «вбить осиновый кол», то есть покончить с чем-нибудь раз и навсегда.

Языческие символы можно увидеть в мотивах севернорусской вышивки, где обычно помещаются всадники, звери или птицы, таинственные птицедевы Сирин и Алконост, свившие свое гнездо на древе жизни; в скульптуре — статуи языческих богов из дерева или камня; в зодчестве — на передней части двускатной кровли русских жилищ вытесывали изображение конской головы или птицы; в узелковой письменности древних славян.

И коли мы упомянули былинных героев, в том числе Илью Муромца, надо тут же отметить, что эти герои имели своих прототипов в жизни. Дело в том, что для защиты от вражеских набегов на Руси ставились на рубежах заставы, а вперед высылались дозоры. Они предупреждали русичей о приближении врагов. Службу на заставах несли самые сильные и умелые воины. Одну из застав, что зорко стерегла границы с юга, так и прозвали — богатырская. Воеводой на этой заставе был Илья Муромец. Первым помощником на заставе был Добрыня Никитич, второй по силе и удалу русский богатырь. Третий русский богатырь, служивший на заставе, — Алеша Попович — сын Левонтия, священника из Ростова. Еще в мальчишестве проявилась его богатырская стать. Пробовали его звонарем, но от Алешиной силы бочка у колоколов трескалась, языки обрывались. А когда брали певчим в церковь, то от его голоса штукатурка в храме осыпалась. Богатырь Алеша Попович жил во времена Владимира Мономаха. В 1001 году он сразил насмерть самого могучего печенежского богатыря, пленил князя печенегов Родмана.

Еще один воин Александр Попович назван в рукописях среди погибших в битве с татарами на реке Калке в 1223 году.

Но не только в древних рукописях остался след русских богатырей. Посланник римского императора Эрих Лассонто в XVI веке видал в Киеве гробницу Ильи Муромца. Этот Илья Муромец после многочисленных ранений на заставе стал монахом в Киево-Печерской лавре. А когда на лавру напали враги, Илья Муромец встал на ее защиту. В этом сражении он и был убит.

Илья Муромец — единственный герой русских сказок и былин, причисленный к лику святых. Православная церковь отмечает 19 декабря по старому стилю, а по новому 1 января «память преподобного нашего Ильи Муромца в двенадцатом веке бывшего».

Былины, в отличие от сказок, часто повествуют о том, что было на самом деле. Былины — память народа. А народ только тогда бессмертен, когда помнит и чтит свою историю.

После обряда крещения Владимир занялся преобразованиями, строением церквей, народным просвещением. Во всех своих деяниях он опирался на выборную власть.

Владимир основал школы, в которых мальчики учились грамоте, изучали Святое Писание, переведенное на славянский язык. Учиться мальчиков брали насильно, и родители, глубоко убежденные в том, что грамота есть опасный вид колдовства, проливали слезы отчаяния. «Послав пачи помимати у нарочитое чади дети, и даяти нача наученье книжное; матери же чад сих плакуся по них, еще бо тере же чад сих плакуся по них, еще бо не бяхуся утвердились верою, по акы по мертвеци плахуся»¹⁷

Нестор в «Повести временных лет» воспекает деяния Владимира и перемены, происшедшие с ним после крещения. Князь избегает военных столкновений, отказывается от казни как меры наказания даже для разбойников. Теперь Владимир, имевший около 300 жен, живет и любит только одну свою греческую супругу, раздает милостыню и свои доходы церквям и убогим.

Первоначальное христианство на Руси было радостным, не отрицавшим земных страстей, чуждым монашескому аскетизму. Во времена Владимира Святославича на Руси не было своих монахов, не существовало монастырей. Из проповедуемых христианских добродетелей наиболее ценилась любовь к ближнему, проявлявшаяся, в частности, в практике пиров и подачи милостыни бедным. Владимир Красное Солнышко сохранил этот обычай, придав ему новое содержание.

Согласно былинам и летописям, в княжеских грядницах, больших светлых залах, где князь собирал на «почетные пиры» свою дружину, среди роскоши и всяческого дворцового великолепия с золотой посудой, златоковаными столами, турьими рогами в чеканной оправе, цветистыми коврами и курильницами, расточающими благовоние, царили веселье, богатырская удаль и молодечество. Представители дружинной и племенной знати обсуждали текущую политику, что служило сплочению нового класса феодалов. Сохранилось упоминание, что на одном из таких пиров в 996 году

князь Владимир пользовался серебряной ложкой — по тем временам это было большой редкостью.

На широком княжеском дворе Владимир угощал по праздникам весь народ, а больным велел развозить по домам хлеб, мясо, мед и другое угощение. Трапезы для голодных стали устраиваться по его желанию не только в Киеве, но и в других городах и деревнях. Князю хотелось, чтобы на Руси не было больше нищих и голодных. Так что Владимир Красное Солнышко вошел в историю не только как Креститель Руси, но и как первый русский меценат.

Одним из видов милостыни, а по сути, издревле существовавшим обычаем оставался выкуп пленных с предоставлением им свободы.

Владимир — Креститель земли русской вместе с новой христианской верой и новой женой привез из Византии и многие элементы культуры, быстро прижившиеся у нас. И отношение к женщине, и понимание женской красоты с ее пышными формами, и даже некоторые развлечения, например игру «тавла», что в переводе означает доску, на которую выбрасывались кости. «Двигая тавлеи золоченые», играл при дворе Владимира Красное Солнышко еще Илья Муромец. Видимо, скорее всего, это была игра, похожая на известные нам нарды.

К XII веку «тавлеи золоченые» распространились и на Москве, куда их занесли переселенцы из южных областей. В XIV веке здесь также появились классические шахматы. В них, как это ни покажется сейчас нам чем-то необычным, играли все слои московского населения — от князей до последних посадских. И даже московская беднота любила эту игру. Об этом свидетельствуют раскопки в Зарядье, где у рыбокопильни археологи обнаружили самопальные две пешки и ладью.

Но постепенно эти игры стали вытесняться зернью, то есть игрой в кости. Играли, как и в «тавлеи» и шахматы, на деньги, что приносило горе и слезы в семью, но деньги в казну, ибо, несмотря на всяческого рода запреты со стороны церкви, закладные игры (то есть на деньги) были монополизированы государством и отдавались на откуп кабатчикам. Так, за право открыть у себя в кабаке майдан (что-то

вроде древнемосковского казино) с игрою в зернь кабатчик выкладывал гигантские суммы денег.

15 июня 1015 года Владимир внезапно скончался. Своему любимому сыну Борису он оставил командование ратью, а значит, и золотой стол киевский, а нелюбимому пасынку Святополку — тюрьму и, возможно, казнь. Но произошло все наоборот: Святополка освободило наемное войско Новгорода — варяги и посадили на престол. Так новгородцы отомстили Киеву за насильственную христианизацию и попрание языческих святынь. Войско же Бориса разбежалось, покинув своего вождя.

Тогда Святополк послал убийцу к Борису и его брату Глебу, а третий брат — Святослав, правивший древлянами, бежал, но был настигнут и тоже убит. И никто не вступился за несчастных юношей, «не повинных ни в каких преступлениях».

Однако рецидивы язычества не могли повернуть историю вспять. Язычество уходило «под спуд».

Скульптурные идолы богов после принятия христианства уничтожались, уцелели только немногие — грузные плосколицые «каменные бабы». Их примитивная глыбистая форма по-своему внушительна. Но эти, собственно, культовые произведения славян далеко уступают их декоративно-прикладным изделиям. Искуснее всего языческая Русь была, по-видимому, в обработке дерева. Деревянные постройки — избы и хоромы, ворота и мосты, крепостные стены, а также лодки, сани, телеги, всякая утварь, щедро украшаемая резьбой, определяли ее облик.

Большое каменное строительство началось на Руси только в X веке. Это было строительство христианских церквей — естественно, по византийскому образцу. Однако с самого начала оно восприняло и некоторые черты самобытного деревянного зодчества. Храм Софии, воздвигнутый в Киеве, имел тринадцать куполов на столпах, а не дошедшая до нас Десятинная церковь, построенная Владимиром, о которой упоминалось ранее, — даже двадцать пять куполов. Эта многоглавость — своеобразная русская особенность, она часто встречалась в деревянных постройках. На Беломорском

Севере вплоть до XIX века строились деревянные церкви, срубленные «без единого гвоздя», — среди них примечательна двадцатитрехглавая церковь в Кижях.

Продолжительное время духовная жизнь на Руси определялась явлением, которое принято обозначать как православно-языческий синкретизм, то есть нерасчлененность, слитность.

Возникшая на Руси уже в XI веке ситуация «двоеверия» — «двукультурья» сказывалась на всех уровнях средневекового общественного сознания. В результате, несмотря на все возрастающее влияние православия и постепенное изживание прежней мифологической системы взглядов, на Руси утвердился иной, чем в Византии, религиозно-мировоззренческий идеал, который далеко не во всех чертах повторял исходный прототип.

Постепенно славяно-русы привыкали к христианской религии, но старые языческие верования окончательно не исчезли. Многие из них сохранились и влились в христианство. Так, главные христианские святые соотнеслись с основными языческими божествами. Илья-пророк — с богом грома Перуном, святой Николай — с богом скота Велесом. Любопытно, что иногда такое соотнесение возникало и на основе созвучия имен, например, христианский святой Власий со временем стал покровителем домашнего скота, приняв эту функцию от языческого Велеса.

Как и другие религии, русо-славянское язычество отражало стремление людей разобраться в окружающей их природе. Одухотворение земли, воды, огня, растений и животных составляло важнейшую часть языческого культа. Его следы сохранились до наших дней во множестве примет, обычаев и поверий. Они иногда называются предрассудками. Наиболее полно эти поверья реализованы в народном календаре, где древнейшие верования соединились с накопленным веками опытом крестьян-земледельцев. Этот календарь охватывал все стороны трудовой и бытовой жизни человека.

Год у славяно-русов делился на двенадцать месяцев, в основе же календаря лежал период изменения лунных фаз. Первоначально счет времени велся по сезонам. Позднее пе-

решили к лунно-солнечному календарю, в котором семь раз в каждый девятнадцатилетний период вставлялся добавочный тринадцатый месяц.

Начиная с X века Новый год стали отмечать 1 марта, когда приступали к весенним сельскохозяйственным работам, а пять веков спустя, в 1492 году, в соответствии с церковной традицией начало года на Руси перенесли на 1 сентября, к началу уборки урожая. Месяцы имели чисто славянские названия, происхождение которых было тесно связано с явлениями природы: сентябрь — рюинь, ревень; октябрь — листопад; ноябрь — грудень; декабрь — студень, студный; январь — просинец; февраль — сечень, снежень; март — сухой, березозол; апрель — цветень; май — травный; июнь — изок; июль — червень, липец; август — зарев, серпень.

В свою очередь и христианство принесло с собой ежегодно повторявшийся круг праздников, богослужений и дней памяти святых. Календарные земледельческие праздники, образовавшие ежегодно повторявшуюся последовательность, достаточно четко соотнеслись с христианскими представлениями, в результате чего и появился тот феномен, который называют народным православием.

До крещения у славяно-русов был специальный праздник, в который вспоминали умерших. Так до нас дошел день Радоницы, или по-церковному — Поминовения усопших. В народе этот день называли Радуницей. В древнейшие времена, когда еще не было ни украинцев, ни русских, ни белорусов, а были восточные славяне и русы, наши общие прародители и родственные им прибалты радуницей называли тризну по умершим, которую справляли на их могилах или на месте сжигания трупов.

Выдающийся историк XIX века С. Соловьев выводил слово «радуница» от старолитовского «gauda» (рауда), то есть погребальная песнь. Ею отпевали умерших, ею же и поминали их.

Ритуал поминовения умершего связан с представлением о том, что покойник испытывает те же самые потребности, что и живой человек, в том числе нуждается в пище. Поэтому древние славяно-русы включали в ритуал похорон обя-

зательное угощение умершего. Для этого горячий блин или хлеб подносили к умершему так, чтобы до него дошел горячий пар, иногда блин просто клали на лавку в головах умершего. После погребения на поминках для умершего ставили отдельный прибор: стакан водки, накрытый хлебом. Обычно умершему посвящалась первая ложка еды и первый стакан воды.

После принятия христианства Радуница праздновалась во вторник второй недели после Пасхи. В этот день умерших поздравляли с Пасхой, принося на могилу яйца и освященные куличи. Там их съедали, а остатки закапывали в могильный холмик или клали поверх него.

К этому дню относится пословица: «На Радуницу утром падут, днем плачут, а вечером скачут», означающая, что после Пасхи вплотную приступают к сельскохозяйственным работам в поле, что Радуница — это день, когда обязательно ходят на могилы (один из главных родительских дней), а к вечеру веселятся.

Кроме того, умерших обязательно поминают в субботу перед Масляной неделей и перед Дмитриевым днем (26 октября). Эти субботы так и называют — родительскими.

После принятия христианства появился обычай отмечать девятый день со дня смерти. Однако не менее распространен обычай устраивать поминки на сороковой день, поскольку считается, что именно через это время душа умершего прибывает на тот свет. В древности справляемые в сороковины поминки были направлены и на то, чтобы помешать умершему найти дорогу домой. Для этого устраивали угощение не дома, а на ближайшем перекрестке дорог или непосредственно на могиле. Сохранился по сей день обычай рассыпать на могилах зерно — он связан с древнейшим представлением о душе как о птице. Съедая это зерно, птицы как бы помогали душе подняться в небо.

Одни языческие обычаи практически не изменились под воздействием христианства, другие напрочь исчезли, а некоторые оставили о себе память только лишь в нашей речи — например, обряд так называемого вторичного захоронения. Спустя несколько лет после похорон умершего его

кости выкапывались и перемывались для очищения его от грехов и снятия заклятия. Этот обряд сопровождался воспоминаниями о покойном, оценками его характера, поступков, дел и т. п.

Так что выражение «перемывать кости» имело самый прямой смысл и только со временем было образно переосмыслено. Как мы знаем, в наше время оборот «перемывать косточки» является синонимом глаголов «сплетничать», «злословить», «судачить».

А вот другой древний обряд, связанный с похоронами, — причитания дожил до наших дней. Возникший в гуще человеческих взаимоотношений, вначале он не имел прямого отношения к религии, но закрепленный религиозным способом мышления, смог сохраниться только благодаря христианству, православию, которое приурочивает плачи и причитания к различным моментам погребального обряда.

Основная причина оплакивания умершего заключается не только в том, чтобы дать родственникам возможность проститься с умершим и выразить свои чувства. Плачи и причитания имеют важное сакральное значение. Они основаны на представлении о том, что умерший может слышать все, что говорится вокруг него. Поэтому наряду с упреками в преждевременной кончине обязательным элементом плача является восхваление покойного (отсюда: «О покойном либо ничего, либо только хорошее»), а также просьба взять под свою защиту оставшихся живых родственников. Часто для причитания приглашали специальных женщин, плакальщиц. На Руси их называли вопленицами. Сменяя друг друга и причитая вместе, в один голос, они сопровождали весь погребальный ритуал.

С дохристианских времен происходит и любопытный обычай веселиться или петь и плясать, то есть так или иначе развлекаться после похорон. Вспомним пиры русских воинов, устраиваемые после кровопролитных сражений. Пир играл огромную роль в жизни язычников. Нередко эта тризна была одновременно празднеством в честь богов. Именно отсюда берет начало традиция изображать битву в виде пира.

«Тут кровавого вина не достало, тут пир окончили храбрые русичи, сватов напоили, а сами полегли...» («Слово о полку Игореве»).

Цель пира — повеселить умерших и не допустить их обиды. Этот ритуал ярко описан Пушкиным в стихотворении «Песнь о вещем Олеге», где плач переходит в тризну, а затем в кулачные бои. От таких пиров-тризн языческих времен происходит современная традиция устраивать после похорон поминки. Таким образом, соединение древних обрядов и ритуалов христианской религии смогло, не противореча традиционному укладу, дойти до наших дней.

Вплоть до конца XIX века причитания были составной частью традиционного свадебного ритуала, проводов солдата на военную службу, исполнялись при болезнях или перед предстоящей разлукой.

Русские свадебные плачи передавали печаль невесты о конце веселой беспечной жизни в доме родного батюшки и ожидания нелюбви и жестокосердия свекрови. И сегодня считается, что если невеста поплачет перед свадьбой, даже в том случае, что ее, по общему мнению, ждет сплошное благополучие, то это поможет ее замужеству стать счастливым. Эти обычаи чтутся и в наше время и в деревнях, и в городах, с той лишь разницей, что профессиональные вопленицы сохранились разве что в глубинке России.

Горе, гибель людей в мирное время, глубокая скорбь утраты близких и в наши дни вызывают массовые плачи, выражающие накопившееся в душе страдание. Причитания психологически помогают разрядить эмоциональное напряжение, снимают напряженность и нервные стрессы.

Не мудрствуя лукаво, надо признать, что бабий плач — это неотъемлемый элемент русской культуры.

С приходом христианства все языческие обряды преследовались как греховные. Однако вытравить обычаи, вошедшие в плоть и кровь, оказалось невозможным. И тогда церковь как бы «окрестила» языческий обряд, включив его в пасхальный цикл. И превратилась Радуница в Радоницу, изменив корень, взяв за него «радость». Заглянем в словарь Даля: «раду (о) нец, раду (о) ница, радовница, радошница», как объясняет знаток русского языка и русских народных

обычаев, — это радостная весть о воскресении Христовом, с которой приходят на кладбище родные и близкие покойников.

Синтез славяно-русской дохристианской культуры с тем культурным пластом, который поступил на Русь с принятием христианства из Византии и Болгарии, и приобщал страну к византийской и славянской христианской культурам, а через них — к культурам античной и ближневосточной, и создал феномен русской средневековой культуры.

Церковь играла позитивную роль в развитии русской государственности. Она обогатила социальным и политическим опытом древнерусское публичное право, повлияла на его эволюцию силой церковного суда, рассматривавшего кроме церковных правонарушений и неконфессиональные дела, а в сфере семейно-бытовых отношений закрепила моногамный брак.

Христианство не только осуждало полигамию, но и отвергало равенство детей, рожденных от слуг, с детьми законной супруги. Общество сопротивлялось этому новому принципу: сам Владимир, уже будучи христианином, разделил все поровну между всеми своими детьми, несмотря на то что некоторые из них были, по мнению церкви, незаконными. С течением времени этот новый принцип окончательно утвердился на Русской земле и русская семья, утратив азиатский характер, сделалась европейскою.

Сейчас часто обсуждают проблему брачного договора, якобы чуждого нашему менталитету и христианству. Но именно христианство, утвердив моногамный брак, по сути, утвердило и брачный договор (тогда его называли предсвадебным сговором), когда родители любого достатка на протяжении всей нашей истории, вплоть до 1917 года, договаривались о приданом и о судьбе молодоженов, о том, кто и чем из них будет владеть в случае смерти или брака того, кто стал вдовцом. Все это закрепляло моногамный брак, делало стабильными семейные отношения и положение детей, нажитых в браке.

Другое дело, что брачный договор непосредственно у молодых, вступающих в брак, как официальный документ по-

явился у нас позднее. Он стал включать в себя не только материальные вопросы, касающиеся состояния или наследства, но и чисто нравственные аспекты семейного счастья. Но об этом речь будет далее.

Христианство оказало влияние и на другие стороны законодательства. Воровство, убийство, разбой перестали быть частными оскорблениями, которые преследовались потерпевшими лицами или вознаграждались вирой (денежным штрафом): они теперь рассматривались как преступления, которые наказывались человеческим правосудием во имя Божие.

Христианство оказало, влияние и на развитие деловых контактов — они развивались в городах в тесной связи с церковной жизнью. По выходным и в дни религиозных праздников в церкви и монастыри стекалось множество людей, среди которых было очень удобно рекламировать свой товар. На первых порах торговля проходила прямо в храмах. Позднее она была вынесена на обширные прицерковные площади. В день ее открытия перед храмом поднимался крест или флаг. Это означало, что торг охраняется церковью или княжеской властью.

Пользоваться собственными весами торговцам не разрешалось. Официальные меры длины (локоть и т. д.), а также коромысловые весы хранились в церквях под их надзором.

Христианская религия ускорила развитие феодальных отношений в Киевской Руси, способствовала сближению ее с Византией и государствами Западной Европы. Благодаря христианству Киевская Русь быстро выдвинулась в ряд передовых стран средневекового мира.

Ярослав Мудрый, родившийся в 978 году, окончательно утвердился в Киеве в 1019 году и княжил до конца своих дней в 1054 году. Взяв престол, он принялся развивать внешнеполитические связи с Европой, для начала взяв себе в жены Ингигерду (1019—1050), дочь шведского короля Олафа Шетконунга. Олаф в качестве приданого дочери дал город Альдейгабург и всю Карелию. Северную красавицу Ингигерду окрестили Ириной. У них родилось 5 сыновей и 3 дочери.

Со стороны Ярослава это был важный и поистине мудрый выбор: ведь мать его будущих детей во многом определяла формирование их, мы бы сказали, европейского менталитета. Определенное значение в брачных союзах их детей имели и родственные, и дружественные связи великой княгини. Неудивительно поэтому, что всех трех своих дочерей Ярослав Мудрый выдал замуж в королевские дома Европы. Так все дочери Ярослава Мудрого стали королевами.

Елизавета стала женой норвежского короля Харальда (Гаральда) Грозного (1015—1066), который посвятил ей прекрасные, полные любви песни. Из нижеследующего отрывка в переводе поэта К. Н. Батюшкова понятно, что прозвище свое — Грозный — Гаральд носил не зря.

Мы, други, летали по бурным морям.
От родины милой летали далеко!
На суше, на море мы бились жестоко:
И море, и суша покорствуют нам!..
А дева русская Гаральда презирает.

Вы, други, видали меня на коне?
Вы зрели, как рушил секирой твердыни,
Летая на бурном питомце пустыни
Сквозь пепел и выюгу в пожарном огне?..
А дева русская Гаральда презирает.

И так все пять куплетов. Видно, как сильно он любил Елизавету. Из скандинавских саг и баллад мы знаем об их роскошной свадьбе. А исторические факты говорят, что после гибели Гаральда молодая вдова недолго была одна и вскоре вышла замуж за короля Свейна, правителя соседней Дании.

Анастасия стала королевой Венгрии.

Самая знаменитая судьба ожидала младшую дочь Ярослава — красавицу Анну, выданную за французского короля Генриха I из династии Капетингов. Потомками Анны были одиннадцать королей Франции, правивших в течение 267 лет.

Ярослав Мудрый занял славное место в ряду современных ему государей. Матримониальные связи русской кня-

жеской династии являются бесспорным свидетельством широты международных связей Руси. Ярослав выдал свою сестру Доброгневу замуж за польского короля Казимира. Он дал сестре большое приданое, а Казимир возвратил 800 пленных россиян. Любимый сын Ярослава Всеволод женился на дочери византийского императора Константина IX Мономаха (1032—1082). Их сын Владимир II увековечил имя деда по матери, присоединив к своему имени прозвание, а точнее, второе имя Мономах (Владимир II Мономах княжил с 1113 по 1125 год). Он был женат на Гите — дочери последнего англосаксонского короля Гарольда, погибшего в 1066 году в битве при Гастингсе. Женой Мстислава Владимировича была дочь шведского короля Христина. Сын Святослав женился на Оде — дочери графа Штаденского, близкого императору Священной Римской империи и германскому королю Генриху IV; Изяслав — на Гертруде, дочери маркграфа Саксонского.

Достойна упоминания родная сестра Владимира Мономаха — Евпраксия. Всеволод Ярославич выдал ее замуж за маркграфа Северной Саксонии Генриха Штаденского в 1086 году, но через год маркграф умер. На молодую вдову обратил внимание Генрих IV, надеясь браком с ней установить союз с Русью в борьбе против Папы Римского Урбана II. Летом 1089 года состоялись венчание и коронация новой императрицы. В течение семнадцати лет Евпраксия (после принятия католичества Адельгейда) была императрицей Германской Священной Римской империи и находилась в центре европейской политики.

Ярослав давал убежище изгнанным князьям Англии, Швеции и Норвегии, то есть Киевская Русь того времени — это в истинном смысле европейское государство.

Ярослав не случайно вошел в историю как Мудрый. Он совершил много славных дел за время своего княжения, в том числе способствовал распространению письменности среди народа. Как свидетельствуют дошедшие до нас берестяные записи, он собрал 300 детей для обучения их грамоте. Спустя десять лет после крещения на Руси учили грамоте уже на псалмах. Сохранились и навошенные дощечки, на которых учились писать.

Для распространения «слова евангельского» Ярослав, «собрав писце многи», поручил им перевод и переписку уже переведенных книг, составивших первую библиотеку на Руси при храме Св. Софии. При Ярославе книжная мудрость начинает приобретать и практический интерес, появляются различного рода практические поучения и т. п.

Но вернемся к любимой дочери Ярослава Мудрого — (1024 — не ранее 1075). Ее венчание состоялось в Реймсе 4 августа 1051 года. Генрих I (1008—1060; на троне с 1049 года) любил русскую красавицу и не принимал никаких решений без своей жены. На многих сохранившихся до наших дней документах Франции стоит подпись Анны-регины, то есть королевы, латинским шрифтом. Королева Анна ждала первенца, и муж дал ей слово, что, если у них родится сын, его назовут по ее желанию Филиппом, чуждым тогда для Франции именем. Филиппом звали варяга, когда-то в юности любимого ею. В 1053 году, еще при жизни Ярослава Мудрого, у Анны родился сын. Вопреки всем негодованиям при дворе Генрих I свое слово сдержал. После Филиппа — сына Анны Ярославны — в истории Франции было еще семь королей Филиппов.

Здесь, в связи с богатейшей рунической библиотекой, привезенной Анной Ярославной из Киева, уместно отметить, что история письменности славяно-русов исчисляется почему-то всего одним тысячелетием — со времени крещения Руси и обучения ее грамоте святыми Кириллом и Мефодием. Традиционно считается, что славяне, а вернее было бы — славяно-русы, обзавелись собственным письмом лишь во второй половине IX века, а до этого времени никакой письменности у них не было. Если кто-то из ученых пытался оспаривать столь обидную точку зрения, им всегда предлагали, чтобы они показали хотя бы одну строчку оригинального докириллического письма.

Мы, конечно же, должны быть признательны Кириллу и Мефодию, изобретшим для нас славянскую письменность, через посредство которой мы смогли приобщиться к христианской славянской культуре, а через нее и к западной. Но нельзя забывать, что у нас, россов, или русичей, существовала своя письменность, богатая письменная куль-

тура, так называемая слоговая руница. Многочисленные раскопки уже нашего времени свидетельствуют о высоком уровне грамотности наших предков: шла интенсивная деловая и бытовая, чисто житейская переписка. Наконец, существовала богатая библиотека рунических книг. Вот образец этого письма, так называемой слоговой руницы¹⁸:

П† R ↓ П Ъ П И Т † Ъ R † Ч Л † К І П І

Но с христианизацией Руси в процессе борьбы с язычеством уничтожалась и языческая, а вместе с ней и христианская литература на руническом языке. Так постепенно мы утратили свою исконную письменность.

Однако известно, что рунические книги находились в библиотеке Анны Ярославны. Она привезла их во Французское королевство вместе со многими другими книгами и рукописями в качестве приданого. Известно, например, что на русском Евангелии, привезенном Анной Ярославной, присягали во время коронации все французские короли; некое Евангелие показывали Петру I, когда он был в Париже, как реликвию — свидетельство давних связей России и Франции. В Реймском соборе по сей день хранится Евангелие, якобы принадлежавшее Анне Ярославне, но в действительности оно было изготовлено в 1395 году.

Книги из библиотеки королевы Анны хранились почти восемьсот лет в основанном ею аббатстве Санлис. И лежали бы они там и по сию пору, если бы не разразилась Великая французская революция. Бумаги вместе с другими документами были перевезены в Бастилию. Но и Бастилия была захвачена народом; солдаты и обыватели разбили запечатанные ящики и выбросили их содержимое в окна.

Тут в судьбе того, что осталось от библиотеки королевы Анны, принял деятельное участие коллежский асессор Петр Петрович Дубровский — сотрудник русского посольства в Париже, знаменитый тем, что вывез из Франции много древних манускриптов из разоряемых революционерами французских монастырей. Он подобрал все, что мог, в окружающих Бастилию рвах и таким образом в его собрании оказались и некоторые рунические книги.

Были в «Музее Петра Дубровского» — так он сам называл свое собрание — греческие, персидские, арабские, древнееврейские рукописи, рукописи из не виданных им стран и на языках, которые мало кому доводилось слышать. В Англии П. П. Дубровскому предлагали за них баснословную сумму, но он наотрез отказался от переговоров с иностранцами, заявив, что его искреннее желание — перевезти свое собрание на родину.

А в Петербурге о чудесном собрании П. Дубровского уже знали. Люди, которым еще в Париже удалось его увидеть, не уставали рассказывать о великолепных средневековых миниатюрах, о редчайшей вещи — автографе историка VIII века Диакона, о знаменитом византийском кодексе — Евангелии VIII века, золотые инициалы которого выписаны на пергаменте, окрашенном пурпуром и серебром.

Как только в газетах появилось сообщение, что из Парижа прибыли ящики с долгожданными рукописями, к П. П. Дубровскому стали приходить люди, хоть сколько-нибудь причастные к литературе, культуре, искусству. Его собрание было признано не имеющим себе равных в Европе, его сравнивали только с сокровищами Ватикана. Газеты наперебой твердили, что в «хижине», «в убогих стенах» хранится богатейшее сокровище веков, достойное занимать место «в великолепных чертогах».

Побывал у него и директор императорских библиотек А. С. Строганов. Ему, владельцу прекрасной картинной галереи и лучшей в России частной библиотеки, не понадобилось много времени, чтобы понять, что представляет собой «Музей Петра Дубровского». Но достаточно вспомнить, что по действовавшему в то время Уложению за проповедь язычества полагалась каторга. Не в цене были рунические манускрипты еще и потому, что они противоречили «норманнской теории» о призвании на Русь варягов. В январе 1816 года П. П. Дубровский скончался. Его собрание стало основой «особенного депо манускриптов», учрежденного в Императорской публичной библиотеке по указу царя Александра I, но рунические рукописи из библиотеки Анны Ярославовны в «депо» не поступили. Выходит, что тайну их коллекционер унес с собой в могилу и о том, где они находятся ныне, можно только догадываться.

Азбука, составленная Кириллом и Мефодием, была, безусловно, колоссальным прорывом, приближающим русов к европейской культуре.

Как гласит «Житие», один из братьев, Кирилл, «нашел Евангелие и Псалтырь, написанные *русскими письменами* (курсив мой. — Т. Г.), и человека нашел, говорящего на том языке, и беседовал с ним, и понял смысл этой речи, и, сравнив ее со своим, и, творя молитву Богу, вскоре начал читать и излагать их, и многие удивлялись ему, хваля Бога». Кирилл стал учиться у этого человека читать и говорить на его языке — русском. Обратим особое внимание на упоминание в «Житиях», датируемых IX веком, уже существовавших обиходных «русских письмен».

С помощью брата Мефодия и учеников Горазда, Климента, Саввы, Наума и Ангеляра он составил славянскую азбуку и перевел на славянский язык Евангелие, Псалтырь (уже и прежде имевшиеся на русском языке, как следует из «Жития»), Апостол и другие избранные службы. Это было в 863 году. Напомним, что Русь приняла христианство через сто с лишним лет после этого.

Папа римский Адриан II утвердил богослужение на славянском языке, а переведенные братьями книги приказал положить в римских церквях и совершать литургию на славянском языке.

Таким образом, славянский язык, а вернее — его письменность, по сути дела, была создана братьями для того, чтобы на ней передать Библию, чтобы и на славянском языке зазвучали церковные песнопения. Этот письменный язык был создан для молитв. Именно так: с самого начала письменный славянский язык создавался Кириллом и Мефодием как язык церковный, церковнославянский, как язык сакральный, который остался таким и до наших дней. Никаких нехристианских нецерковных текстов на этом языке практически нет.

Дав славянскому миру, а значит, и нам, нашей Руси церковный язык, братья оказали влияние на формирование духовного облика нашего народа, сблизили нас с другими славянскими народами и облегчили наши контакты с ни-

ми. Они разработали письменность, объединяющую всех славян, и в этом их главная заслуга перед русскими и всеми славянами.

Приходится только сожалеть о том, что до сих пор остается «незамеченным» факт нашей русской культуры — наличия собственной письменности, литературы, христианской в том числе, на собственном русском языке, причем — задолго до принятия на Руси христианства, до решения Кирилла и Мефодия создать славянскую письменность.

У славяно-русов (по мнению современных ученых, именно русы были первыми славянами на территории Руси¹⁹), у славянских народов, к которым русские несомненно относятся, было три собственных вида письменности — кириллица, глаголица и руницы — так называемая слоговая руница, что свидетельствует о наличии у нас, славян, высокой духовной культуры в древности²⁰.

Уточним: Кирилл создал христианское письмо («кириллицу») путем комбинаций существовавшей многие тысячелетия азбуки славян (русов в первую очередь) и греческого алфавита, фактически «легализовав» славянскую руническую письменность, существовавшую до того, как своя письменность появилась у других европейских народов.

Примечательно, что среди первых берестяных грамот, найденных археологической экспедицией под руководством А. В. Арциховского в Новгороде Великом в 1951 году, была одна находка — грамота с русской азбукой, 36 букв, расположенных в обычном порядке.

Бытует среди современных ученых мнение, что *кириллица* получила большее распространение, чем глаголица, из-за скорописи. Чтобы христианство скорее распространялось по нашей стране, нужно было переписать большое количество Евангелий, а это было проще сделать на основе кириллицы с ее упрощенными знаками, чем на основе глаголицы.

Кирилл взял из выученного им русского языка и письменности, на основе которых и создавал новую письменность, восемь основных звуков и букв, не свойственных греческому языку и греческой письменности, — это буквы: «ю», «х», «ц», «ч», «ш», «щ», «ъ», «ы», а букву «ь» (мягкий знак) он

изобрел сам. Сам Кирилл отмечал, что наша русская письменность была создана на основе греческого языка, но была богаче его и существовала, видимо, глубоко в древности.

Таким образом, история русов отодвигается в глубь веков.

Между прочим, известные польские ученые — историки Строяковский и Бельский, основываясь на сохранившихся документах, пишут, что русские (русы) помогали не только Александру Македонскому, но и его отцу Филиппу, то есть даже официально — история русов — это IV век до н. э. Надписи руницей предположительно русов найдены на средневековых греческих (V—X века) иконах и на древнегреческих (VI—II века до н.э.) вазах.

Подвигу братьев Кирилла и Мефодия, их подвижнической жизни были посвящены жития, написанные вскоре после их смерти. Благодаря этим историческим хроникам мы получили возможность еще раз убедиться в разносторонней осведомленности наших предков, их широких связях с внешним миром, интересе к общественной мысли того времени. За подвиг братьев мы дорого заплатили — утратой канувшей в небытие своей письменности.

С другой стороны, факт официального признания Римским Папой славянской письменности сыграл решающую роль в общении с культурами не только славянских народов, но и народов Европы. Конечно, этот процесс, как мы только что видели, происходил и раньше, но не в таких масштабах. Теперь через православную учительную литературу широкие круги древнерусских читателей смогли познакомиться с трудами античных философов. Они знакомились также с памятниками литературы народов Востока, что в дальнейшем сыграло свою роль в формировании переводческих традиций и собственно русской философии.

Прошли годы, и после освоения славянской азбуки — кириллицы на Руси было создано множество прекрасных литературных произведений, в которых нашли отражение основные мотивы и образы христианства наряду с исконно русскими, идущими из глубины веков, преданиями и сказаниями.

В Средние века единственным местом, где была возможность заниматься науками, были монастыри. Первые русские монастыри возникают при Ярославе. При нем около Киева, в пещерах высокого берега Днепра, стали селиться отшельники и постепенно устроился целый монастырь, названный Киево-Печерским.

По-гречески «монастырь» означает «уединенное жилище». Люди, селившиеся там, назывались монахами. Монашеская община называлась братией (друг к другу монахи обращались со словом «брат»). Во главе монастыря стоял игумен.

Обычно монастырь основывался в труднодоступных безлюдных местах. Монахи обзаводились своим хозяйством, строили себе жилище, церкви. Поскольку времена были беспокойные, монастыри обносили частоколом.

По мере того как монастырь рос и богател, границы его расширялись. Деревянные постройки заменялись на каменные. Строились новые храмы, территория огораживалась мощными каменными стенами.

Первые на Руси основанные Ярославом монастыри мужской Св. Георгия и женский Св. Ирины. Оба они были воздвигнуты поблизости от княжеского дворца и являлись, по существу, придворными духовными учреждениями. В XI веке возник еще ряд монастырей, в том числе знаменитый Киево-Печерский, сыгравший в дальнейшем большую роль как в церковной, так и в общекультурной жизни страны.

На Руси монастыри часто выполняли роль укрепленных крепостей на границах государства. Особенно нуждались в защите южные и юго-восточные земли, обращенные в сторону Золотой Орды. Чем ближе к Москве, тем кольцо их становилось теснее. Андроников, Свято-Данилов, Новодевичий, Симонов и Донской монастыри плотно обступали столицу.

День в монастыре начинался рано. Вставали часов в пять утра и шли в храм на молитву. Утренняя служба продолжалась около пяти часов. Затем монахи отправлялись на трапезу. Ели монахи два раза в день — обед и ужин. И сама пища не отличалась большим разнообразием, обычно это были

суп и каша. Летом в праздники появлялись ягоды, грибы, мед, пироги. Употребление мяса было запрещено.

После трапезы и молитвы монахи расходились по своим кельям или отправлялись на работы. Распределение обязанностей было очень строгим. Все работы монахи выполняли самостоятельно. Вели сельское хозяйство, держали мастерские.

Жили монахи в очень скромных кельях. Единственной мебелью в них была деревянная лавка, заменявшая стул и кровать.

Монастыри становились центрами духовной культуры. При них открывались школы. Под защитой каменных стен создавались живописные мастерские, где творили лучшие иконописцы, в библиотеках хранились старинные рукописи. Здесь же монахи переписывали ветхие летописи и создавали новые, то есть вели летописание, создавали сочинения политического характера, писали и переписывали иконы, занимались переводами священных писаний и другой литературы.

Ярослав Мудрый сделал Русскую церковь менее зависимой от Византии. В 1051 году после смерти митрополита-грека Ярослав без ведома константинопольского патриарха сам назначил митрополитом в Киеве русского священника Иллариона, автора знаменитого «Слова о законе и благодати», и епископом в Новгороде также русского священника.

Гордость за свою страну, желание независимости от Византии и равенства с нею были близки не только княжескому окружению, но и всему народу. До нас дошло, например, предание о том, как игумен Даниил, который совершил паломничество в Палестину и описал в «Хожении» свои впечатления, увидев, что в храме Гроба Господня висит много кандил (свечильников) от разных стран, но нет от Руси, обратился к королю Болдуину с просьбой разрешить ему повесить кандило «от всей Русской земли». Русь нигде не должна была стоять ниже других городов.

Ярослав написал устав «Русская правда», заложивший законодательные основы российской цивилизации. Дополненная впоследствии сыновьями Ярослава «Русская прав-

да» стала основным (и, видимо, первым) письменным законом Киевского государства. Как отмечают исследователи, «Русская правда» напоминает скандинавское законодательство. Она освящает частную месть, преследование убийцы родственниками убитого; определяет оккуп (позднее — откуп) за различные преступления и пеню, вносимую в княжескую казну; допускает судебный поединок, испытание раскаленным железом и кипятком, очистительную присягу. В «Русской правде» не говорится ни о смертной казни, ни об утонченных мучениях, ни о пытках с целью вырвать признание у преступника, ни даже о тюрьмах. Это скандинавские и германские законоположения во всей их чистоте.

Если Владимир основал училище в Киеве, то Ярослав сделал это в Новгороде, где училось 300 мальчиков. Он вызвал из Константинополя греческих певцов для обучения русских причтению. При Ярославе чеканились монеты, на одной стороне было выбито славянскими буквами имя князя, а на другой — греческими буквами его христианское имя, данное при крещении, — Георгий.

Как все варварские неофиты, Ярослав доводил набожность до суеверия. Он велел выкопать из могил кости своих дядей, умерших в язычестве, и совершить над ними обряд крещения.

Современник Ярослава Мудрого, летописец из Бремена Адам, называл Киев украшением Востока и соперником Константинополя, бывшего столицей Византии с общей численностью населения в X веке 20—24 миллиона человек²¹. Для сравнения: в 1000 году во Франции жило 9 миллионов человек; в Италии — 5 миллионов; на Сицилии — 2 миллиона; в Киевской Руси — 5,36 миллиона; в Польше, Литве вместе с эстами — 1,6 миллиона; в степи от Дона до Карпат — 0,48 миллиона; в Англии в 1086 году — 1,7 миллиона²².

До сих пор в Киеве, Чернигове и Новгороде стоят величественные постройки, появившиеся во времена Ярослава Мудрого. Таковы, например, Золотые ворота и Софийский собор в Киеве, свидетельствующие о высоком уровне русской культуры. Этот собор Ярослав повелел возвести на

том месте, где русские дружины разбили племена печенегов, в честь великой победы русского воинства. Первая на Руси библиотека при храме Святой Софии стала со временем крупнейшей библиотекой, в которой собирались и переписывались книги. Всего же в Киеве того времени было около 400 церквей.

Киев широко сообщался с другими государствами: помимо Византии и Скандинавии, с которыми связи были наиболее тесными, торговые отношения существовали со славянскими странами, с Францией, Германией, Англией. В Киеве было восемь рынков, и Днепр постоянно бороздили суда из различных стран мира.

Иностранные купцы жили в отдельных кварталах, поэтому в Киеве были голландский квартал, немецкий, венгерский и т. д. Эти кварталы охранялись княжескими дружинниками, следившими за порядком в городе. Для управления и защиты края князь расставил по городам главнейших своих дружинников с достаточными силами.

В то время военное сословие не представляло замкнутую касту. Известно, например, что Владимир принял к себе на службу сына простого кожевника, правда отличавшегося необыкновенной физической силой: он победил печенежского великана; дядя же Владимира по матери, Добрыня, не принадлежал по происхождению даже к числу свободных людей.

Отношения в дружине были товарищескими, князь был всего лишь первым среди равных. Как одна большая дружная семья, дружинники ели за одним столом, вместе слушали песни поэтов-слепцов, игравших на гуслях. Когда однажды дружинники выразили неудовольствие, что им подают за столом деревянные ложки, Владимир велел сделать для них серебряные и при этом добавил: «Серебром и золотом не добуду дружины, а дружиною добуду серебро и золото, как добывал отец мой и дед».

Князь ничего не мог предпринимать один без совета с дружиной. Поэтому Святослав в свое время и не мог уступить просьбе своей матери Ольги о принятии крещения: «Како аз хочу ин закон приняти един, а дружина сему смейтись начнут».

Все вопросы хозяйственной жизни решались князем довольно просто. Вот что рассказывает арабский писатель и ученый-энциклопедист первой половины X века Ибн Русте (в российской научной литературе он часто ошибочно именуется Ибн Дастой) о княжеском суде: «Когда кто из них (русских) имеет дело против другого, то зовут его на суд к царю (то есть князю), перед которым и препираются; когда царь произносит приговор, исполняется то, что он велит, если же обе стороны приговором царя недовольны, то по его приказанию должны предоставить окончательное решение оружию: чей меч острее, тот и одерживает верх».

Другим правом князя, кроме суда, было право собирать дань. Количество дани определял сам князь. Поэтому в сборе дани всегда царил произвол, и правым всегда, конечно же, оказывался князь; впрочем, о своих дружинниках он не забывал никогда.

Повседневная жизнь на Руси всегда была тесно связана с песенным творчеством: свадьба, рождение ребенка, крещение, именины, различные семейные торжества. Всегда в доме звучали песни. И сам князь не меньше удалого богатыря чтит искусство певца, и ни одно его застолье не обходилось без музыки.

С принятием христианства на Русь пришла духовная музыка. Она исполнялась без участия каких-либо музыкальных инструментов. Звучал только голос. В связи с этим появились так называемые распевщики.

Сословное деление на Руси в это время было такое же, как и на Западе. Княжеская дружина, включавшая в себя славянских или финских начальников, составляла род аристократии, но в самой дружине тем не менее различали простых телохранителей, гридей (*girdin* у скандинавов), мужей, или людей (*kir* — по-латыни, *baron* — по-французски), и бояр, занимавших первое место в дружине. Свободные жители Русской земли назывались «люди» (земство). Гости, или купцы, не составляли в ту эпоху отдельного класса; это были те же воины, даже князья занимались торговлей. Олег в свое время под видом купца явился в Киев и захватил там

Аскольда и Дира. Кстати, византийцы не очень-то доверяли купцам и отвели для них в Константинополе находившийся под строгим надзором особый квартал.

Сельские массы, на которых лежало бремя рождающегося государства, не были уже столь свободны, как в первобытные времена. Крестьянин назывался смердом (от «смердеть» — пахнуть) или мужиком (презрительное от «муж»); впоследствии он стал называться христианином, отсюда появившееся позднее — крестьянин.

Ниже по положению крестьян были собственно рабы, или холопы. Их добывали на войне, покупали на рынке, холоп мог также родиться в доме господина. Война была главным источником рабства. Ибн Русте пишет, что русские, «когда нападают на другой народ, то не отстают, пока не уничтожат его всего, женщинами побежденными сами пользуются, а мужчин обращают в рабство». Торговля рабами была широко распространена. Святослав в письме к матери после завоевания им Болгарии писал о товарах, приходящих в Переяславец: «Из Руси же скоро и мед, воск и челядь».

В 1113 году великим князем Киевским стал внук Ярослава Мудрого — Владимир Всеволодович Мономах (1053—1125), родившийся еще при жизни своего деда. Сами киевляне просили его к себе в город на княжение, и Мономах уступил их просьбам. В свое княжение он с большим успехом воевал против печенегов, половцев, тюрок, черкесов и других кочевников.

Владимир — сын Всеволода Ярославича и греческой царевны Марии — был из самых первых собирателей земли Русской. Владимир — это его княжеское имя, хотя в православном крещении мальчика нарекли Василием, а по деду, византийскому императору Константину Мономаху, звали еще и Мономахом, что означает «единоборец».

Став великим князем, Владимир Мономах навел в стране порядок, строго наказывал тех, кто преступал законы или наносил вред государству. Он мудро и справедливо решал споры и разногласия. А когда стихли внутренние раздоры, то присмирели враги и за рубежами Руси. Мономах от-

менил многие несправедливые законы, запретил отдавать в рабство за долги свободных людей.

Слава Владимира Мономаха разнеслась далеко и на Запад, и на Восток. Его дети и внуки породнились со шведскими, норвежскими и византийскими королями и императорами.

Великий князь щедро одаривал монастыри, построил множество каменных церквей, заложил много новых городов. В Киеве он возвел первый мост через Днепр.

Во времена Мономаха началось составление русской летописи — «Повести временных лет». Были созданы жития первых русских святых: княгини Ольги, князей Владимира Святого, Бориса и Глеба.

Полководец и государственный деятель, Мономах заботился о просвещении народа; при нем была создана школа для юношей. Сестра Владимира Мономаха открыла в Киеве школу для девушек. До наших дней дошло «Поучение», написанное Владимиром Мономахом на основе его собственной автобиографии. Проникнутое глубокой человечностью, заботами о судьбах страны, «Поучение» (1117) несет в себе мудрость, воспринятую им от своих предков, еще в глубокой древности отличавшихся гостеприимством и добротой. «Поучение» состоит из двух частей: собственно «Поучения детям» и перечня «путей» — походов и поездок, совершенных Мономахом в течение его жизни.

«Поучение детям» Мономаха можно рассматривать как открытое письмо всей земле Русской и особенно боярам; его собственные сыновья к тому времени были уже людьми зрелыми, имели взрослых детей. Он наставляет: «Сироте подавайте, вдовицу оправдывайте, и не давайте сильному губить человека. Старого чтите как отца, а молодых как братьев. Что умеете хорошего, то не забывайте, а чего не умеете, тому учитесь. И Бога ради не ленитесь, ибо только делом можно получить милость Божию».

Владимир Мономах учит детей все делать самим, во все вникать, не полагаться на слуг, хранить клятву и не допускать беззакония. Он советует оказывать гостеприимство иностранцам, потому что «ти бо мимоходом прославит человек по всем землям либо добрым, либо злым». И далее пи-

шет: «...Везде, куда вы пойдете и где остановитесь, напоите и накормите просящего... Все же более убогих не забывайте и подавайте сироте, и вдовицу рассудите сами, а не давайте сильным губить человека. Ни правого, ни виновного не убивайте и не повелевайте убить его... Если же вам придется крест целовать, то, проверив сердце свое, целуйте только на том, что можете выполнить... Больного навестите, покойника проводите... не пропустите человека, не приветив его, и доброе слово ему молвите...»

Явно проступает такая связь: милосердный по своим нравственным убеждениям князь более других успевает и в деле укрепления, усиления своего государства. И здесь не будет лишним сказать, что истоки русского милосердия и благотворительности восходят к древнейшим временам. В культуре русского народа еще в период родоплеменных отношений проявлялось гуманное, сострадательное отношение к немощным и обездоленным людям, особенно к детям и старикам как наиболее беззащитным и уязвимым. Помощь бедным на Руси приветствовалась еще в язычестве, но исторических документов, свидетельствующих об этом, к сожалению, сохранилось очень мало. Кроме договоров с Византией о выдаче пленных, встречаются записи о том, что сироты и бедные находились под покровительством богов и получали часть приносимых им жертв, а также письменные свидетельства о проявлении заботы в отношении бедных и гостей. В древних летописях, описывающих быт славяно-русов, отмечают, что нищих среди них было очень мало. Это связано еще и с особой чертой русского характера — стремлением к справедливости.

Владимир Мономах был идеалом русского великого князя. И лишь при нем на Руси наступило окончательное утверждение христианства. Даже такая цитадель угро-финского язычества, как Ростов, где еще в 1071 году был убит толпой епископ Леонтий, превратилась в центр христианской образovanности на северо-востоке Руси²³.

Владимир довершил водворение славяно-русов в Суздальской области и основал на Клязьме город, названный его именем и впоследствии игравший важную роль в истории России. При Владимире Мономахе завершилось политическое объединение княжеств, единым усилием надолго

прогнавших половцев и других врагов от границ государства, именуемого «Киевская Русь», так как объединение земель полян, ильменских славян, радимичей, кривичей на протяжении IX — начала XII века происходило вокруг города Киева. При князе Игоре, Ольге, Святославе, Владимире, Ярославе Мудром, то есть в X — XI веках, в Киевской Руси начался процесс формирования феодального способа производства, развитие городских и сельских ремесел, земледелия, скотоводства, промыслов, получивших дальнейшее развитие при Владимире Мономахе. Киев этого времени по богатству и значению считался третьим в Европе городом после Константинополя и Кордовы²⁴. Но Киев был не единственным городом Древней Руси. По данным летописи, число городов возрастало в Древней Руси из века в век: если в IX — X веках их было не менее двадцати пяти, то в XI веке стало почти девяносто, и рост их продолжался стремительными темпами. Поэтому не случайно скандинавские саги и чужеземцы-варяги называли Древнюю Русь «Страной Городов» («Гардарика»).

Мир повседневной культуры Киевской Руси был миром традиций, обрядов, канонов, сначала языческих, потом православных. Переход к последнему не очень прост, драматический и противоречивый, он определил особый тип древнерусской духовности, наложившей отпечаток на всю русскую культуру последующих эпох. Язычество являлось не просто религией, но формой закрепления опыта народной жизни на протяжении тысячелетий. Родоплеменные отношения, соответствующие им нравы и представления о правилах жизни отражались в языческих верованиях и обычаях. Поэтому для утверждения новой религии с ее представлениями о человеке и нравственности потребовалось преодолеть не просто язычество, но древнюю традиционную культуру. Хотя Киевская Русь была уже раннефеодальным государством, то есть основы родоплеменного общества уже изжиты, но его обычаи, нравственные ориентиры, формы быта были все еще неотделимой частью народной жизни, народного сознания.

Духовный мир человека Киевской Руси во многом был подобен мироощущению средневекового человека в раннефеодальной Европе: все вокруг значительно и полно ми-

стического смысла и человек должен разглядеть сокровенный смысл вещей, окружающих его, символику животных, растений, числовых соотношений. Число «один» свидетельствовало ему о единстве Бога, «два» — напоминало о двуединой природе Христа (сын Божий и человек), «три» — о триединстве Бога. «Четыре» было символом материального мира, поэтому мир имеет четыре стороны света, он составлен из четырех элементов и т. д. «Семь» — воплощало в себе соединение в человеке Божественного начала с материальным, поэтому все, что касается человека, семерично: семь смертных грехов, семь противопоставленных им церковных таинств, семь дней недели, семь тысячелетий мировой истории и т. д.

Значительный и великий мир лежал вокруг человека. Себя человек ощущал в большом мире ничтожной частицей, но не случайной; он сам — творение Бога и участник мировой истории.

В Киевской Руси существовало весьма противоречивое отношение к светским увеселениям. Моральные критерии относительно народных традиционных праздников не были единообразны, а потому неоднозначно было отношение к ним: то запрет и гонение, то признание необходимости «смеховой разрядки».

В «двумерной» средневековой культуре христианский дуализм тела и духа, возвышенного и низменного выступал как дуализм серьезности христианской литургии, постничества, благочестия, величия церемониала при княжеском дворе — и буйства «смехового» гротеска в ритуале народных праздников. Древнерусские «смехотворцы» — скоморохи — с их «бесовскими песнями» и разгульной гротескной пляской («хребтов их вихляние и ногам их скакание и топтание») были любимыми и при дворе князя, и в крестьянской избе. Непременным атрибутом таких традиционных увеселений были сосуды с хмельным обрядовым зельем. Возможно, таковы были элементы древнего языческого обряда вызывания дождя.

Помимо выступления скоморохов любимы были и коллективные игрища, приуроченные к традиционным бытовым и земледельческим праздникам. Любой участник таких

праздников становился действующим лицом игры ряженных. Ряженные кривлялись, плясали, прыгали, колотили в ведра, издавая неимоверный шум, — это был ритуал обезвреживания и отпугивания нечистой силы. Разыгрывались шуточные сценки похорон на Святки и на Масленицу — изгнание старого года и зимы, враждебной человеку и природе. В языческих обрядах ритуальный смех, знаменуя радость жизни, был направлен на приумножение человеческого рода, животных и урожая. Ритуальный смысл постепенно забывался, но «смеховая культура» сохранялась в традиции праздников.

Однако христианские ценности и образы постепенно входили в народную культуру, вытесняя язычество или перемешиваясь с ним. Это заметно на самых разных деталях быта — например, русские прически формировались под влиянием сначала языческого культа, а затем православного. Издревле считалось, что в волосах живет небесный добрый дух, поэтому так необходимо заботиться о волосах, украшать их.

Прически, как мужские, так и женские, отличались простотой линий, самобытностью. В раннем детстве, когда княжеских детей первый раз стригли, их волосы приносили в дар божествам. Мужчины носили прически из полудлинных волос, подстригали их «под кружок», а позднее «под скобу». Издревле на Руси существовал обычай во время стрижки надевать на голову небольшой по размеру глиняный горшок. Волосы, не поместившиеся под него, состригали по кругу. Эта прическа сохранялась в народе на протяжении многих веков, а сама стрижка называлась «под горшок».

Прически девушек отличались от причесок замужних женщин. Девушки в Древней Руси имели право носить распущенные по плечам волосы или заплетать их в одну или две косы. Волосы украшали лентой, узкой полоской металла — венчиком или яркой материей, охватывая голову и скрепляя на затылке. На конец косы прикрепляли бусины.

Волосы были своего рода символом женской красоты, ее притягательности и возможности родить здорового ребенка.

Существовал целый свадебный обряд, связанный с вступлением в брачную жизнь. Если у девушки на свадьбе были две косы, их расплетали и под пение подружек заплетали в одну косу, а если была одна коса, ее тоже расплетали и заплетали в две косы. А затем уже после свадебного обряда ее волосы прятали под кокошник или платок. Это символизировало, что теперь женщина подчиняется и принадлежит только своему супругу.

Согласно обычаю женщина, вышедшая замуж, должна была тщательно скрывать свои волосы. Даже дома не принято было снимать головной убор, так как волосы мог видеть только муж; даже его отец и братья этим правом не обладали. От обычая, запрещающего женщинам появляться на людях с непокрытой головой, простоволосой, появилось выражение «опростоволоситься», что означает «ошибиться», «сплоховать», «попасть в неловкое положение».

Однообразие причесок скрашивали многочисленные головные уборы, используемые с учетом времени года и дня, различные по назначению. В XIII–XVII веках мужские головные уборы претерпели существенные изменения, ввиду этого и укоротилась прическа, но на севере Руси, в Новгородских землях, еще в XIV–XV веках мужчины носили длинные волосы, заплетая их в косы. По достижении совершеннолетия отращивали бороду и усы.

Говоря об особенностях духовной культуры Киевской Руси той поры, необходимо обратиться к ее истокам — к богатой устной языковой культуре древних славяно-русов, к народной поэтической песенной традиции: песням, сказкам, загадкам, пословицам и поговоркам, обрядам, поэтически, песенно-ритмически оформленным, уходящим своими корнями в языческую культуру. Значительное место в фольклорной языческой культуре занимала календарная обрядовая поэзия, непосредственно опиравшаяся на языческий культ: заговоры, заклинания, обрядовые песни, воспевающие весеннее пробуждение природы, праздники урожая, а также свадебные песни, похоронные плачи-причитания, песни на пирах и тризнах.

На протяжении многих поколений народ создавал и хранил своеобразную «устную» летопись в виде прозаических преданий и эпических сказаний о прошлом родной земли. Устная летопись предшествовала летописи письменной и послужила одним из ее основных источников.

К числу таких преданий относятся предания о Кие, Щеке и Хориве и основании Киева, о призвании варягов, о походах на Константинополь, об Олеге и его смерти от укуса змеи, о мести Ольги древлянам и многие другие. Летописное повествование о событиях IX — X веков целиком основано на фольклорном материале.

Вершиной устного народного творчества являются былины. Этот героический эпический жанр сложился в конце IX—X веке. Большинство сюжетов былин связано со временем княжения Владимира Святославича — временем единства и могущества Руси и успешной борьбы со степными кочевниками. В основе былин лежат реальные исторические события, прототипами некоторых былинных героев являются реально существовавшие люди. Например, со сватовством норвежского короля Харальда к дочери Ярослава Мудрого Елизавете связан сюжет былины «Соловей Будимирович». Ряд эпических песен связан с борьбой с полóвецкими набегами конца XI — начала XII века. В них в несколько адаптированном к русскому произношению и народному сказочному восприятию виде встречаются имена известных по летописям половецких ханов (Тугоркан — Тугарин Змеевич, Шарукан — Шарк-великан, Кудреван, Сутра-Скурла). Образ князя Владимира Мономаха — инициатора борьбы с кочевниками (в былинах они выступают под именем монголо-татар, позднее заслонивших собой имена прежних врагов Руси), слился с образом Владимира Святославича. К эпохе Мономаха относится появление цикла былин об Алеше Поповиче, былины «Ставр Годинович» (прототипом ее героя послужил приближенный Владимира, позже новгородский боярин Ставр Гордятинич).

В Древней Руси былины часто пелись в сопровождении гусляров, еще и еще раз закрепляя в памяти народа ярчайшие события, имена героев и их подвиги. В них отразилось

представление о Руси как о едином государстве. Главная тема былин — борьба народа с иноземными захватчиками, они проникнуты духом патриотизма и гордостью за свою Родину. На протяжении многих столетий эти идеи, образы героев-богатырей вдохновляли народ, что и предопределило долговечность былинного эпоса, сохранившегося в народной памяти вплоть до XX века.

Что же касается письменной культуры, то тут надо сказать, что в Древней Руси элементарная грамотность была распространена среди разных слоев населения, о чем свидетельствуют ранние берестяные грамоты.

Как отмечает Б. А. Рыбаков: «Единство народного и государственного языка было большим культурным преимуществом Руси перед славянскими и германскими странами, в которых господствовал латинский государственный язык. Там невозможна была столь широкая грамотность, так как быть грамотным означало знать латынь. Для русских же посадских людей достаточно было знать азбуку, чтобы сразу письменно выражать свои мысли; этим и объясняется широкое применение на Руси письменности на бересте и на “досках” (очевидно, навощенных)».

Берестяные грамоты содержат множество бытовых подробностей, которых нет ни в летописях, ни в официальных актах, написанных на дорогостоящем пергаменте. Они подтверждают высокий уровень грамотности русских независимо от их социального положения.

Быт боярский, купеческий, церковный, быт ремесленников, холопов, крестьянские повинности и протесты, ростовщичество, судопроизводство, связи с чужими краями, отзвуки язычества в сочетании с христианским вероучением, война и мир, как их переживали новгородцы, — во все это мы будем проникать все интимнее, читая расшифрованную процарапанную бересту. Уточним: буквы продавливались на специально подготовленной березовой коре острым костяным или металлическим стержнем («писало»).

Для убедительности процитируем написанное на бересте «хозяйственное» сообщение: «Земля готова. Надобе семена. Пришли, осподине, а мы не смеем имать ржи без твоего

слова». А вот и любовная записка: «От Микиты ко Ульянице. Пойди за мене, аз тебе хочу, а ты мене».

Целая охапка берестяных листов, процарапанных мальчиком Онфимом, пяти—семи лет от роду, была обнаружена в Новгороде в прослойке рядом с древней мостовой, где, по данным дендрохронологии («дендрос» по-гречески — дерево), она пролежала более семисот лет.

Мы ничего не знаем о судьбе мальчика Онфима. Но имя его перешагнуло через века. Почти каждая публикация, посвященная новгородским берестяным грамотам, иллюстрирована бесхитростными, чисто детскими рисунками Онфима. Они открывают нам мир, исполненный бранной славы и тревоги, фантастических страхов и самых трезвых расчетов, мир, в котором формировалось сознание новгородского жителя тех времен²⁵

До нас дошли сведения, что на территории Древней Руси издавна существовали центры создания рукописной книги. В одном из них 21 октября 1056 года диакон Григорий вывел первую буквицу рукописи, которая сегодня является величайшим памятником церковнославянской письменности. По заказу нового русского посадника Иосифа, приближенного киевского князя Изяслава Ярославича, он начал переписывать Евангелие. До крещения Иосиф звался Остромиром, а потому труд известен в истории как «Остромирово Евангелие». Это старейшая из сохранившихся датированных русских рукописных книг. При церквях и монастырях существовали училища, а при княжеском дворе и при Киево-Печерском монастыре — школы повышенного типа. Князья на Руси, опирающиеся на монастыри и монахов, выступали основными проводниками книжной мудрости.

Благодаря им книга расходуется по всей Русской земле. Книжники начиная с конца XI века переезжают из княжества в княжество: Симон и Поликарп, создатели Киево-Печерского патерика (истории этого монастыря), были когда-то его монахами, но переписку свою они вели не только в Киеве, но и во Владимире. Серапион Владимирский писал в Киеве и во Владимире, Кирилл Туровский — в Киеве, а может, и в Турове.

Создавая собственную книжность, Русь вписывалась в общую культурную жизнь славянских государств. Примером этого процесса могут служить Изборники 1073 и 1076 годов. Первый переписан с болгарского оригинала; по открывающей сборник похвале можно предполагать имя заказчика — «великий в князих Святослав» (Святослав Ярославич (1027—1076), князь черниговский и великий князь Киевский). Переводная литература получает широкое распространение на Руси: в XI — начале XII века главным образом с греческого переводятся сочинения как религиозного, так и светского содержания. К последним относятся, в частности, исторические сочинения, среди которых можно выделить перевод византийской «Хроники Георгия Амартола».

Но самые ранние переводы, относящиеся к середине X века, пришли на Русь из Болгарии благодаря славянской письменности моравских братьев. К таковым относятся, например, переводы «Богословия» Иоанна Дамаскина, а также славянский вариант «Шестоднева», повествовавшего о сотворении мира и его устройстве по представлениям христианского вероучения. В X веке Болгарское царство стало основным очагом, откуда славянская письменность и литература стали проникать в другие страны. Поэтому существует общность не только письменности, но и всей русской и болгарской литературы — как богослужебной, проповеднической и т. п., так и таких литературных памятников, как прологи (житийные сборники, имеющие календарный характер, где жития расположены в соответствии с днями их церковной памяти), торжественники, шестодневы, отчасти хроники, палеи (пересказ библейских книг с комментариями, дополнениями и полемическими, антииудейскими толкованиями), космографии, физиолуги (переводные сборники о свойствах реальных и вымерших животных, камней и деревьев юга и востока Европы).

В это же время происходит становление оригинальной русской литературы.

Самым ранним из дошедших до нас произведений древнерусской литературы является «Слово о законе и благодати» Иллариона (1051). Летопись сообщает об Илларионе:

«муж благ, книжен и постник», «книгы хитр писати и съи по вся дъни и нощи писаше книги...». Ранее уже упоминалось имя Иллариона — единственного со дня принятия христианства до середины XII века русский по происхождению глава церкви, возведенный на митрополию в 1051 году Ярославом Мудрым без санкции константинопольского патриарха.

Основная идея «Слова о законе и благодати» — вхождение Руси после принятия христианства в семью христианских народов, в чем автор видит заслугу князя Владимира и продолжившего дело распространения новой веры его сына Ярослава. При этом дохристианское прошлое Руси в глазах Иллариона не выглядит «темными веками» — напротив, он подчеркивает, что Владимир, его отец Святослав и дед Игорь «не в худой и неведомой земле владычествовали, но в Русской, которая ведома и слышима во всех четырех концах земли». «Слово» написано на основе глубокого погружения в тексты Ветхого и Нового Заветов: «В одно время вся наша земля восславил Христа с Отцом и со Святым Духом. Тогда начал мрак идольский от нас отходить и зори благоверия явились. Тогда тьма богослужения рассеялась, и слово евангельское землю нашу озарило...»

Во второй половине XI — начале XII века на Руси возник ряд оригинальных произведений, среди которых выделяется цикл сказаний — жития первых русских святых: князей Бориса и Глеба, игумена Киевско-Печерского монастыря Феодосия, написанные монахом этого монастыря Нестором (80-е годы XI века).

В различных городах Киевской Руси начали составляться летописные своды. Примечательно, что они составлялись на русском языке, в то время как в Западной Европе подобные тексты писались на чуждой народу латыни. Нельзя не отметить, что русское летописание — жанр, не имеющий точных соответствий в других литературах. Некоторые исследователи полагают, что его появление можно отнести уже к концу X века, когда и был создан первый летописный свод.

Первым летописным сводом, текст которого можно реконструировать, является так называемый Начальный свод

конца XI века. Его текст сохранился в составе Новгородской первой летописи.

Древнерусскую литературу можно рассматривать как литературу одной темы и одного сюжета. Этот сюжет — мировая история, тема — смысл человеческой жизни. Древнерусская литература утверждает своеобразный реализм, она носит поучительный характер.

В первую очередь сказанное, конечно же, относится к собственно поучительно-бытовой литературе — притчам. В аллегорической форме они преподносят нравоучения, говоря не о единоличном, а об общем, постоянно случающемся. Жанр притчи для Древней Руси традиционен, и в то же время имеет библейское происхождение: притчами усеяна Библия. Притчи входили в состав сочинений для проповедников, они были и в произведениях самих проповедников.

Притчи повествуют о вечном. Все совершающееся в мире имеет две стороны. Одна — это то, что произошло, и в этом есть реальная причинность: ошибки, совершенные князьями, недостаток единства или недостаток заботы о сохранности родины — если это поражение; личное мужество, сообразительность полководцев, храбрость воинов — если это победа; неосторожность «бабы некой» — если это пожар города. Другая сторона — это извечная борьба Зла с Добром, это стремление Бога исправить людей, наказывать их за грехи (вот почему со средневековой точки зрения так велико значение уединенных молитв). В этом случае с реальной причинностью сочетается, по древнерусским представлениям, причинность сверхреальная.

Литература взяла на себя в культуре Древней Руси роль объединяющего центра в сложившемся и укореняющемся «двоеверии» и «двоекультурье». Она глубоко усвоила народную устную традицию, вместе с тем свою главную роль книжник видел в просвещении, проповеди святой жизни.

В начале XII века в Киеве, в Печерском монастыре, писал историю Руси монах Нестор. Его большой труд «Повесть временных лет» («Повесть о прошедших временах») переписывался русскими людьми на протяжении пяти столетий.

Это древнейшая (около 1113 года) дошедшая до нас русская летопись, лежащая в основе большинства последующих летописных сводов.

«Повесть временных лет» — выдающееся для средневековой Европы историческое произведение, в котором русская история рассматривалась на фоне истории всех славян и соседних народов. Нестор написал свой труд на основе большого числа собранных им греческих и русских книг. Своей повести он дал следующий подзаголовок: «Откуда есть пошла Русская земля, кто в Киеве нача первое княжити, и откуда Русская земля стала есть»²⁶.

Из переводных византийских источников в наибольшей степени автор использовал «Хронику Георгия Амартола». Из отечественных источников помимо начального свода он привлекал устные легенды (об основании Киева, о призвании варяжских князей, о княгине Ольге и ряд других). «Повесть» начинается с рассказа о расселении славян по Европе, их взаимоотношениях с другими народами. Далее повествуется о возникновении государства Руси, деяниях первых его правителей. Особенно подробно изложены в «Повести» события второй половины XI — начала XII столетия.

В одну из рукописей, сохранивших текст «Повести временных лет» — Лаврентьевскую рукопись, — были включены произведения, принадлежащие руке князя Владимира Мономаха. Среди них «Поучение». Рядом помещено послание Владимира Олегу Святославичу, написанное в разгар усобиц 90-х годов XI века, после гибели в бою с Олегом сына Мономаха Изяслава. Произведение Владимира Мономаха является не только ценным историческим источником, но и ярким литературным памятником, дающим представление об общественном сознании высшего слоя древнерусского общества.

Начинания Владимира Мономаха продолжил его сын — князь Суздальский и Киевский Юрий, по прозванию Долгорукий, основавший в 1147 году город Москву, ставший потом столицей Московского государства. Так именем и делами Владимира Мономаха и его сына Юрия Долгорукого связана история Киевской Руси с историей России и нашим сегодняшним днем.

Летопись рассказывает, что Юрий часто отъезжал далеко от Суздаля, куда он перенес столицу. Он любил охотиться в сосновых лесах на Москве-реке. Приглянулись князю эти места, особенно семь высоких холмов над рекой. Здесь, на месте небольшого села, и решил Юрий основать новый город, названный по имени реки Москвы.

Летопись упоминает, что в 1147 году князь Юрий Долгорукий пригласил на пир своего союзника: «Приди ко мне, брате, во град Москóв».

Именно этот год и считается датой основания Москвы.

Союзник — это черниговский князь Святослав Ольгович, и Юрий Долгорукий устроил для гостя «обед силен». Однако и гость приехал не с пустыми руками — Святослав привез в подарок основателю Москвы пардуса, то есть гепарда. В южнорусских степях тогда охотились именно с помощью этих кошачьих, которые давали сто очков вперед любым собакам.

Юрий Долгорукий известен тем, что заложил много новых городов, и удивительное дело: в каждом из них он создавал, как и в Москве, Красную площадь. Такие площади есть и в Юрьеве-Польском, и Переславле-Залесском. Созидательная деятельность Юрия Долгорукого прервалась преждевременно: спустя десять лет после основания Москвы, в 1157 году, он был отравлен на пиру у киевского боярина Петрилы.

Каждый год в Москве собиралась ярмарка. Торг был богатый, разнообразный, шумный. Продавали здесь воск, шерсть, холст, мед, яблоки, крупу, птицу, молоко. Кто приходил на ярмарку покупать, а кто только потолкаться. Кого здесь только нельзя было встретить! И длиннобородых бояр, и крестьян из ближних сел.

Если забежать вперед во времени, то часто на ярмарке можно было видеть невысокого богато одетого человека. На поясе у него висел кожаный мешок, который в старину назывался «калита́». Вот именно по этому мешку и прозвали московского князя Иван Калита, княжившего в Москве с 1325 по 1340 год.

При Иване I Калите Москва разрослась, вокруг Кремля появились новые дубовые стены. Была построена церковь

Успения Богородицы из белого камня. При нем резиденция русского митрополита была перенесена из Владимира в Москву.

Иван Калита, прохаживаясь по шумным торговым рядам и улицам, имел привычку из своего огромного кошель раздавать милостыню направо и налево. Видимо, поэтому его кошель никогда не оскудевал (как по Библии: «...рука дающего да не оскудевает»).

Говоря о ярмарках, о торговле вообще, надо сказать, что в изначальной — Киевско-Новгородской — Руси круг, как тогда говорили, «шибких» промыслов был определен дарами обширных смешанных лесов: пушниной, а также воском и медом диких пчел из бортей («дуплястых» деревьев). Собирая дань мягкой рухлядью — мехами — и продуктами бортничества, князья стольного Киева и других городов обеспечивали себе выгодный экспорт; интересно, что сцены охоты и бортничества в древнем Новгороде прекрасно изображены на резных панелях в церкви Святого Николая в немецком городе Штральзунде (1400 год). Еще одним экспортным «товаром» были рабы. А в импорте преобладали хорошие кони и боевые доспехи — чтобы быть всегда готовыми к отражению набегов кочевников из Великой степи Евразии.

Характер искусства Руси ярко сказался в иконописи, ставшей национальным явлением, как в Древней Греции — статуя, для Египта — рельеф, для Византии — мозаика. Здесь сослужило службу дерево, верный спутник русских — липы и сосны. Доска покрывалась левкасом — тонким слоем гипса, на который наносились контуры рисунка. Краски иконописцев, растертые на яичном желтке, отличались яркостью и прочностью.

Древнерусская иконопись — действительно создание гения, коллективного многоликого гения народной традиции. Существовали так называемые «подлинники» — руководства художникам-иконописцам в изображении святых²⁷ Ранние иконы были похожи на монументальные росписи, служили как бы их заменой. В древней рукописи об иконе сказано так: «Красота ее несказанна, и писана она дивно».

Примерно в XIV веке иконы начинают объединять в общую композицию иконостаса, помещая их на перегородке, отделяющей алтарь. Иконостас — чисто русское изобретение. Византия его не знала. Иконы в иконостасе располагались (и располагаются) в несколько горизонтальных ярусов.

Иконы были в каждой избе, лачуге, дворце, им отводилось красное место, как правило, напротив входа, чтобы входящие могли прежде всего, глядя на икону, перекреститься. Таков был обычай в любом уголке Руси, России. И вряд ли можно было найти дом без иконы Божией Матери, Девы Марии, высоко почитаемой у нас.

Иконы Спасителя и Божией Матери были величальными образами, которыми благословляли во время венчания молодых. Принято было также иметь икону небесного покровителя-ангела, в первую очередь, конечно же, хозяина дома, главы семьи.

«Житейская» поэзия иконы сливалась воедино с поэзией сказки. В иконе много идет от русского сказочного фольклора, а может быть, было и обратное — сказочный фольклор имел одним из своих источников икону.

Особенно ощутима фольклорность в ранних иконах новгородской школы, с их ярко-красными фонами, простыми цельными силуэтами. В новгородских иконах и близких им «северных письмах», а также в новгородских и псковских иллюстрациях рукописей намечаются истоки лубков — занятных картинок, которые еще в XIX веке были главной духовной пищей простых людей.

В русском искусстве, в отличие от готики, где образы святых и мучеников воплощают страдания и смуты настоящего, красной нитью проходит величавая народная сага, полная затаенных воспоминаний о славном прошлом, стойких надежд на победу добра, стремления к благообразию жизни.

Все это чувствуется прежде всего в русской архитектуре. Церкви строились на Руси во множестве и стали частью ее ландшафта. Древние зодчие умели безошибочно выбирать места для храмов — по берегам водных путей, на возвышениях, чтобы они были хорошо видны, как маяки для

путников. Церкви не были ни слишком высокими, ни угловато-остроконечными, как готические, — им свойственна компактная, телесная скругленность форм; они хотя и господствуют над пейзажем, но не противостоят ему, а объединяются с ним, они родственны русской природе.

В XII веке выработался характерный русский тип крестово-купольного белокаменного храма. Древний прообраз — простой деревянный сруб — скрыто живет в этих каменных сооружениях.

Для русской духовной культуры середины XII—XIII веков характерно становление «полицентризма» — появление в разных регионах Руси самобытных культурных центров.

В XII столетии художественное первенство принадлежало Владимиро-Суздальскому княжеству — сопернику и преемнику Киева, претенденту на роль общерусского центра.

Одно из прекраснейших сооружений Владимиро-Суздальской, да и всей древнерусской архитектуры — церковь Покрова на Нерли, построенная в 1165 году.

С большой силой самобытная, народная струя культуры пробилась в Новгороде. «Господин Великий Новгород» был в Средние века богатой и знатной боярско-купеческой республикой.

Новгород обогатил нашу историю — социальную, политическую, правовую — развитыми, хорошо продуманными, очень стабильными институтами республиканского правления.

Формой республиканского правления в Новгороде было вече. Новгородцы с успехом возродили издревле существовавшую форму племенных народных собраний, а также принципы принятия решений в военных дружинах. Право созывать вече принадлежало как князю, так и посаднику, который выполнял функции старшины города и воеводы, как боярам, так и черни. На нем обсуждались все вопросы, волновавшие новгородцев. Решение постановлялось не большинством голосов, а единогласно. В своих решениях собравшиеся на вече опирались не на закон, а на обычай, традиции. Большинство нередко топило несогласных в Волхове.

У наших современников в отношении Новгородской республики возникает вполне закономерный вопрос: «Какая же это республика, если во главе ее стоит князь?» Но все дело в том, что в основе княжения в средневековой Руси лежал определенный договор, который князь был обязан подписать и неукоснительно соблюдать. Условия договора относятся еще к началу IX века, они включают в себя следующее.

Первое — договор отказывает князю «в праве владения земель». То есть ни он, ни его родственники не имели никаких прав на земельную собственность, на так называемые княжеские угодья. Второе — никакие решения не принимались без участия посадника. Кстати, посадник не назначался князем, а выбирался всеми новгородцами. Подпись посадника подтверждала подлинность документа или постановления. Третье — новгородский князь не имел права собирать дань. Этим занимались особые выборные и назначенные люди. Князь же получал только «дар», иными словами, жалованье.

Рюрик был приглашен на Русь править тоже на основе договора. Его условия имеют много общего с теми, что действовали в то время в Дублине, Ирландии, Щецине.

Новгород отличался необыкновенной веротерпимостью. Он был открыт для всех стран. Особенно широкие связи Новгород поддерживал со Скандинавией и Европой. Во многом этому способствовали, конечно же, новгородские купцы. Особенно прославилось товарищество купцов Новгорода — «Ивановское сто».

И можно только согласиться с мнением наших историков о том, что там, где Петр I прорубил окно в Европу, Новгород в Средние века уже держал открытой дверь.

В результате совершенно особенного политического устройства, благодаря духу вольности и той свободе самоопределения, которыми обладали горожане, Новгород в экономическом и социальном плане жил вызывающе богато по сравнению с остальными российскими землями. Похожая ситуация была и в другом городе Древней Руси — Пскове.

Неудивительно поэтому, что вместе со своим «младшим братом» Псковом Новгород сохранил независимость от Золотой Орды и лишь к концу XV столетия утратил значение самостоятельного государства, покорившись после долгого сопротивления центральной московской власти.

Рубеж XII–XIII веков отмечен ростом городов, широким строительством крепостных стен, башен, теремов и церквей. В городах возводятся высокие двух-трехэтажные великолепные здания с богатым и живописным убранством. Увеличение высоты городских построек обусловило появление в это время и нового, башнеобразного типа церковной постройки, большей высоты, чем раньше. Из таких стройных и величественных храмов сохранились Михайловский в Смоленске, Пятницкий в Новгороде.

В городах в это время процветало художественное ремесло с широким искусным использованием многоцветной эмали, золотой наводки, тонкого металлического кружева и самоцветов. На Руси ковали знатные мечи... Мастера золотых и серебряных дел украшали оружие, рукописные книги, столовую утварь, одежду и создавали изумительной красоты драгоценные украшения для женского убора. Примеров расцвета других видов искусства тоже было немало. Все это свидетельствует о том, что в XII и начале XIII века русская культура, в том числе — если не сказать в особенности — обиходная, повседневная культура, была самобытной и высокоразвитой. И если Русь в это время испытывала влияние со стороны Византии, то уже довольно незначительное. Между тем ее связи с Западной Европой постоянно расширялись; во второй половине XII — начале XIII века — в период расцвета романского искусства на Западе — изделия русских ювелиров ценились там очень высоко и пользовались неизменным спросом.

В XIV веке укрепляются позиции московских торговых людей. К этому времени купцы занимают видное место среди населения многолюдного московского посада (посад — торгово-ремесленное население, возникавшее за пределами городских стен). При перечислении различных групп мо-

сквичей летопись ставит купцов вслед за представителями знати.

К тому времени относится появление фразы, бытующей в нашей речи и сегодня: «Остаться с носом». Дело в том, что купцы, занимавшиеся торговлей, обычно делали зарубки на хорошо отесанной, зауженной на одном конце деревянной палочке, очень похожей на человеческий нос, если была удачная сделка. А если ее не удалось совершить, то тогда говорили: «Остался с носом».

Со времен Киевской Руси и до конца XVIII века элиту русского купечества составляли «гости». Уже в договорах князей Олега и Игоря с византийцами этот термин распространяется на крупных купцов, торговавших за пределами Руси.

В XIII–XIV веках на Руси получили распространение торговые товарищества («складничества»). Они состояли из двух — четырех человек — родственников или чужих друг другу лиц, объединенных общими деловыми интересами. Соединяя товары, складники образовывали своеобразное торговое предприятие.

В XIV веке по примеру новгородского объединения купцов-товарищества «Ивановское сто» купцы стали объединяться. Так возникли солидные купеческие товарищества: «Гости», «Суконная сотня» и «Сурожская сотня», которые продержались более 350 лет.

«Гости» занимались оптовой торговлей внутри страны и повсюду за рубежом, «суконники» поддерживали партнерские отношения с Западом, «сурожане» специализировались на Персии и крымских городах, имея генеральное представительство в нынешнем Судакe, называвшемся тогда Сурожем.

Русские товарищества с самого начала отличались от западных корпораций. Со временем эти отличия стали еще более явственными. В отличие от западных коллег русские купцы превыше всего ставили государеву службу. Купцы, входившие в «сотни», несли все тяготы и лишения этой службы практически наравне с боярами и дворянством. Более того, у купца, даже если он был выходцем из незнатного рода, была возможность продвинуться по социальной лестнице — так, казначеями московских великих князей неод-

нократно становились купцы-сурожане. Да и знаменитые боярские роды Ховриных, Головиных и Траханиотовых тоже в прошлом имели купеческие корни.

Во времена феодальной раздробленности, междоусобиц и монголо-татарского ига (1238—1480) по-разному стала складываться судьба различных частей Русской земли.

До XIV века был единый восточнославянский язык, называемый древнерусским. Будучи единым по происхождению и характеру, он получал на разных территориях местную окраску, выступая в диалектных разновидностях.

Но постепенно на основе прежней древнерусской народности оформились три новых народа: русский (или великорусский), украинский и белорусский, при всей близости все-таки со своими особыми типами культур и своими языками. Междуречье Оки и Волги и Новгородско-Псковская земля явились центром развития великорусской народности и русской культуры.

Собственно русское государство стало формироваться на основе Великого княжества Владимирского; украинский и белорусский народы оказались в составе польско-литовского государства. И как отмечает французский исследователь русской тематики Альфред Никола Рамбо (1842—1905), из всех славянских народов один только великорус сумел создать и сохранить огромную империю среди самых неблагоприятных исторических и физических условий.

Начиная с первых десятилетий XIV века, говоря о русском государстве, мы будем иметь в виду только Северо-Восточную Русь и государственные образования, выросшие на ее основе.

Во время монголо-татарского ига, когда обезлюдели южные города, Владимир — этот новый духовный центр — хранил русскую культуру и традиции, память о былом могучем государстве и тем давал надежду на возрождение его в будущем. Сохраняя этот последний духовный оплот Руси, рискуя головой, ездил на поклон в Золотую Орду Александр Невский. Отсюда митрополиты Кирилл, Максим и Петр призывали князей прекратить междоусобицы, не губить своей земли и народа.

Страстный призыв князей к единству, к прекращению междоусобных войн звучит и в самом известном поэтическом произведении Древней Руси — в «Слове о полку Игореве», написанном в 1185 году, очевидно в Киеве, неизвестным автором:

Вступите, господа, в златы стремяна...
За землю Русскую!
Загородите полю воротами своими
Острыми стрелами!..

«Слово о полку Игореве» посвящено неудачному походу на половцев в 1185 году новгород-северского князя Игоря Святославича. То, что именно это событие послужило поводом для создания такого произведения, неслучайно. Ряд обстоятельств — сопутствовавшее походу затмение солнца, невзирая на которое Игорь продолжал двигаться вперед, гибель и пленение всего войска, бегство князя из плена — были уникальны и произвели сильное впечатление на современников. Кроме «Слова» этому походу посвящены две пространные летописные повести.

«Слово о полку Игореве» в дошедшем до нас виде было создано, видимо, осенью 1188 года. Возможно, что основной текст его был написан в 1185 году, вскоре после бегства Игоря из плена, а в 1188 году в него были внесены добавления в связи с возвращением из плена брата и сына Игоря.

«Слово о полку Игореве» написано образным поэтическим языком. Необычайно выразителен и лиричен знаменитый плач Ярославны (княгини Евфросиньи, жены Игоря); княгиня стоит на высокой крепостной стене города Путивля: впереди расстилается бескрайнее поле, на другом конце которого томится в плену князь Игорь. Ярославна упрашивает ветер, реку и солнце не причинять зла раненому князю и вернуть его в родную землю. Весь плач пронизан народными поэтическими мотивами, автор широко использует природу, одухотворяет ее, воскрешает образы старых языческих богов, использует древний славянский эпос о борьбе с готами, былины о Всеславе Полоцком и «старые словеса» певца Баяна.

Итак, на Руси был уже свой знаменитый рапсод — «вещий Баян», «соловей старых времен», упоминаемый в «Слове о полку Игореве».

«О светло-светлая и украсно украшена земля Русская!» — пишет автор другого выдающегося произведения древнерусской литературы — «Слова о погибели Русской земли».

Первый погром на Русской земле монгольские полчища устроили в 1223–1224 годах; он не только вызвал ужас и страх среди русских, но и охватил всю Европу. Русь первая приняла удары этих неведомых врагов, прозванных Гога и Магога, которые, как писал французский средневековый историк Жуанвиль, «должны явиться пред концом мира, когда наступит пришествие антихриста».

Но после этого нападения монголы повернули назад на восток и скоро были забыты на Руси. Прошло тринадцать лет, в течение которых князья не прекращали свои междоусобные войны и о монголах не вспоминали. Однако сами события: неурожай, голод, заразные болезни, пожары и всякого рода намеки на грядущие бедствия — появление кометы в 1224 году, землетрясение и солнечное затмение в 1230 году, — все это наполняло летописи того времени мрачными предвещаниями.

И монголы вернулись. Вся ярость монгольского урагана обрушилась на русских и другие восточноевропейские народы. «Многие были убиты в Польше и Венгрии»²⁸, — сообщает посол папы к монгольскому хану Плано Карпини.

Крупные города Венгрии: Пешт, Варадин, Арад, Перег, Егрес, Темешвар, Дьюлафехервар — пали. Затем подверглись разгрому Словакия, Восточная Чехия и Хорватия. Западная Европа была в панике, страх охватил не только Германию, но и Францию, Бургундию и Испанию и повлек за собой полный застой торговли Англии с континентом.

Из Венгрии воины Батыя совершали опустошительные набеги на Австрию, Хорватию и Далмацию и дошли почти до Венеции. Наступательный потенциал монголо-татарских полчищ был еще далеко не исчерпан, когда победоносный поход в Центральную Европу прервало известие о смерти в Каракоруме великого хана Угедея. В декабре 1241 года Батый поспешил в столицу созданной его дедом

огромной империи, чтобы защитить свои интересы при выборе нового хана.

Как бы то ни было, монголы остановились на границах Германии и Чехии, так что немцы отделались от их вторжения одним страхом; вторжение свирепствовало преимущественно на русских равнинах, как будто служивших продолжением великих азиатских степей. И только на русскую историю оно имело значительное влияние.

Папа Иннокентий IV в 1243 году предал анафеме императора Фридриха II, пошедшего на союз с монголами, и хана. Он объявил о «Пяти скорбях» католической церкви: 1) татары; 2) православные; 3) еретики-катары; 4) хорезмийцы; 5) Фридрих II²⁹

Русь почти одновременно испытала монголо-татарское нашествие и удар с Запада. На нее двигались рыцари — монахи так называемого ордена меченосцев, силой обращавшие в христианство язычников — литовцев и ливов. Их поддерживал папа римский. Православные казались меченосцам такими же дикарями, как и язычники.

В 1237 году рыцари Тевтонского ордена и ордена меченосцев объединились и создали мощный Ливонский орден. Началось покорение прибалтийских народов — эстов, леттов, литовцев, жмуди, ятвягов, пруссов. Коренное население Прибалтики защищалось мужественно. Но сила была у крестоносцев. Летты попали в крепостную зависимость. Наибольшее сопротивление оказали эсты. Они находились в близких дружеских отношениях с русичами. Да и города, ныне называемые Таллином и Тарту, были основаны в 1030 году Ярославом Мудрым и именовались Колывань и Юрьев.

В то же время в 1240 году на русские земли вторглись шведские завоеватели. Новгородский князь, двадцатилетний Александр Ярославович, со своей небольшой дружиной в неравной битве уничтожил тогда шведскую рать на Неве. Это была его первая крупная победа, за которую он получил титул «Невский». (Некоторые историки, впрочем, считают, что Александра Ярославовича прозвали Невским значительно позже, только в XV веке.) В следующем году он разрушил опорный пункт немцев — крепость Копорье,

пленные рыцари были привезены в Новгород. Большинство из них Александр Невский отпустил на волю, а руководителям ордена велел передать: «Кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет».

В 1242 году Александр Невский дал меченосцам сражение на льду Чудского озера и разгромил знаменитую рыцарскую «свинью».

Треугольный боевой порядок под названием «свинья» считался весьма грозным. Потому-то слова «подложить свинью» (кому-либо) и стали означать «устроить крупную неприятность».

«Они шли на нас, имея бесчисленное количество луков и множество прекраснейших доспехов. Их стяги и одежды поражали роскошью и богатством. Их шлемы излучали свет». Именно такими на льду Чудского озера увидели русских рыцари Ливонского ордена 18 апреля 1242 года. Для многих из них это зрелище оказалось последним. Было убито 400 рыцарей и 500 взято в плен; при этом русские истребили много чуди, пришедших с рыцарями.

Эта битва вошла в историю как Ледовое побоище. После нее Александр Невский торжественно вошел в Новгород, ведя за собой скованных пленников. Позже, в 1241 и 1245 годах, он разгромил литовцев, а в 1256 году нанес еще одно крупное поражение шведам и надолго отбил охоту у тех, кто зарился на Русь с Запада.

Но эти победы не могли заслонить собой другое страшное испытание для Руси — монголо-татарское нашествие. Римский папа предложил Александру свою помощь, если тот выполнит два условия: примет от него корону и коронуется и второе — примет католичество. Александр Невский корону взял, но от православия не отказался. Это был шаг истинно политического деятеля, стоявшего у истоков русской государственности, понимавшего, что этот путь может лишить русских возможности будущего самоопределения. Александр Невский выбрал для спасения Руси компромисс с монголами, тем более что уже многие русские князья до него побывали у монголов, принося им свою дань.

Оставим историкам повествование о том, как Александр Невский ездил «на поклон» к завоевателям-монголам³⁰.

Скажем только, что великий воин и государственный деятель переступил через свое самолюбие ради спасения Родины, ибо как никто другой понимал, что северные соседи были готовы проглотить нашу страну.

Но далеко не у всех русских князей было время обдумать ситуацию и проявить какую-либо гибкость. Юг сразу же постигла печальная участь.

Древняя русская столица Киев пала под натиском полчищ завоевателей. Жители города сражались до последнего. Монголы разрушили Киев до основания, и с тех пор он долгие века оставался в запустении.

Большинство земель Руси были поруганы и разорены. На месте городов и сел высились груды развалин, поля были усеяны мертвыми, которых некому было хоронить. Оставшиеся в живых прятались в лесах.

В это трудное время для Руси Даниил (1261—1303), младший сын Александра Невского, правнук Всеволода Большое Гнездо, становится князем Московским (1280—1303). Он получил Москву в удел от брата, великого князя Владимирского Дмитрия, около 1276 года. Даниил Александрович был первым московским князем и родоначальником московских князей. В 1300 году он присоединил к Московскому княжеству Коломну и ряд волостей, а в 1303 году получил по завещанию князя Ивана Дмитриевича Переславль-Залесский.

В годы княжения Даниила Москва начала расширять свои границы и влияние, чтобы позднее превратиться в Московское государство.

Известно, что в 1332 году московский князь Иван Калита добился от Орды права собирать «выход» (денежную дань) со всех северо-восточных русских княжеств и Новгорода. С этого момента закончилось баскачество на Руси и фактически пошло к концу иго Золотой Орды, называемое у нас монголо-татарским. Но до полного освобождения было еще далеко.

У Московского княжества не было союзников: ни искренних, ни корыстных. Для уходящей Руси и рождающейся России друзьями были православные: греки, болгары, сербы, грузины, валахи. Но в 1385 году турки взяли Софию,

в 1389 году победили сербов на Косовом поле, после чего через год оккупировали Болгарию, а с 1394 года началась блокада Константинополя. В эти же годы (1386—1403) Тимур обескровил Грузию.

Казалось бы, у Москвы было мало шансов обрести независимость, тем более что в 1353 году по московской земле прокатилась чума³¹.

И даже кровавая победа на поле Куликовом 8 сентября 1380 года не изменила общего положения.

Предание из Никоновской летописи гласит, что однажды к великому князю Московскому Дмитрию явился волынский воевода Боброк и позвал его на передовые дозоры, чтобы сообщить что-то важное. Оказались князь и воевода среди широкого поля между рекой Непрядвой и Доном, а называлось оно Куликовым. Сошел Боброк с коня, припал к земле и долго слушал. А потом сказал Дмитрию: «Я слышал, как земля горько и страшно плакала: на неприятельской стороне казалось, будто плачет женщина-мать о детях своих, и голосит по-татарски, и разливается слезами; а на русской стороне, казалось мне, будто девица плачет тонким свирельным голосом, в большой скорби и печали. Знай, княже, ты одолеешь врагов своих, но твоего воинства падет под острие меча многое множество!»

Настоятель Троицкого монастыря Сергей Радонежский благословил Дмитрия Донского на битву такими словами: «Без всякого сомнения, господин, со дерзновением пойдی противу свирепства их, никакоже ужасайтесь, всяко поможет ти Бог».

Откуда было взяться силам? Традиционная историография ответа не дает. Как заметил Гумилев, чтобы стать народом, нужен подвиг, «и с поля боя, куда добровольно шли разные племена и этносы, вышли — русские, единый русский народ»³².

В 1382 году Москве пришлось держать оборону от войск золотоордынского хана Тохтамыша. Тогда боевое крещение получили «тюфяки», ошибочно называемые историками пушками. «Тюфяк» — это метательное орудие, в основу которого положен принцип лука. Такие суперарбалеты заряжали как «дробом», так и крупными ядрами. А для лучше-

го скольжения заряда ствол-желоб орудия отливали из металла. Это, кроме того, обеспечивало ему и долговечность. И хоть «тюфяки» — не пушки, но свою роль в обороне Москвы тогда они сыграли.

Несколько лет спустя, в 1391 году, 18 июня, хана Тохтамыша разгромил самаркандский эмир Тимур в сражении на реке Кондурче. Это было одно из крупнейших сражений Средневековья: по разным оценкам, в нем принимали участие от 200 до 400 тысяч человек. Значение этого события для судьбы Русского государства очень велико: поражение Тохтамыша на реке Кондурче способствовало распаду Золотой Орды и в итоге — освобождению русских земель от ордынского ига.

Согласно оценкам историков XIX века, в Великороссии около 1300 года самым сильным княжеством было Тверское, самым воинственным — Рязанское, самым культурным — Ростово-Суздальское, а самым богатым — Новгородская республика.

К концу века положение изменилось радикально — главным городом Великороссии сделалась Москва, присоединившая в 1364 году к своим владениям стольный город Владимир.

С легкой руки князя Звенигородского и Галицкого Юрия Дмитриевича (1374—1434), сына Дмитрия Донского, символом Москвы стал поражающий дракона Георгий Победоносец — сюжет, известный в иконографии под названием «Чудо Георгия о змие» и символизирующий победу добра над злом, христианства над «погаными».

По завещанию отца Юрий Дмитриевич должен был стать великим князем Московским после смерти своего брата Василия I Дмитриевича, однако смог занять престол лишь на очень короткое время — дважды в 1433—1434 годах. В один из этих периодов он распорядился отчеканить московскую монету с изображением своего небесного покровителя — Георгия Победоносца, поражающего дракона. В контексте той эпохи сюжет воспринимался как знак героической борьбы русского народа с «поганой» Золотой Ордой, на знаменах которой изображался дракон — древний восточный символ счастья.

В эпоху Куликовской битвы — победы над ордынцами, возвышения Московского княжества и объединения Руси — страна поднималась к новой жизни. Воплощение этой зари — живопись Андрея Рублева.

Его имя было известно уже современникам, оно упоминается в летописях и житиях, но по этим источникам не легко отделить факты от предания, тем более трудно установить, какие именно из сохранившихся произведений принадлежат Рублеву. Однако можно считать достоверным, что он расписывал стены владимирского Успенского собора и был создателем большого деисусного чина из Звенигорода. Совместно с Феофаном Греком и живописцем Прохором из Городца он расписал собор во Владимире и Троицкий собор в Троице-Сергиевом монастыре.

Главное же творение Рублева — знаменитая икона ветхозаветной «Троицы», отмеченная печатью гениальности. «Троица» изображает явление Бога в виде трех ангелов ветхозаветному праведнику Аврааму. Рублев говорил, что написал ее для того, чтобы люди, глядя на единство Святой Троицы, побеждали злобу и ненависть, разделяющие мир. Три ангела — это предвечный совет о послании Отцом Сына на страдания во имя спасения человечества. Чаша на столе — символ искупительной жертвы Христа. Таким образом, в «Троице» выражены две сложные богословские идеи — о таинстве евхаристии и триединстве Божества. Понимание «Троицы» современниками не ограничивалось богословскими идеями. В Святой Троице как единой, нераздельной осуждалась раздробленность и проповедовалась соборность, а в «Троице» как неслиянной осуждалось иноземное иго и содержался призыв к освобождению³³. Стиль московского мастера, глубоко национальный по своей сути, отличающийся неповторимой индивидуальностью, надолго определил лицо не только московской школы живописи, но и всей русской художественной культуры.

«Троицу» ныне знают все — даже те, кто имеет самое приблизительное представление о русском искусстве. Ею гордится Третьяковская галерея как одной из своих реликвий. Написана она была в начале XV века для собора Троице-Сергиева монастыря над могилой духовного отца Рублева —

преподобного Сергия Радонежского. Расчищена икона была только в 1904 году.

В разговоре о последствиях монголо-татарского ига возникает невольно вопрос его влияния на русский генофонд.

Исследователи, историки в первую очередь, считают, что оно незначительно. Хотя аристократия обоих народов заключала браки и ряд мурз, приняв православие, сделались русскими князьями, в массе своей оба народа жили, почти не смешиваясь.

В то же время татары, принявшие православие, вливались в русское общество. Так появились фамилии: Аксаков, Алябьев, Апраксин, Аракчеев, Арсеньев, Ахматов, Бабичев, Балашов, Баранов, Басманов, Батулин, Бекетов, Бердяев, Бибииков, Бильбасов, Бичурин, Боборыкин, Булгаков, Бунин, Бурцев, Бутурлин, Бухарин, Вельяминов, Гоголь, Годунов, Горчаков, Горшков, Державин, Епанчин, Ермолаев, Измайлов, Кантемиров, Карамазов, Карамзин, Киреевский, Корсаков, Кочубей; Кропоткин, Куракин, Курбатов, Милюков, Мичурин, Рахманинов, Реутов, Салтыков, Строганов, Таганцев, Талызин, Танеев, Татищев, Тимашев, Тимирязев, Третьяков, Тургенев, Турчанинов, Тютчев, Уваров, Урусов, Ушаков, Ханыков, Чаадаев, Шаховский, Шишков³⁴.

Полностью с игом было покончено лишь в 1480 году. Именно в этом году Иван III (1462—1505) объявляет себя государем всея Руси. Одержав победу над татарами на реке Угре, он отказывается платить дань. Но еще до этого, как гласит предание, великий Московский князь Иван III в присутствии татарского посла изломал изображение хана, бросил обломки на землю и растоптал их ногами. Это событие часто упоминают как знаменующее конец монголо-татарского владычества³⁵.

Иван III недаром был прозван собирателем земли русской, во всяком случае, он сумел утвердить позиции московского самодержавия. С этой целью он многое сделал и для упрочения и украшения Москвы.

При нем в 1485—1495 годах Кремль был опоясан треугольником кирпичных стен, сохранившихся до нашего времени.

В языческие времена Боровицкий холм, на котором расположен Кремль, назывался Ведьминой горой. Здесь было капище, где приносили жертвы богам. Вокруг дубового столба обносили, по ритуалу, новорожденных и усопших, воины перед сражением приносили к нему в полночь оружие — для удачи в бою. Тут же было кладбище для магов и колдунов, чьи души не находят покоя.

Стены первого каменного укрепления, построенного в 1367 году Дмитрием Донским, охватывали около две трети территории нынешнего Кремля. Но белый камень известняк, который использовали русские зодчие, быстро потерял свою прочность в огне многочисленных штурмов и пожаров. Так что великому князю Московскому Ивану III пришлось затевать строительство оборонительного рубежа заново, для чего он призвал итальянских мастеров.

Свой статус самодержца Иван III подкрепил и повышением статуса Русской церкви. Во многом этому способствовал, конечно же, его брак в 1472 году с племянницей последнего византийского императора Зоей (Софьей) Палеолог, оказавшейся с отцом Фомой Палеологом после взятия турками Константинополя при папском дворе. Когда Фома умер, в Риме стали подыскивать ей супруга и нашли его в Московии. Иван III и бояре с восторгом приняли предложение — «отрасль царственного древа, коего сень покоила некогда все православное христианство». К тому же Софья получила от папы приданое.

Благодаря браку с представительницей византийского двора активизировался процесс приобщения Руси к культуре Византии, а через нее и к культуре Западной Европы.

Софья Палеолог имела громадное влияние на Ивана III. Вместе с Софьей прибыли в Москву многие греческие эмигранты, привезшие с собой книги — драгоценное наследие византийской цивилизации: эти рукописи послужили началом нынешней патриаршей библиотеки.

В результате брака с Софьей Палеолог Иван III объявил себя наследником византийских императоров и римских цезарей, он принял для России новый герб — двуглавого орла, бывшего символом Византии.

Отголоски монголо-татарского ига самым неожиданным образом дошли до XIX века.

В 1237 году полчища хана Батыея подступили к Рязани. Богатый город был сожжен дотла, а жители убиты или угнаны в плен. Вероятно, при осаде кто-то из слуг или членов княжеской семьи спрятал золотые и серебряные украшения, но так и не смог за ними вернуться.

Летом 1822 года крестьянин Устин Фомин нашел княжеское сокровище: сорок пять предметов — золотые бармы (оплечное украшение, знак княжеской власти), колты (подвески к женскому головному убору), серьги, кольца, браслеты и другие изделия были завернуты в кожаный мешок и зарыты в землю.

Вещи из рязанского клада — свидетельство виртуозной техники златокузнецов домонгольской Руси. Золотые бармы состоят из пяти медальонов, соединенных ажурными бусинами. Медальоны выполнены в сложнейшей технике перегородчатой эмали и украшены тончайшей сканью, жемчугом, драгоценными камнями. Создать подобный шедевр непросто даже при современном уровне развития ювелирной техники.

Весной 1912 года два мальчика из села Малое Перещепино Полтавской губернии проходили по песчаной балке. Вдруг нога одного из них провалилась в яму. Заглянув в нее, мальчик увидел металлический сосуд. Ребята вырыли его и отнесли домой. Дальнейшее изучение этого места, привело к обнаружению целого сокровища.

Перещепинский клад включал золотую и серебряную посуду, изготовленную в Иране, Византии и иных, возможно восточноевропейских, центрах. В кладе находились золотые бляхи, нашивки и конская упряжь, украшения из золота и драгоценных камней, золотые византийские монеты и многие другие предметы. Общий вес изделий из золота составил приблизительно 25 килограммов, из серебра — более 50 килограммов. Для историков же клад явился ценнейшим источником информации о Руси.

Показательно, что, по подсчетам замечательного знатока древностей Г. Ф. Корзухиной, из 175 древнерусских кладов, учтенных специалистами к началу 50-х годов XX века,

в III представлены вещи XII—XIII веков. Ценности прятали в минуту опасности — чаще всего, вероятно, это происходило во время монгольского нашествия. Извлекались же они столетия спустя другими людьми, потому что для сокрывшего клад опасность становилась роковой.

В 1453 году произошло событие, потрясшее весь европейский мир: под натиском турок пал Константинополь и вместе с ним тысячелетняя Византия. Московская Русь стала ее исторической преемницей. Этому предшествовало чрезвычайно важное событие, о котором очень редко упоминают в России.

В 1439 году состоялся Флорентийский собор, в котором видную роль сыграл митрополит Киевский (с 1437 года) Исидор. На соборе была подписана уния воссоединения церквей — католической и православной. Но эту унию отказался подписывать греческий митрополит, что было исключительно важно для Русской православной церкви и явилось решающим фактором для того, чтобы в Москве, где в это время правил великий князь Василий II Васильевич Темный (1415—1462), ее признали противной православному учению.

Эти события стали одной из важнейших причин фактического провозглашения в 1448 году самостоятельности Московской митрополии.

Так Москва наследовала погибшей под ударами турок Византии, как наследовала сама Византия Риму.

Немалое значение в обосновании претензий на эту роль сыграла выдвинутая позднее, в 1523 году, монахом псковского Спасо-Елеазаровского монастыря старцем Филофеем теория Москвы как Третьего Рима, — «убо два Рима падоша, третий стоит, а четвертому не быти», — провозглашавшая великого русского князя наследником византийского императора. Московское государство же отныне стало именоваться Святой Русью.

Но любое явление, как известно, всегда имеет свою оборотную сторону. Переняв у Византии религию и государственный герб, Московия тем самым противопоставила себя Европе как оплот православной церкви. Это усугубило

неблагоприятное геополитическое положение — с отрезанностью от теплых морей и враждебными соседями, от шведских королей до польских панов и крымско-татарских ханов.

Укрепление самодержавной власти Ивана III привело к тому, что бояре полностью потеряли право свободного перехода от одного князя к другому. Теперь они обязаны были служить не удельным князьям, а великому московскому князю и присягали ему в этом. Количество бояр в Московском государстве росло по мере расширения Москвы.

Бояре, как правило, пришивали к вороту парадного кафтана расшитый серебром, золотом и жемчугом воротник, который называли «козырем». Козырь внушительно торчал вверх, придавая гордую осанку. Отсюда «ходить козырем» — ходить важно, с гордостью, с чувством собственного достоинства, а «козырять» — значит хвастаться чем-нибудь, пользоваться преимуществом.

Или вот еще любопытная деталь: начало нового года праздником не считалось, хотя для Иван III в каком-то смысле это был все-таки праздник. В 1492 году он повелел считать началом церковного и гражданского года 1 сентября и в этот день... платить дань и оброки.

Между прочим, начиная со времен Ивана III у нас стала известна заморская птица попугай, «говорящая человеческим языком». Первый попугай попал на Русь в качестве подарка жене Ивана III от императора Священной Римской империи Максимилиана. Попугаю жилось на московских харчах весьма привольно — ему кроме прочего ежедневно полагалась и бутылка рейнского вина. Особенного восхищения, впрочем, способности попугая к человеческой речи у москвитов не вызывали.

Зато в это же время удивлял необычайный дар провидца Василия Немчина — все его предсказания исполнялись в точности. Информация приходила к Василию в видениях — по его словам, «ангел писал перстом на облаках». Пророчества свои он записывал в книгу. Они касались среди прочего и далекого будущего нашей страны.

«Страшная бесовская сила возникнет под красными стягами». Руководить бесами будет человек «с непокрытой головой», который потом «долго будет лежать в хрустальном гробу между небом и землей, заменив собой молитвы и иконы. Придут страшная и бессмысленная резня и кровопролитие». Комментарии не требуются.

После «семи десятков лет мерзости и запустения бесы побегут с Руси. Хотя и будут переодеваться в овечьи шкуры, оставаясь хищными волками».

Неоднократно упоминает Немчин о «горцах», которые принесут России страшные разрушения, а также о «большой войне креста с полумесяцем»³⁶.

XV век был временем активного роста помещичьего землевладения и постепенного оттеснения землевладения боярского. Со второй половины XV века начинается процесс активного распространения и юридического оформления поместной системы. Расширение социального слоя помещиков способствовало усилению централизованного Московского государства.

Первые элементы юридического закрепощения крестьян стали появляться во второй половине XV века. С середины века сохранились наиболее ранние княжеские грамоты, запрещающие выходы крестьян от своих владельцев, однако пока они носили фрагментарный характер. Первым общегосударственным юридическим актом, ограничивавшим свободу крестьянских переходов, был «Судебник» 1497 года, которым Иван III согласовал древние законы с новым порядком вещей. Он стремился к уничтожению уделов, к законодательному выравниванию различных провинций. Согласно «Судебнику» крестьяне могли «отказаться» от боярина или помещика только один раз в году в Юрьев день (осенний). Это был первый открытый шаг к установлению крепостничества на Руси. Попытки ограничения свободы крестьян со стороны высших слоев общества проявлялись и в политике финансового закабаления. Получив от помещика или феодала кредит, крестьянин уже не мог его покинуть до выплаты долга, а это нередко растягивалось

на многие годы и десятилетия. Наиболее бесправная часть должников получила название «кабальные люди» (первые упоминания о них приходятся на конец XV века).

В XV веке интенсивно развивается экономика Руси. Изменения затронули не только ремесленное производство, но и строительство, и сельское хозяйство. Достаточно сказать, что Фиораванти построил у нас большой кирпичный завод. Основой прогресса в сельском хозяйстве служил практически повсеместный переход на трехполье. Перелог, то есть «забрасывание» земель на несколько лет, использовался только при обработке новых земель.

Применение органических удобрений стало необходимой составляющей сельскохозяйственных работ. Повышение производительности труда в сельском хозяйстве привело к увеличению городского населения, что, в свою очередь, способствовало росту ремесла и торговли. Каких-либо новых технологий на Руси в XV веке не появилось за исключением производства огнестрельного оружия. Но на протяжении всего столетия происходил как количественный, так и качественный рост ремесленного производства, углублялась специализация, увеличивалось число ремесленных слобод и городов.

43-летнее правление на великокняжеском престоле князя Ивана III было отмечено и важнейшими позитивными переменами в жизни государства. Быстрыми темпами шло объединение разрозненных русских земель. Во второй половине XV века Московскому княжеству удалось не только ослабить внешнюю опасность, но и изменить весь свой облик. Даже такие испытания, выпавшие на годы правления Ивана III, как жесточайшие морозы 1495—1496 годов, он сумел использовать стране во благо.

Балтика в те годы замерзала целиком. Историк Альберт Кранциус, живший в Любеке, в своем труде «Вандалия» отмечает: «Море замерзает так сильно, что можно дойти по льду в Данию и Пруссию. В некоторых местах на льду есть даже постоянные дворы для удобства путешественников». Этим «удобством» и воспользовался Иван III. Как сообщает тот же Кранциус, войска «императора Московии» Ивана Великого штурмовали Выборг по льду и одержали блестя-

щую победу. Так вокруг некогда скромного княжества складывалась мощная держава, самая крупная в Европе. Стремительное завершение формирования Русского государства и длительное княжение Ивана III многим казались тесно связанными. Иван III долго именовался Великим. Но постепенно его фигура потускнела, и свое прозвище он уступил другому. Как мы знаем, Великим стали именовать Петра I.

Иван III звался лишь великим князем, но уже его внук и тезка Иван IV принял титул царя, поставив себя тем самым наравне с правителями других крупных держав.

С распространением православия на Руси греки, жившие вдоль берегов Черного моря, все чаще стали перебираться в северные районы. Почти одновременно с ними в XIV веке в Москве появляется много итальянцев — генуэзцев и венецианцев. Их называли фрягами или фряжинами. (Отсюда фряжское вино, то есть итальянское — красное, виноградное.)

В XV веке поток итальянцев, приезжающих в Москву, увеличился. Фряги были преимущественно ремесленниками — ювелирами, денежными мастерами, строителями каменных зданий и крепостных стен, пушечными мастерами и т. д. Все они находили себе применение, тем более что при Иване III в Москве начинается большое строительство. Новые стены Кремля, как было упомянуто, были сложены из красного кирпича, построены новые башни. Главной башней Кремля стала Спасская; над ее воротами красовался герб города — Георгий Победоносец, поражающий копьём змея.

Иван III Великий, очевидно по совету своей жены Софьи, пригласил из Италии архитектора Аристотеля Фиораванти. Платили ему по тем временам большие деньги — десять рублей в месяц.

Муроль³⁷ Аристотель, как любил называть его Иван III, был приглашен в Москву для строительства собора вместо разрушенного землетрясением, случившимся 20 мая 1474 года. «Бысть трус во граде Москве», — записал летописец.

Иван III посоветовал итальянскому архитектору взять за образец владимирский Успенский храм. Аристотель Фиораванти отправился в прославленную на всю Русь своим каменным зодчеством недавнюю столицу суздальских князей — Владимир.

Многое в построенном за четыре года под его руководством русскими каменщиками и плотниками Успенском соборе напоминало древнерусское зодчество, но в то же время собор не был простым повторением владимирского храма. Талантливый архитектор сумел совместить достижения мастеров своей родины с наследием древних строителей гостеприимно принявшей его страны.

В день освящения собора в 1479 году великий князь дал обед высшему духовенству и боярам. Фиораванти приехал во дворец рано, часов в 10 утра, как ему было сказано. Два стольника, стоявшие у крыльца, кланялись гостям большим поклоном, говорили каждому: «Великий князь, воздаючи честь гостю, повелел тебя встретить» — и провожали в покой.

Иван III сидел на троне, окруженный боярами. Не доходя нескольких шагов, Фиораванти остановился для приветствия. Иван пожаловал гостя к руке и, ласково улыбнувшись, добавил: «Поешь нынче со мною хлеба-соли, муроль!»

Итальянца поразило обилие кушаний. Подавали множество разнообразных блюд, мясных и рыбных, горячих и холодных, солений и сладких. Обносили разными винами. А мед стоял на каждом столе в огромных тазах с ковшами, чтобы гости сами его черпали, сколько захотят.

Только к вечеру закончился обед. Сытые и хмельные, с трудом добрались гости до своих возков, стоявших довольно далеко — близко ко дворцу подъезжать не разрешалось.

При Иване III кремлевская Соборная площадь приобрела современный торжественно-праздничный облик. Здесь стали проводиться пышные церемонии, приличествующие Третьему Риму. Каждый собор имел свое назначение: в Успенском венчали на царство, в Благовещенском крестили царских детей и совершали обряд бракосочетания, Архангельский стал усыпальницей великих князей, а затем и царей.

На Руси с X века существовала повинность, именовавшаяся «повоз», по которой население было обязано обеспечивать княжеских гонцов лошадьми и повозками.

В XIII веке на Руси по ямам (поселения вдоль почтового тракта через каждые 20—30 верст) были созданы дворы для оперативной смены курьерских лошадей. Самих курьеров, гнавших подводы и кибитки от яма к яму, прозвали ямщиками или, еще точнее, ямскими охотниками — потому что становились ими охотно, без принуждения. Но одной «охоты» было мало — принимали на государеву службу людей надежных, грамотных. Избранник целовал крест на том, что будет служить верой и правдой, а односельчане письменно ручались, что он человек хороший и, стало быть, для серьезного дела годен. Требования к почтарям были высокими: «чтоб люди добрые, не пьяницы и животом прожиточны».

Занятие ямщиков называлось ямской гоньбой. Иностранцев удивляло, что скрипучие подводы мчались по ухабистым дорогам проворнее европейских почтовых экипажей. Выносливых лошадок погоняли кнутами столь же выносливые и расторопные мужики в ярких зипунах, с сигнальными рожками. Зипуны были дорогими, они переходили по наследству от отца к сыну вместе с традицией носить окладистые бороды и привычкой пренебрегать сигнальными медными рожками, которые входили в снаряжение. Но почтари по старинному московскому обычаю предпочитали давать знать о своем приближении лихим посвистом, а рожком брезговали, считая его «заморской бесовщиной». Завидев вдали очередной ям, мужики оглушительно свистели в два пальца, призывая сменщиков. Они объясняли пассажиру, что так будет слышнее да и кони под свист скорее мчатся. И выносливые лошадки действительно прибавляли шаг.

Ямская гоньба не стихала до конца XIX века, хотя сами ямские дворы в 1782 году были переименованы в почтовые станции. Не только почетной была государева служба, но и опасной, а дисциплина строгой. Путников подстерегали зной и стужа, разбойники и лютые звери. За опоздание били батогами, сажали в острог. Рассказы о «романтике» ямщицкой жизни не менее увлекательны, чем иные детективные

романы. А вот песни и романсы, затрагивающие эту профессию, переполнены грустью.

Окончательно привел в порядок почтово-ямское дело Иван III. И это у него вышло так хорошо, что спустя 20 лет после его смерти ведомство работало с удивительной точностью и скоростью. Австрийский посланник Сигизмунд Герберштейн писал: «С помощью великокняжеской почты я доехал от Новгорода до Москвы за 72 часа, а один из моих служителей даже за 52 часа, что достойно восхищения — нигде в Европе не найти такой скорости». И это не удивительно — нигде в Европе к тому времени почта не была государственной. Почтовые кареты знаменитого на Западе немецкого общества «Турн и Таксис» тащились как черепахи, к тому же немцы ломили за каждое письмо неслыханные деньги. А в Москве к 1550 году в Кремле существовало уже специальное госучреждение — Ямская изба, управлявшая почтовыми делами. И ямщики поголовно подчинялись только ей. Мало того, каждый ямщик, где бы он ни работал, принимал присягу только в Москве. Очень скоро изба была переименована в Ямской приказ, то есть в министерство. А с Московским государством шутки были плохи уже тогда — ленивого ямщика за опоздание могли и посечь.

Шаг к международному сообщению был сделан стараниями главы Посольского приказа Афанасия Ордина-Нащокина, который 18 мая 1665 года заключил договор с голландцем Ван Сведеном об организации регулярной почты с зарубежными государствами. За услуги голландцу полагалось «на всякие расходы 500 рублёв да соболей на 500 рублёв в год». Сумма немаленькая, но Сведен пожадничал, стал промышлять контрабандой и через три года попался. Его преемник, датчанин Марселиус, тоже жадничал, но в меру и дело свое знал. При нем письмо из Москвы в Вильно шло всего восемь суток. А вот Андрей Виниус, первый московский почтмейстер, умудрился в 1675 году так развернуть почтовое дело, что установил регулярное сообщение с Китаем.

Примерно в то же время в нашем языке появилось само слово «почта», и перевозчиков писем стали называть почта-

рями. Афанасий Ордин-Нащокин ввел для них специальную форму — зеленый суконный кафтан с красным двуглавым орлом на левом и почтовым рожек на правом рукаве. За утерю госкорреспонденции можно было схлопотать дыбу и плаху, за частное письмо — батоги.

При Петре I почтарей перевели из Кремля и разместили в усадьбе барона Петра Шафирова, назначенного генерал-почт-директором. Шафиров «прибавил собою цены на отвоз и привоз писем», но при нем было сделано и немало хорошего. Именно при бароне были установлены нормативы доставки писем из Москвы в Воронеж — 48 часов, в Тулу — 36, в Новгород — 52. Немало способствовало скорости истинно русское изобретение тех лет — тройка, которое компенсировало ужасное качество наших дорог.

Почти весь XVIII век Московский почтамт мотало по всему городу, пока наконец в августе 1792 года для его нужд не купили землю «в приходе церкви Гавриила Архангела, что на Чистом пруде». С тех пор он так и находится на этом самом месте.

В XIV—XV веках на Руси господствовали три течения философско-богословской мысли: традиционное православие, исихазм (православный аскетизм, выходящий за рамки традиции) и слабые ростки рационализма (ереси).

При этом необходимо отметить, что общественные идеи, связанные с осмыслением места человека в мире и обществе, а также политические теории укладывались на Руси в это время почти целиком в рамки религиозного мировоззрения.

О ересьях следует сказать особо. Они были одним из наиболее ярких проявлений умственной жизни Средневековья повсюду в Европе, и Русь не стала исключением. Еретики не удовлетворялись религиозными учениями. Они пытались объяснить окружающий мир, исходя из научных знаний своего времени, занимались математикой, астрономией, изучали древние языки. Умеренная часть движения ограничивала борьбу правом на известное свободомыслие в литературе и науке, более радикальная доходила до отрицания основных богословских догматов.

В 70-е годы XIV века в среде горожан и низшего духовенства возникла новгородско-псковская ересь стригольников (название связано, видимо, с обрядом пострижения в священнослужители), критиковавших церковь как по проблемам догматики (оспаривали Божественное происхождение таинств священства, крещения и пр.), так и по организационным вопросам (отвергали церковную иерархию и монастырское землевладение, выступали за «дешевую церковь» и за предоставление мирянам права проповеди). Это идейное движение было жестоко подавлено, но отголоски его еще долго давали о себе знать, пока не слились с новым движением в конце XV века — «ересью жидовствующих». (Происхождение названия до сих пор удовлетворительно не объяснено. По мнению одних, оно связано с тем, что ересь занес из Литвы ученый еврей Схария, другие связывают название с тем, что в своей полемике с Церковью еретики обращались к Ветхому Завету.)

Отрицание монашеского церковного землевладения еретиками вызывало симпатии государственной власти, видевшей в церковных землях источник пополнения земельных фондов казны. Но именно это не в последнюю очередь привело на церковном соборе 1490 года к резкому осуждению ереси.

В конце XV века русские церковники по примеру западной инквизиции, хотя и в значительно меньших масштабах, стали сжигать еретиков живыми. Страшные костры горели на льду Москвы-реки. Но и это не остановило и не могло остановить развитие свободной мысли. Еретические и вообще антицерковные выступления продолжались и в следующем, XVI, веке и жестоко преследовались властями.

Идеи еретиков XV века развили «нестяжатели». Учителя нестяжательства — идеолог русского исихазма Нил Сорский (1433—1508) и Вассиан Патрикеев³⁸ высказывались за реформу монастырей, отказ монастырей от землевладения и строгий аскетизм, указывали на несоответствие церковной практики принципам христианства. Их идеи нашли поддержку у боярства, служилого дворянства и у великого князя, но со стороны многих церковников, позицию кото-

рых сформулировал игумен Иосиф Волоцкий (1439–1515), встретили враждебное отношение.

От имени Иосифа происходит название течения, которое он возглавил, — «иосифляне», или «осифляне». Осифляне заключили союз с великокняжеской властью. Иосиф развил теорию теократического абсолютизма, что укрепило авторитет светской власти и усилило позиции Церкви. Нестяжатели были осуждены как еретики³⁹. Отсутствие широкой социальной базы для реформационного движения предопределило его поражение. На культуре XVI века это отразилось ужесточением канонических требований.

Часть вторая

Самобытность уклада жизни и начало обновления России XVI–XVII веков

Дальнейшее объединение русских земель
Василием III. — Разбойник Кудеяр — сын великого
князя? — Елена Глинская и рождение будущего царя
Ивана IV Грозного. — О происхождении названия «Китай-
город». — Принятие Иваном Грозным царского титула. —
Выбор царем жены. — Стоглавый собор о нравах среди
священников. — Сватовство Ивана Грозного к английской
королеве Елизавете. — Опричнина. — Московская
топонимика. — Первые русские печатные книги. —
Развлечения русских. — Квас и сбитень. — Иван Грозный
и астрологи. — «Домострой». — Лапти и валенки. — Одежда. —
Баня. — Праздники и развлечения. — Иностранные влияния
при Борисе Годунове. — Смутное время. — Избрание на
царство Михаила Романова. — Сватовство царя. — Немецкая
слобода в Москве. — Состояние образования в XVII веке. —
Чума в Москве. — Царь Алексей Михайлович Тишайший. —
Соляной и Медный бунты. — Наталья Кирилловна — первая
царица, нарушившая правила домостроя. — Долгий ящик. —
Обычаи русских в XVII столетии.

В результате правления Ивана III на востоке Европе воз-
никло огромное единое Российское государство, все го-
рода и земли которого подчинялись великому Московскому
князю. Население России составляло 9 миллионов человек.

Иван Васильевич умер в 1505 году, и его место занял сын
Василий. Родившийся за год до падения монголо-татар-
ского ига, в 1479 году, Василий III, вступивший на престол
в октябре 1505 года и княживший до 1533 года, продолжил
дело своего отца по «собираанию» русских земель. В 1510 го-
ду к Московскому государству был присоединен Псков,
в 1514 году — Смоленск, в 1521 году — Рязань. Этим в ос-
новном Василий III завершил объединение русских земель.

В память воссоединения с Россией Смоленской земли
в 1514 году был основан Новодевичий монастырь в Моск-
ве, свидетель многих исторических событий: пострижения
в монахини Ирины, бездетной жены царя Федора Ивано-
вича; венчания на царство Бориса Годунова в 1598 году; за-
точения в 1689—1704 годах царевны Софьи, сестры Пет-
ра I. Под его стенами 22 августа 1612 года ополчение Кузьмы

Минина и Дмитрия Пожарского дало польско-шведским интервентам решающее сражение.

К началу XVI века достиг зрелости процесс формирования русской народности. Стало распространяться название «Россия». При этом в России кроме русских жили украинцы, белорусы, карелы, саамы (лопь), вепсы (весь), ненцы (самоядь), коми (чудь заволоцкая), ханты, манси (югра), татары, башкиры, удмурты (вотяки), марийцы (черемисы), чуваша, морды, кумыки, ногайцы, кабардинцы и некоторые другие этнические группы.

Великий Московский князь Василий III очень хотел детей. Однако его жена Соломонида Сабурова за их двадцатилетний брак так и не смогла никого родить. Тогда князь, руководствуясь принципом «смоковница, не приносящая плода, должна быть выброшена из сада», жену заточил в монастырь, а сам женился во второй раз, на дочери литовского дворянина Елене Глинской.

Распространенная легенда утверждает, что Соломонида тайно родила сына — наследника престола. Чтобы его не убили, она разлучилась с ним, передав ребенка близким людям. Впоследствии сын Соломониды, сводный брат Ивана Грозного, стал якобы знаменитым разбойником Кудеяром. В устном народном творчестве Кудеяр — легендарный персонаж русского фольклора — стал символом защитника обездоленных, грозы для всех притеснителей.

Женитьба на Елене Глинской свидетельствовала не только о желании иметь наследника, который мог бы претендовать и на польско-литовскую корону, но и о стремлении улучшить отношения с Западной Европой. Эта женщина интересна хотя бы тем, что она, подверженная всяким новомодным европейским веяниям, уговорила мужа... сбрить бороду. Это произошло задолго — за 150 лет — до рождения Петра Первого, который, как мы знаем, вел с бородами решительную борьбу. Но московский князь ходил без бороды один во всем царстве — при явном недовольстве со стороны Церкви, которая его всячески увещевала.

Свадьба Василия III и Елены Глинской состоялась в 1526 году, а долгожданный наследник престола, Иван,

впоследствии царь Иван IV, прозванный Грозным, появился на свет только в 1530 году, когда его отцу, Василию III, было уже за пятьдесят. За три года, пока Елена не могла забеременеть, Василий пережил немало беспокойства. Надежда была разве что на предсказание юродивого Домитиана, который объявил Елене, что она будет матерью сына «широкого ума», и действительно, 25 августа 1530 года у великокняжеской четы наконец родился сын, названный затем Иваном. Пишут, что в ту самую минуту земля и небо сотрясались от неслыханных громовых ударов. Но это было воспринято как добрый знак. Все города Руси отправили в Москву посланцев с поздравлениями. После рождения сына царь прожил совсем недолго. Он умер в 1534 году, и власть перешла к Елене Глинской.

Еще при жизни Василия III остро встала задача укрепления позиций Москвы как первопрестольного града.

Москва разрасталась, окружая себя посадами, и в конце концов только часть города оказалась под защитой кремлевской стены, сооруженной при Иване III. Самые богатые посадские кварталы находились со стороны Фроловских (Спасских) ворот. Именно это «торговое чрево» столицы решили защитить от нападения врагов новыми укреплениями. Приземистые башни и стены Китай-города возводили под руководством итальянца Петрока Малого.

Вскоре после смерти мужа великая княгиня Елена, во исполнение планов Василия III, приказывает обнести посад рвом и земляным валом «по тому месту, где мыслил ставить великий князь Василий Иванович». «Нарекоша граду имя Китай», — лаконически сообщает летопись. В 1535 году по инициативе той же княгини Елены позади Китайгородского рва и вала стала сооружаться каменная стена.

Эта вторая московская крепость, окончательно завершенная к 1538 году, воздвигалась на добровольные пожертвования москвичей; внесла свои собственные средства и княгиня Елена.

О названии «Китай-город» спорят до сих пор. Большинство исследователей склоняется к тому, что оно происходит

от древнерусского слова «кита», означавшего плетенную из хвороста или соломы веревку; от него берет свое начало рязанское словцо «китай» — прозвище торговцев.

В том же 1535 году Елена Глинская провела денежную реформу, после которой на монетах достоинством в одну сотую рубля вместо изображения великого князя с мечом в руке стали чеканить его изображение с копьем, в связи с чем новые деньги прозвали копейными, или копейками.

Елене Глинской удалось осуществить многое из задуманного мужем. Это было время большого строительства на Руси. Но безоблачным ее правление назвать нельзя. Будучи европейских нравов и воспитания, Елена Глинская не пользовалась симпатиями ни у бояр, ни у духовенства, ни у простого народа. Двор был полон интриг, Елену не раз пытались отравить. В апреле 1538 года она, молодая, казалось бы, полная сил женщина, внезапно скончалась. Исследование ее останков, проведенное в XX веке, установило повышенное содержание в них ртути, однако нельзя утверждать наверняка, что причиной смерти Елены Глинской стало отравление.

Иван IV Грозный стал великим князем в трехлетнем возрасте. Его правление оказалось самым длительным в российской истории — более пятидесяти лет.

В январе 1547 года по ритуалу, задуманному митрополитом Московским Макарием, семнадцатилетний великий князь Иван венчался на царство. Чин венчания происходил в Успенском соборе Кремля в присутствии дворцовой знати и иностранных послов.

Принятие московским князем царского титула означало оформление де-юре новой роли России в мировой политике. Царский титул позволял занять существенно иную позицию в дипломатических сношениях с Западной Европой. Великокняжеский титул переводили как «принц» или «великий герцог». Титул же «царь» в этой иерархии стоял наравне с титулом «император». Кроме того, царский титул подчеркивал неограниченность власти правителя внутри государства.

В феврале 1547 года по инициативе митрополита Макария был созван церковный собор, канонизировавший большое число местных святых, что идеологически подчеркивало величие Российской державы.

Как мы уже знаем, Иван IV рано осиротел, потеряв трех лет от роду отца, а семи — мать. Он рос в обстановке боярских смут, был рано втянут в борьбу придворных группировок за власть. В повседневной жизни его забывали накормить, плохо одевали... Как отмечает выдающийся русский историк В. О. Ключевский, ощущение сиротства, брошенности, одиночества не покидало его всю жизнь. Сильнейшими чувствами, владевшими Иваном IV, были страх и подозрительность — и они сочетались с возрастающей, по мере взросления, властностью.

В двенадцатилетнем возрасте Иван IV пережил сильный испуг. В ночь на 3 января 1542 года князья Шуйские выступили против князей Бельских, фактически управлявших государством. Вооруженные, во главе своей челяди и преданных войск, они ворвались во дворец, подняли Ивана с постели, заставили встать на колени и молиться. На глазах насмерть перепуганного мальчика, не вняв его отчаянным мольбам, Шуйские схватили престарелого митрополита Иоасафа, сторонника Бельских, пытавшегося спрятаться в великокняжеском дворце, били, бесчестили его, а затем отправили в ссылку.

Дикие сцены боярских своеволий, обиды, оскорбления дорогой для него памяти родителей наложили неизгладимый отпечаток на нервного и крайне впечатлительного ребенка, породили в душе его страшную, жгучую ненависть к боярам. Уже на следующий год эта ненависть вырвалась наружу: тринадцатилетний Иван IV самолично вмешался в борьбу придворных, приказав псарям убить князя Андрея Шуйского. «С тех пор, — записал летописец, — начали бояре от государя страх иметь».

«Мы все привязаны к воротам своего детства», — заметил как-то известный австрийский врач и психолог Альфред Адлер. Именно детство во многом объясняет характер Ивана IV, с юных лет обреченного стать Грозным.

Спустя три недели после венчания на царство, 3 февраля, Иван IV женился. Его женой стала Анастасия Романовна Захарьина-Юрьева; она не считалась ровней Ивану, что вызвало неудовольствие и ропот бояр. В царском дворце, как передают современники, она «оставалась верной скромной жизни и древним обычаям благочестия».

Легенда, дошедшая до нас, так передает предысторию женитьбы молодого царя. 16 ноября 1546 года князья и дети боярские услышали царский приказ: «Когда к вам эта грамота придет и у некоторых из вас дочери девки, то вы бы с ними сейчас же ехали в город к нашим наместникам на смотр...» И вот будто бы из толпы собранных красавиц Иван Васильевич выбрал Анастасию Захарьину-Юрьеву. Есть, впрочем, и другая версия, что выбор был сделан заранее. Существует рассказ, что как-то Анастасия Захарьина в сопровождении мамки направлялась в церковь и вдруг на нее налетел верховой. От страха девушка упала в обморок. Иван в это время возвращался с охоты. Он увидел Анастасию и воскликнул: «Господи, и где это на Руси родится такая красота!»

Известно, что и сам жених был хорош собою. До нас дошло, что царь был приятен лицом, велик ростом, имел широкие плечи, крепкие мышцы, широкую грудь, прекрасные волосы, длинные усы, римский нос, серые светлые глаза, небольшие, но пронизательные и исполненные огня.

Сохранился «Чиновный свадебный список» бракосочетания царя. В него входит Опись шкатулы с драгоценностями царицы Анастасии Романовны: «Шкатула писана красками желтою, а по ней полосы черны, по сторонам окована. А в той шкатуле 3 скриночки да на верху в похоронке чепи золотые плоские, кресты, зарукавье, 2 пера жемчужные с каменьями и 3 жемчюги велики, серги розными образцы цветки с каменьями розными, поясы золотые и жемчужные, жемчюги которые из дому, образцы золотые, чепи золотые и иное чего, не можно вспомнить, потому что списки тому там же в шкатуле. В той же шкатуле коруна с каменьями различными и 3 жемчюги. Волосник с окатым жемчюгом и с резным каменьям...»

Иван IV любил свою первую жену особенно нежной любовью. В письмах к Курбскому и своим приближенным он говорил, что прожил с Анастасией любовно тринадцать с половиной лет и жил бы счастливо дальше, но «вражим наветом и злых людей чародейством и отравами царицу Анастасию извели». Во время похорон царя вели за гробом под руки, он стонал и рвался, митрополит пытался напомнить ему о твердости христианина, но тщетно...

«Со смертью Анастасии Иоанн лишился не только супруги, но и добродетелей», — замечает Карамзин. Жена как бы унесла с собою в могилу лучшие порывы души Ивана. Вокруг царя образовалась пустота, и он «весь отдался своим природным страстям».

Тринадцать лет счастливой жизни с Анастасией были отмечены активной созидательной деятельностью Иоанна IV — и это несмотря на череду тяжелейших ситуаций. Счастливый в личной жизни царя 1547 год ознаменовался тремя страшными пожарами, принесшими неисчислимые бедствия жителям Москвы. И как следствие их вспыхнуло грозное народное восстание, в котором был зверски убит дядя царя — Юрий Васильевич Глинский.

Дабы противостоять этим несчастьям, Иоанн IV собрал вокруг себя молодых единомышленников. Так возникло правительство, названное Курбским, тогдашним другом царя, Избранной радой. Она включала в себя главу Челобитного приказа Алексея Адашева, протопопа Благовещенского собора и автора «Домостроя» Сильвестра, воеводу Дмитрия Курлятова и других. Была создана система приказов — органов центрального управления России.

В 1549 году был впервые созван Земский «собор примирения», на котором царь выступил с яркой речью. Собор принял решение о составлении нового Судебника, который и был утвержден в 1550 году. Тогда же начались военные реформы. Был определен единый порядок прохождения воинской службы: «по отечеству» (по происхождению) и «по прибору» (по набору). Службу «по отечеству» проходили дворяне и боярские дети (так называлось сословие, состоявшее из мелких феодалов на службе князей и бояр).

Служба регулировалась изданным в 1556 году «Уложением о службе», она переходила по наследству и начиналась с пятнадцати лет. До этого возраста дворянин считался недорослем и мог жить под родительским крылом.

Из числа служилых людей «по прибору» формировалось стрелецкое войско, из него создавалась личная охрана царя.

В 1552 году была создана Дворовая тетрадь — список государева двора (около 4 тысяч человек, из которых назначались высшие должностные лица государства: городские воеводы, дипломаты и др.).

Царская власть, заинтересованная в поддержке духовенства, не могла остаться в стороне от назревших церковных преобразований. По инициативе царя и митрополита в январе — мае 1551 года прошел собор Русской церкви, получивший название «Стоглавый» по количеству глав сборника, в который были сведены его решения.

Этот сборник содержит большой материал, характеризующий жизнь Русской церкви середины XVI века. В нем, в частности, записано: «...попы и церковные причетники в церкви всегда пьяни и без страха стоят и бранятся, и всякие речи неподобные всегда исходят из уст их, и миряне, зря на их бесчиние, гибнут, также творят...» Собор решил усилить контроль за поведением духовенства через вновь созданный институт протопопов. В частности, обращалось внимание на то, чтобы священники и дьяконы «не бранились и не сквернословили бы и пьяными бы в церковь и во святой алтарь не входили, и до кровопролития не бились бы».

Собор унифицировал общерусский пантеон святых, ввел единый культ и обряды, установил общие правила — каноны — для церковной живописи. Было заявлено о высоком моральном значении Церкви, пастырском служении священников; собор выступил против распутства, пьянства и бродяжничества монахов. На Церковь возлагалось устройство школ для мирян.

Правление Ивана Грозного вызывает противоречивые оценки. Результатом его пребывания на престоле явилось оформление централизованного Российского государства —

царства, равного великим империям прошлого. Оно приобрело в XVI веке широкий международный авторитет, возымело мощный бюрократический и военный аппарат, который возглавлял лично «Всея России самодержец».

При этом фигура самого Ивана IV, необузданного тирана, во многих его проявлениях вызывает тяжелое отвращение. Хотя, вполне возможно, появление именно такой личности на российском престоле можно считать закономерным. Примерно в это же время — эпоху становления в Европе единых национальных государств — властвовали Генрих VIII в Англии и Филипп II в Испании, которые по проявленной ими жестокости встают с один ряд с Иваном.

Надо сказать и то, что, как отмечают историки, Иван IV был человеком не только жестоким и развратным, но и весьма суеверным. Он то предавался самым постыдным оргиям, то, надев монашескую рясу, устраивал со своими опричниками полные ханжества торжественные богомолья, словно надеялся замолить совершенные грехи.

Как и Генрих VIII, он был женат несколько раз: после Анастасии Романовны женился на черкешенке Марии, потом имел еще четыре жены. Вот как, например, происходил выбор Марфы Собакиной, второй по счету. Царевна выбиралась из огромного числа русских девушек, доставленных «без утайки» со всех концов Московского государства. Иван IV из 2000 девиц выбрал сначала 25, потом 12 и, наконец, одну — Марфу, дочь купца из Новгорода⁴⁰.

От седьмой жены, Марии Нагой, у него был сын — царевич Димитрий. Он родился 19 октября 1583 года. Как раз в это время Иван Грозный вздумал жениться на 50-летней Елизавете, английской королеве, дочери упомянутого Генриха VIII.

К Елизавете, между прочим, сватался и испанский король Филипп II, в прошлом муж ее предшественницы на английском престоле Марии Тюдор, известной как Кровавая, поскольку ее правление ознаменовалось многочисленными казнями. Впрочем, королева, которая чувствовала в своей груди «сердце короля», предпочла, дабы не делить ни с кем власть, сохранить безбрачие и вошла в историю под прозвищем Королева-Девственница.

Но за все надо платить. Елизавета заплатила за неделимость королевской власти отсутствием наследников. И по иронии судьбы корона после ее смерти перешла к сыну той, которую она казнила, — Марии Стюарт.

Иван Грозный направил к английской королеве сватов с роскошными подарками, среди которых были знаменитые русские меха. В ответ владычица Британии подарила русскому царю царя зверей — львов. Символичность такого жеста очевидна.

Львов «для устрашения и потехи» грозный Иван велел держать во рву у кремлевских стен. Жители Русского царства, москвичи тогда впервые увидели этих грозных животных, про которых до того лишь слыхали да знали по геральдическим знакам. Что случилось дальше с этими львами — история умалчивает.

Порывистый, необузданный характер Ивана, его привычка пускать в дело окованный железом посох стали причиной трагедии. Заспорив со своим старшим, любимым сыном, на которого он возлагал все свои надежды, Иван ударил сына посохом, удар оказался смертельным.

Не доверяя княжеско-боярской аристократии, Иван IV стал больше опираться на служилых людей — дворян. Дворяне (они же помещики) были заинтересованы в укреплении власти царя, который предоставлял им поместья и должности.

Русское купечество в это время включало помимо гостей (ведших заморскую торговлю) торговых людей гостиной и суконной сотен. Последние набирались из состоятельных крестьян и жителей посадов, обретая одновременно права на торговую деятельность в пределах Русского государства, а также на посреднические операции с иностранными купцами. Со своей стороны гости в отличие от купцов, входящих в «сотни», имели право на владение земельной собственностью наравне с военно-служилыми людьми.

Пытаясь укрепить свое положение, Иван Грозный в 1565—1572 годах для борьбы с боярским своеволием создал опричников — только ему послушное войско. В сущности, это был полк личных телохранителей и порученцев Ивана Грозного, которые даже внешне отличались от иных

служилых людей. Тут уместно отметить, что для опричников Иван Грозный впервые в России сделал попытку ввести специальную униформу.

В числе противников репрессивной системы, которую выстраивал Иван Грозный, оказался митрополит Московский Филипп (в миру Федор Колычев; 1507—1569). В своих многочисленных посланиях он призывал царя прекратить насилие над народом. Иван Грозный не обращал внимания на эти призывы, их автора-строптивца презрительно именвал Филькой, а его письма — Филькиными грамотами (откуда, кстати, и пошло это выражение).

Закончились споры митрополита и царя трагически. Однажды, когда царь и опричники пришли в храм в монашеских одеждах, митрополит Филипп не дал им благословения, сказав при всем народе: «Ни в делах, ни в одежде я не узнаю царя. Злые дела совершаются царским именем, невинная кровь кричит к Богу!» Царь же устроил так, что митрополит по приговору церковного суда был лишен сана. Опричники ворвались в алтарь, сорвали с него облачение, с бранью и побоями отвезли в монастырь и там заковали в цепи.

Через год Филиппа по приказу царя задушил его любимый опричник Малюта Скуратов. В 1652 году Филипп был канонизирован Русской церковью.

Вместе с опричниками грозный царь ввел и опричнину (от слова «опричь» — кроме); в нее вошли земли, принадлежавшие только царю, и среди них оказались крупнейшие российские города (или части городов) и волости. В сущности, это была часть государства с особым управлением, выделенная для содержания царского двора и самих опричников. Так, известный сегодня район Москвы Арбат тоже попал в состав опричной, то есть личной, территории царя Ивана Грозного.

Остававшаяся после опричнины территория называлась земщиной, где опричники могли по любому подозрению расправляться с теми, чье имущество им казалось слишком богатым для их владельцев.

Опричники ездили на вороных конях и носили черные кафтаны. К седлу их были привязаны собачьи головы и мет-

лы, это означало, что они выметают измену и грызут врагов государевых.

С этой целью им были даны практически неограниченные полномочия. В России наступили темные времена опричного террора, от которого не мог укрыться никто. Оградить себя от обвинений в измене можно было, только вручив опричнику круглую сумму, что сделать, естественно, мог не каждый. Кровь лилась рекой.

Бояр, обвиненных в измене, по старой русской традиции (так обычно поступали с ворами), одевали в вывороченную одежду и в таком шутовском виде вели к ответу. Усугублялось издевательство тем, что несчастных усаживали в таком виде, для большего позора, на коня лицом к хвосту и возили по всему городу, под свист и улюлюканье уличной толпы. Отсюда и появились у нас выражения «задом наперед» и «шиворот-навыворот» (шиворотом назывался расшитый воротник богатой боярской одежды).

Сам царь, как бы не желая иметь ничего общего с этими безобразиями, совсем уехал из Москвы и поселился в Александровской слободе, которую народ прозвал «Неволей».

Несмотря на такое нелестное название, слобода процветала и быстро превратилась в настоящий город. Государь жил в обширных палатах, обнесенных валом со рвом. Вокруг стояли каменные лавки, дома и церкви. Жизнь была ключом. Однако сам Иван и 300 самых близких ему опричников вели на первый взгляд затворническую, монастырскую жизнь.

В полночь все вставали с постели и шли на первую церковную службу. В 4 часа снова собирались в церкви на заутреню, длившуюся до 7 часов. В 8 начиналась обедня. Обед подавался в 12 часов в общей трапезной. Перед обедом царь читал что-нибудь из Священного Писания. Остатки трапезы отдавались бедным, как в приличных монастырях. Но после обеда маскарад заканчивался. Опричники скидывали с себя рясы, которые были надеты прямо на шитые золотом кафтаны с собольей опушкой, и начиналось веселье. Все собирались на пир.

Во время торжественных трапез («столов») Ивану Грозному, как, впрочем, и ряду его предшественников на пре-

столе — великих князей, — прислуживали стольники. Это был дворцовый, затем придворный чин в Русском государстве XIII—XVIII веков. По росписи чинов XVII века стольники занимали пятое место после бояр, окольничих, думных дворян и думных дьяков.

Как правило, пиры не обходились без музыки и песен. Часто приглашались певцы-сказители. Иногда народным рассказчикам отводилась специфическая роль. Богатые любили засыпать под их сказки. У Ивана Грозного было три таких «штатных» сказочника, которые по очереди усыпляли его.

Пирующих царя и его приближенных развлекали шуты, которых на Руси называли дураками. Со всего российского захолустья в Александровскую слободу собирали скоморохов, фокусников и медвежатников. Медведей заставляли представлять смешные сцены или просто натравливали на людей. Царь особенно любил выпускать медведей на мирную толпу, гулявшую в праздничные дни в окрестностях слободы.

Случилось однажды в Александровской слободе и совершенно необычное развлечение. Холоп боярина Лупатова Никита сделал большие деревянные крылья и, прыгая с высоты, не разбивался, а плавно опускался на землю. Царь затребовал холопа к себе, и тот совершил свой изумительный полет в его присутствии. Но ничем хорошим для него это не кончилось. Вмешалось духовенство, потребовавшее наказать холопа за то, что вмешивается дела Божии, ибо, как написано в сохранившемся документе, «человек не птица, крыльев не имеет... кто же приставит себе крылья деревянные, то это не Божье дело, а от нечистой силы». За дружбу с нечистой силой бедняга поплатился головой. А злостную его «выдумку» постановили сжечь.

Опричнина просуществовала семь лет, с 1565 по 1572 год, приведя к большому недовольству в разных слоях общества, к разорению значительной части страны и бегству населения на окраины. Но и после объявления об отмене опричнины в ослабленном виде она все-таки продолжала существовать вплоть до смерти Ивана Грозного.

Для России тех лет вообще были характерны переселения больших масс народа.

Серьезное значение имел перевод еще при Василии III в 1514 году на жительство в Москву большой группы богатых смоленских купцов, образовавших здесь особый разряд «смольнян», занимавший в деловой иерархии Москвы второе место после гостей.

Еще до Ивана Грозного, после присоединения в 1510 году к Московскому государству Пскова, оттуда также был произведен свод, то есть переселение, людей в Москву. Эти переселенцы образовали свой квартал «псковичей» в районе Сретенки. В 1518 году ими была поставлена церковь Введения, которая и сделалась религиозным центром их поселения.

Иван Грозный знал, что новгородцы и псковитяне не любят его и настороженно относятся к царским указам. Восприятие новгородцами Москвы характеризует следующий эпизод. После битвы в 1471 году, в которой новгородцы были разбиты Иваном III, жена новгородского посадника Марфа Борецкая вышла навстречу боярам, возвращавшимся с битвы, со словами: «Надеюсь, оба моих сына погибли...»

Ничего не изменилось в отношениях между Москвой и Новгородом и при Иване Грозном. Постоянно боясь новгородского мятежа, царь в надежде ослабить смутьянов приказал вывезти в Москву 500 семей из Пскова и 150 — из Новгорода. Позже в центральные районы страны была переселена еще одна большая группа новгородских купцов.

Особенно крупное насильственное переселение состоялось при Иване Грозном в связи с так называемым делом о «новгородской измене» (по мнимому доносу о сговоре с польским королем): в 1569 году в Москву выехало 145 семей, через два года — еще 100⁴¹. Видимо, из этих переселенцев и образовалась в Москве влиятельная «новгородская сотня», известная с конца XVI века.

Москва становилась, таким образом, местом, куда сходились нити деловых отношений на Руси. Это, в свою очередь, способствовало складыванию в стране единого хозяйственного пространства.

Переселения в Москву не только способствовали сосредоточению здесь крупных капиталов. «Сведенцы» сохраняли деловые связи с городами, откуда были родом: двинские

везли свои товары и деньги на Двину, устюжане обогащали своими вкладами святыню родного Устюга — Михайло-Архангельский монастырь. Аналогичные последствия имел перевод на жительство коренных московских купцов в другие города, то есть следует сказать, что купцы принуждались к переселению не только в Москву, но и из Москвы, — осуществлялась своего рода ротация. Тот же Василий III после взятия Пскова в 1510 году перевел туда на жительство более 100 иногородних купцов, в том числе и московских.

В Новгороде переселенцы из Москвы жили на торговой стороне в Плотницком конце. Здесь, на месте старой церкви, они совместно с новгородскими торговцами построили в 1536 году церковь Бориса и Глеба.

Надо отметить, что с образованием единого Русского государства Новгород и Псков сохранили свое важное место в русской торговле. И даже тяжелые годы Ливонской войны (1558—1583 годы) и погром 1569 года в Новгороде, учиненный опричниками, не понизили значения этих городов для Руси. На новгородском торгу стояло два гостиных двора: Тверской с 46 амбарами и Псковский с 41 амбаром. При этом, конечно же, сказывалось закрытие из-за войны Немецкого двора, представлявшего своего рода иноземную крепость в стенах «вольного» Новгорода. Другой средневековый гостинный двор — Готский — перестал существовать еще раньше, в 1540-х годах.

Устранить «прибалтийский барьер» Ивану Грозному так и не удалось. Торговля России с западноевропейскими государствами морским путем, крайне важная для развития государства, тормозилась наличием на пути к балтийским портам большого количества препятствий, главным из которых был Ливонский орден. Поражение в Ливонской войне, понесенное Иваном Грозным, надолго закрыло путь по Балтике.

То, что Ивану Грозному удалось вернуть часть территорий, когда-то, еще при Ярославе Мудром, принадлежавших Руси, не меняло дела.

В царствование Ивана Грозного было построено много новых городов, в их числе: Чебоксары, Козьмодемьянск, Орел,

Данков, Епифань, Венев, Чернь, Тетюши, Алатырь, Арзамас. В сочетании с открытием Северного морского пути, завоеванием Казани и Астрахани, которое проложило дорогу в Среднюю Азию и Персию, постепенным освоением Сибири это создавало новую, обширную базу для деловой предприимчивости.

Толчком к развитию торговых связей по Северному морскому пути явилось прибытие в 1553 году в устье Северной Двины британских кораблей. Вслед за этим в Архангельск, основанный в 1584 году, стали приплывать голландские и французские суда. Здесь в отличие от Прибалтики русские купцы вели дело с приезжими без посредников, что приносило выгоду и той, и другой стороне. В XVII веке торговая роль Архангельска еще более выросла в связи с тем, что в Англии (это случилось еще при Иване Грозном, в 1551 году) была создана компания «Mystery and Company of Merchant Adventurers for the Discovery of Regions, Dominions, Islands, and Places unknown» («Общество купцов, искателей открытия стран, земель, островов, государств и владений неизвестных и доселе не посещаемых морским путем») для открытия новых рынков сбыта для английских купцов. Эту компанию чаще обозначают сокращенным названием «Mystery» («Тайна»). Ее представитель — английский капитан Ченслер (он и был первым англичанином, официально ступившим на нашу землю) привез Ивану IV грамоту с предложением дружбы и взаимовыгодной торговли.

Ченслер был обласкан русским царем и отправлен назад в Англию с согласием дружить и взаимовыгодно торговать. В результате «Mystery» была переименована в «Московскую компанию», а Ченслер, как главный специалист по России, назначен полномочным английским послом. И он опять поехал в Москву. Кстати, верительную грамоту пришлось составлять по-гречески, по-польски и по-итальянски, поскольку русского никто не знал, а в том, что в России известен английский, англичане очень сомневались. Главный «специалист по России» Ченслер так и не выучил непонятного языка, что, впрочем, не помешало ему впоследствии написать занимательную книгу «О великом и могущественном царе Русском и великом князе Московском».

Иван Грозный может считаться основателем национальной милиции — стрельцов, оказавших в течение ста лет много услуг государству. Фамилии командиров стрелецких полков до сих пор запечатлены в московской топонимике — Зубовские бульвар, улица, проезд и площадь, Большой и Малый Лёвшинский переулки, Малый Каковинский переулок... Отражены в московских названиях и ремесленные занятия жителей: ближе к Кремлю — Кисловские переулки («кислошники» готовили для дворца кислую капусту, мочили яблоки, делали квасы); далее улица Поварская с переулками Столовым, Скатертным, Хлебным, Ножевым. О царской охоте напоминают Собачья площадка, Кречетниковский и, возможно, Медвежий переулки; о конюхах — Староконюшенный, Остоженка (где заготавливали в стога сено на приречных лугах), Власьевский (святой Власий, он же языческий Велес, — покровитель скота) и т. д. и т. п.

Иван Грозный учредил на границах, подвергавшихся нападению татар, ряд постов и станов, где местные стрельцы упражнялись в военном деле. В целях охраны границ была также отправлена в 1570 году специальная грамота донским казакам. А чуть позднее, 16 февраля 1571 года, Иван Грозный утвердил первый в истории страны воинский устав — «Приговор о станичной и сторожевой службе», разработанный воеводой Михаилом Воротынским. В эти же годы была создана каперская флотилия Ивана Грозного. Во время Ливонской войны 1558—1583 годов эта наемная флотилия нарушала морскую торговлю Польши, Литвы и Швеции в Балтийском море, а также использовалась для борьбы со шведскими и польско-литовскими каперами.

Роскошь двора Ивана Грозного в Кремле приводила иностранцев в изумление. По рассказам посла германского императора Максимилиана II Ганса Кобенцеля, посетившего Москву в 1576 году, во время приема царь Иван Грозный и его сын сидели в одеждах, усыпанных драгоценными камнями и жемчугом, а на шапках сияли «как огонь горящие рубины, величиной с куриное яйцо». «В жизнь мою не видел я вещей драгоценнейших и прекраснейших, — писал Ганс Кобенцель. — В минувшем году видел я короны

или митры священного нашего господина... Видел корону и все одеяния короля католического... видел многие украшения короля Франции и его императорского величества как в Венгерском королевстве, так и в Богемии и других местах. Поверьте же мне, что все сие ни в малейшей степени сравниться не может с тем, что я здесь видел»⁴².

Придворный церемониал в Средние века вообще имел, и в России в особенности, большое значение. В нем видели одно из выражений богатства и мощи государства. Государственные регалии выполнялись из золота талантливymi мастерами, обильно украшались драгоценными камнями. Поэтому они являются не только символами царской власти, но и великолепными произведениями декоративно-прикладного искусства.

Всемирно известная шапка Мономаха — древнейший царский венец. Согласно легенде, киевский князь Владимир Мономах получил ее от своего деда — византийского императора Константина. «Мономаховой» она названа впервые в завещании Ивана Грозного. Таким образом, шапка, получив наименование «мономаховой», становилась не просто символом высшей государственной власти, но власти, преемственной от Византии.

Надо сказать, что и послы, попадавшие на прием к государю, своими дарами старались как-то соответствовать всей этой роскоши, о которой они, конечно, были наслышаны.

Известна печальная судьба слона, подаренного персидским шахом Тахмаспом Ивану Грозному. Слон при представлении русскому государю отказался преклонить перед ним колени, за что и был изрублен мясными топорами. История второго слона, подаренного Ивану Грозному, тоже печальна, хотя и не столь трагична. Он, не выдержав долгого пешего перехода, не то что поклонился грозному царю, а рухнул перед ним, едва встретившись с Иваном Васильевичем взглядом. Царь подобрел и велел кормить слона наилучшим образом. Слону выдавали в сутки 13,5 килограмма «сорочинского пшена», то есть риса, 3 килограмма патоки, столько же сливочного масла и от 30 до 60 калачей. Правда, слону полагалось еще и ведро водки, однако целиком ли до него доходил этот чисто русский продукт или нет, ис-

тория умалчивает. Но очень скоро привольное житье кончилось. Вместе со слоном в Москву прибыл араб, которому Иван Грозный положил солидное жалованье. То ли сыграла свою роль зависть, то ли традиционная подозрительность москвичей к иноземцам, но араба вместе со слоном обвинили в распространении чумы и холеры. После этого царь отправил их в ссылку. Но и в ссылке слон не давал царю покоя, и из Москвы был отправлен палач для казни, судя по всему, немец-опричник Генрих Штаден, который и оставил нам записки о слоне. Правда, немец не успел — араб умер, а слон, проломив забор, улегся на его могиле. «Там его и доби́ли — пишет Штаден, — выбили у него клыки и доставили великому князю и доказательство того, что слон действительно околел»⁴³.

Слон, как и верблюды, пригнанные вместе с казанским полоном, вызывали удивление и у взрослых, и у маленьких москвичей. Смотреть на них приходили толпы. Однако этот мини-зверинец просуществовал недолго, и развлечения вновь свелись к скоморохам, танцорам, дудочникам, а детворе снова пришлось ограничиваться глиняными игрушками, среди которых самыми популярными были неизменно любимые лошадки⁴⁴.

В царствование Ивана Грозного Российское государство делилось на уезды (территориально близкие к бывшим княжествам), а уезды — на волости. Во главе ставился наместник — в уезде и волостель — в волости. Должности эти давались, как правило, за прежнюю военную службу. Поэтому административные и судебные обязанности оказывались лишь обременительным довеском к получаемому наместническому «корму».

В XVI веке продолжала существовать Боярская дума, возникшая ранее на правах совещательного органа при великом князе. Кстати сказать, «Боярская дума» — это литературное наименование, утвердившееся в историографии; точно этот орган власти назывался «Дума» или «Бояре». Количество членов Думы (включая окольничих) не превышало 24 человек. В XVI веке в число думных бояр начинают включать и князей.

До середины XVI века существовало лишь два общегосударственных централизованных учреждения: Дворец — ведавший землями великокняжескими, и Казна (Казенный двор) — не только финансовый центр, но и государственная канцелярия. В середине века из Казны выделяются приказы — центральные органы: Поместный, ведавший земельными раздачами дворянам; Разрядный, обеспечивавший их жалованьем и ведший учет всех служилых людей, как бы структурировавший правящий класс; Разбойный, Посольский, Челобитный.

Важным этапом в истории России был первый Земский собор, созданный Иваном IV в Москве в феврале 1549 года. Он состоял из Боярской думы, Освященного собора, представителей различных слоев феодалов. Созыв Земского собора стал важным шагом в развитии России на пути сословно-представительной монархии. Сохранились данные о том, что соборы созывались в 1575, 1576, 1579, 1580, 1584 годах, однако регулярно действующим органом в XVI веке они так и не стали. Здесь уместно заметить, что выражение «земский собор» — это не самоназвание проводившихся собраний, оно впервые было употреблено славянофилом К. С. Аксаковым в 1850 году, а затем с легкой руки историка С. М. Соловьева укоренилось в научном языке. Официальное название соборов — «собор всея земли». В годы Смуты был и «совет всея земли».

На централизацию страны работал и новый Судебник, который принят в 1550 году. Он базировался на Судебнике 1497 года, но включал в себя более упорядоченные статьи о правилах перехода крестьян, ограничивал права наместников, ужесточал наказания за разбой, вводил статьи о наказании за взяточничество.

В поисках выхода из кризиса в 1581–1582 годах правительство вводит «заповедные годы», в течение которых крестьянам запрещалось переселение. А в самом конце XVI века крестьянам вообще было запрещено уходить от помещиков.

Собственниками земли при этом являлись преимущественно светские и церковные феодалы; их вотчины имели широкие податные и судебные льготы, закрепленные великокняжескими или княжескими грамотами.

Обострение внутривластической борьбы при первом русском царе, безусловно, мешало развитию страны; тем не менее в России развивались культура и просвещение, создавались школы. Богатые землевладельцы и горожане для обучения своих детей нанимали домашних учителей. Возникали училища, в которых готовили духовенство. Значительно увеличился спрос на книги.

История сохранила имена архиепископа Новгородского Геннадия, под руководством которого был осуществлен первый славянский перевод Библии, выдающегося переводчика и философа-гуманиста Максима Грека, видного богослова Зиновия Отенского и других.

В 1553 году царь Иван IV, нуждаясь в богослужебных книгах для многих строившихся церквей, воздвигаемых его усердием как в завоеванном Казанском ханстве, так и в других местах, повелел скупать рукописные книги на торжищах. Митрополит Макарий, узнав о таком благом начинании, сказал, что «эта мысль внушена царю самим Богом, что это — дар, свыше сходящий».

Ободряемый частью духовенства, царь приказал строить в Москве особый дом для помещения типографии. Но надо сказать, что государева типография не была первой в Москве. За несколько лет до ее пуска печатные книги уже изготовлялись в одной или нескольких частных мастерских столицы. Первая русская так называемая анонимная типография выпустила семь известных в настоящее время печатных книг.

В 1563 году в государственной типографии начали заниматься книгопечатанием два мастера: дьякон кремлевской церкви Иван Федоров сын (с переездом в Литву книгопечатник стал писаться с «вичем» — Федорович, а рядом, как правило, указывал профессию — «друкарь», то есть печатник, и прозвище — Москвитин) и Петр Тимофеев сын Мстиславец. В марте 1564 года они закончили печатание первой книги, которую сегодня для краткости именуют просто — «Апостол». Через год вышла вторая книга — «Часослов» — сборник молитв, по которому обучали детей грамоте.

«Апостол» состоит из 267 листов и по обычаю того времени отпечатан с разными украшениями. Книга набрана

шрифтом, воспроизводящим графику московского полууставного письма XV—XVI веков. Изданные таким образом книги ныне называются старопечатными, или кирилловскими, ибо они написаны кириллицей — одной из двух первых славянских азбук, которая позже легла в основу русского алфавита. Если все буквы прописывались четко и тщательно, то такой почерк назывался уставом. Если же написание было упрощенным (что позволяло писать быстрее), то это был полуустав. На Руси он появился в XIV веке. Еще проще было начертание букв в развившейся из полуустава скорописи.

На первых же порах книгопечатания немало пришлось бороться с предрассудками темных людей. Кроме того, в то время в Москве существовал обширный класс «доброписцев», занимавшихся перепиской книг. Книгопечатание отнимало у них работу и лишало доходов. Все это было причиной того, что типографщиков обвиняли в ереси и волшебстве, в связи с нечистой силой.

По одной из версий, именно это послужило причиной, по которой в 1566 году Федоров и его товарищ были изгнаны из Москвы. О прощании с родиной сам Федоров написал: «...сие убо нас от земля и от отечества от рода нашего изгна и в иные страны незнаемы пресели». Академик М. Н. Тихомиров объясняет увольнение Федорова от печатного дела тем, что он, принадлежа к белому духовенству и овдовев, не постригся, согласно действовавшим правилам, в монахи⁴⁵.

Вначале друзья обосновались в белорусском городке Заблудове, а через шесть лет, в конце 1572 — начале 1573 года, переселились во Львов, где «многи скорби и беды обретоша». На деньги рядовых ремесленников, «неславных в мире», то есть небогатых, Ивану Федорову удалось открыть типографию. Там он вновь издал «Апостол», и это издание было гораздо богаче московского. Федоров был не только издателем, но и редактором выпускаемых им книг.

Вторым львовским изданием в 1574 году стал «Букварь», или «Азбука». В его тексте есть обращение книгоиздателя ко всем ученикам: «приложи сердце твое к научению», «да внидет к научению сердце твое и уши к словесам разума». В по-

слесловии Федоров замечает, что «Букварь» «напечатан для пользы русского народа».

В начале 1575 года Иван Федоров переезжает в Острог, где на средства князя К. К. Острожского основывает типографию, последнюю в своей жизни. В 1578 году он издал «Азбуку» на двух языках — славянском и греческом. Выдающимся изданием стала монументальным Острожская Библия 1581 года.

Типография работала до 1581 года. Последним был напечатан весьма необычный для того времени календарь: к каждому месяцу там были напечатаны стихи белорусского поэта Андрея Рымина. После этого Иван Федоров переезжает опять во Львов, но из-за финансовых трудностей возобновить книгоиздательскую деятельность ему не удастся.

Умер Иван Федоров нищим, проведя последние годы жизни в крайней нужде. На его могильной плите сохранилась надпись со словами: «Друкарь книг пред тым не виданных».

Значение трудов Ивана Федорова состоит в том, что он положил начало историческому переходу от изготовления прекрасных, но единичных рукописных книг, предназначенных главным образом для храма, к производству книги, доступной для многих.

Процесс создания сильного централизованного государства, в ходе которого литература все больше подчинялась государственным интересам, определял стиль эпохи. Литература в XVI веке все больше отличается пышностью и торжественностью. Утрачиваются многие особенности развития местных культурных традиций, «не вместившиеся» в общий ее ход. Так, например, местное летописание сменилось единой великокняжеской летописью, исчезают целые иконописные школы, как это случилось, например, с тверской иконописью.

В XVI веке интерес к повествовательной, беллетристической литературе, характерный для второй половины XV века, значительно падает. Большое развитие получает публицистика. Важнейшие вопросы жизни общества становятся

предметом широкого обсуждения не только церковных, но и светских авторов.

В «Сказании о князьях владимирских» обосновывались важнейшие идеи официальной доктрины самодержавия, а сам род московских государей возводился от «Августа Кесаря». Вопрос о характере власти обсуждался и в полемике иосифлян и нестяжателей. И если Нил Сорский участия в полемике не принимал, то его ученик, бывший опальный князь Вассиан Патрикеев, уделял ей большое внимание.

Вопрос о власти и государстве занимал дипломата Федора Карпова и «бедного воинника» Ивана Пересветова, но уже как светских людей. Ф. Карпов в своих посланиях и И. Пересветов в своих произведениях, особенно в так называемых челобитных (написанных в 40-х — начале 50-х годов), обосновали необходимость сильной государственной власти, но построенной на принципах справедливости и права.

К числу любимых светских развлечений Ивана IV, как и предшествующих ему других государей, относились медвежья травля, соколиная и псовая охота. Еще великий князь Василий III устраивал грандиозные, с участием сотен людей выезды за пределы города, когда слуги выпускали заранее отловленных и спрятанных в мешках зайцев. Как это ни парадоксально, во времена Грозного зайцы стали предлогом потребовать с бояр разовый налог. Царь однажды обвинил их в том, что они вытравили и перебили всех зайцев, а потому взыскал с них 3000 рублей.

Любимым зрелищем народа были борьба и кулачные бои. Иван Грозный также не чурался этих развлечений. Сохранилось описание кулачных боев немецкого дипломата Сигизмунда Герберштейна, который посетил Москву в XVI столетии. Несмотря на борьбу церкви против такого рода «языческих игрищ», поддерживаемую временами правительством, народная традиция, которая имела в основе подготовку к бою, воспитание выносливости, тренировку в силе и ловкости, устояла и в XIX веке.

Повседневным развлечением были, вопреки мнению священников, шуты, которым дозволялось значительно больше, чем простым смертным; шуты платили духовен-

ству той же монетой и порой рисковали обращать свои грубые шутки против святых отцов. Каждый боярин имел своих собственных шутов, которые никогда его не покидали; известны случаи, когда шуты сопровождали бояр на житие в монастырь.

Взрослым праздники приносили разрешение на пиры и употребление вожделенных горячительных напитков. Так, на Николин день варили пиво. На этот счет даже существовала поговорка: «В Николин день во всяком доме пиво». Но должно быть, в Москве и в других больших городах задолго до этого перестали соблюдать (если когда-нибудь соблюдали...) ограничения на употребление пьянящих напитков семью главными церковными праздниками.

«Попы... в церквях бьются и дерутся промеж себя», — сетовал царь Иван Грозный на пьяных священников, задавая по этому поводу в 1551 году вопросы собранию высших иерархов Русской православной церкви — Освященному собору. Не спасало положения и всенародное бичевание пьяных священников, которые покорно сносили наказание, жалуясь лишь на то, что их «бьют рабы, а не боярин»⁴⁶.

Стоглавый собор, впрочем, вполне либерально отнесся к фряжским винам, которые свободно допускались даже в монастырях (да «во славу Божию испивают»). Разрешались и разнообразные меды и пиво, и уж тем более бесконечные виды кваса (старые и черствые, выкислые и сладкие, житные и сыченые, простые и медвенные). Эти сорта уже давно забылись, а ведь квас — чисто русское изобретение, наш национальный напиток. Простые люди им и питались: покрошат в него хлеб, получается тюрю (помните у Н. А. Некрасова: «Кушай тюрю, Саша, молока — то нет?»), покрошат овощей — окрошка. Русские варили квас каждый день и зимой, и обязательно летом — ведь он, как ничто другое, утоляет жажду. Известно, что Пушкин, когда бывал у своей няни Арины Родионовны, любил есть тюрю.

В холодное время года квас, правда, не выдерживал конкуренции с жарким, согревающим сбитнем. Сбитень на Руси стали варить в XVI веке, но популярным он стал в XVII—XIX веках. Варили его из меда с сахаром, и самое главное, с пряностями — кардамоном и корицей, а самые

состоятельные добавляли и другие, более дорогие, редкие восточные приправы.

Торговали сбитнем разносчики прямо на улице. Обычно они носили привязанный за спиной бидон с небольшой крышкой, чтобы из питья «дух не выходил».

В то же время употребление «горячего вина» на улице запрещалось. Для этого существовали многочисленные корчмы, куда стекались горожане; не останавливала и царская заповедь, чтобы «дети боярские и люди боярские... по корчмам не пили». Корчемство было настолько выгодным делом, что им охотно занимались и иностранцы, в опричнину корчму держал Генрих Штаден, а позднее, в 80-е годы XVI века, некий Ричард Вельф.

Около кабаков, как и у церквей и монастырей, толпились нищие. Судя по Стоглаву, Москва была буквально наводнена ими. Среди нищих имелись и собственные знаменитости. У Фроловских ворот в 1597 году просил милостыню некий Герасим Медведь, о котором упоминает даже один из летописцев. Жаль только, он не записал, чем прославился этот нищий — своей силой (не отсюда ли прозвище Медведь?), смелостью, которая позволила ему обосноваться у самого входа в Кремль, или своим несчастьем — он вполне мог получить такое прозвище, будучи помятым медведем либо на охоте, либо во время царской забавы. Впрочем, нищий нищему рознь. В 1602 году в Иосифо-Волоколамском монастыре постригся «с Москвы нищей Михайло, дал вкладу 12 рублей денег» — это была довольно большая сумма⁴⁷

Нищелюбие входило в официальные христианские добродетели. Обязательной раздачей милостыни нищим сопровождалась панихида и поминовения усопших. В первую половину своего правления образец в этом смысле подавал царь и великий князь Иван IV. Жалуя Симонову монастырю вклады с условием поминать своего брата Юрия дважды в год, Грозный вполне в соответствии с традицией оговаривал: «Да и нищих им на те два корма кормити, сколько нищих на какой корм прилучитца». В начале 80-х годов Грозный, по свидетельству папского легата Поссевино, ежедневно раздавал 200 беднякам по деньге и двум ковшам пива⁴⁸. Царю было у кого учиться милосердию и подлинной

доброте (вопрос в другом: учился ли он?). Ведь в его близкое окружение входил священник Благовещенского собора в Кремле Сильвестр, дававший приют «многим туточным сиротам и работным, и убогим», которых «он вскормил и вспоил до совершенного возраста», научил грамоте и ремеслу. «Из темниц и больных, и пленных, и должников из рабства, и во всякой нужде людей по силе своей выкупал я, и голодных как мог кормил, рабов своих освободил я и наделил их, а иных и из рабства выкупил и на свободу пустил я; и все те наши рабы свободны, богатыми домами живут, как ты видишь, молят Бога за нас и во всем нам содействуют», — писал он своему сыну Анфиму.

Стоглавый собор предложил устроить богадельные избы, где «здравые строи и бабы стряпчие» должны были ухаживать за немощными и больными. В Москве к 1600 году действовали три богадельни — убогих, или Божьих, дома. Один из таких домов располагался на Тверской улице и был предназначен для мирян, другой, напротив Пушечного двора, — для инокинь и третий, на Кулишках, — для нищих старцев.

Существует предание о том, что Иван Грозный часто обращался за советом к астрологам. Его личный астролог Алексей Памелий, в частности, создал план Москвы, ориентированный на звездное небо, которое, если следовать этому плану, как считал Памелий, будет своего рода покровителем Москвы. Тогда же была заложена кольцевая структура с двенадцатью расходящимися лучами дорогами (двенадцать — по числу знаков зодиака; как это ни покажется странным, но и кольцевая линия современного метро имеет также двенадцать станций).

Памелий предсказал Грозному, что тот умрет на троне, Иван Грозный тут же посадил на трон знаменитого «и. о. царя» Симеона Бекбулатовича ровно на тот период, когда, по предсказанию астролога, он должен был умереть. Впрочем, предсказания — как считается, верные — не помогли Памелию; он был казнен по приказу Ивана Грозного.

Последние два года жизни Иван IV тяжело болел. И вот, наконец, не выдержав ожидания, один из самых деятельных вельмож, смутяи и сумасброд Богдан Бельский отправил-

ся к астрологам с единственным вопросом — когда государь преставится? Звездочеты посмотрели на небо и назвали точную дату смерти — 18 марта. Бельский пригрозил, что если предсказание не исполнится, то он сожжет астрологов живьем.

Интересную сцену, произошедшую в последние дни жизни Ивана Грозного, описывает англичанин Джером Горсей, находившийся в то время в России в качестве представителя британской торговой компании. Горсею как-то довелось сопровождать царя во время одной из его экскурсий в собственную сокровищницу. Этому событию, кстати, посвящено большое живописное полотно русского художника А. Д. Литовченко «Иван Грозный показывает сокровища английскому послу Горсею» (1875). Иван никак не мог привыкнуть к мысли о том, что ему придется навсегда расстаться со своими несметными богатствами, и велел каждый день носить себя в сокровищницу, где проводил долгие часы, задумчиво перебирая камешки. В тот раз царь взял в руки бирюзу и, обращаясь к Горсею, сказал: «Видишь, как она побледнела? А что это значит? Это значит, что меня отравили!» И вероятно, чтобы придать своим словам еще больше убедительности, Иван решил провести нехитрый опыт. Он велел подать жезл из рога единорога (то есть из слоновой кости), которому приписывали магические и лечебные свойства. «Он приказал, — пишет Горсей, — своему лекарю... обвести на столе круг; пуская в этот круг пауков, он видел, как некоторые из них убегали, другие подыхали. “Слишком поздно, он не убережет теперь меня”»⁴⁹, — вздохнул государь.

Наконец наступило 18 марта, и... царю стало лучше. Бельский бросился к астрологам. Он описал бедным звездочетам в красках, что их ожидает, если предсказание не исполнится, и услышал в ответ: «Еще не вечер». Царь тем временем спокойно принял ванну и сел играть в шахматы с другим своим приближенным, боярином — Борисом Годуновым, как вдруг... почувствовал дурноту и уже через несколько минут бился в предсмертной агонии. Однако ему хватило времени на то, чтобы постричься перед смертью в монахи и сделать последние распоряжения. Царский венец получил сын Ивана Грозного — Федор. Однако власти отец ему

не дал, а поставил над ним совет из пяти знатнейших бояр для управления страной.

По поводу личности Ивана Грозного историки много спорят. В характере царя сочетались исключительная энергия и робость, безумная гордость и способность поступаться своим достоинством до низости.

Не терпя смелых высказываний, Иван Грозный никогда не позволял и грубой лести в свой адрес. Он проявлял относительную веротерпимость.

Иван IV обладал природным острым умом, блестящим красноречием и талантом писателя-публициста; у него были незаурядные голосовые данные. До нас дошли созданные Иваном IV гимнографические тексты — стихиры, свидетельствующие таланте их автора и о музыкальной культуре его времени.

В годы правления Ивана Грозного в самых разных краях страны возникали прекрасные храмы, соборы в истинно русском, в каком-то сказочном стиле. Надо отметить одну очень русскую особенность этих строений, и больших православных храмов, и маленьких церквушек, — их необычайную сочетаемость с природным окружением. Прежде всего мы наблюдаем это во всех древнерусских постройках соборного типа, где церковь — это группа связанных и объединенных отдельных строений.

Весьма ярко эта особенность проявилась в соборе Василия Блаженного (1554—1560; зодчие Постник и Барма), воздвигнутом в ознаменование победы над Казанским ханством. Согласно заданию Ивана Грозного, храм должен был состоять из восьми отдельных церквей, символизирующих дни решающих боев за Казань. Его строители творчески использовали задание, создав оригинальную и сложную композицию, в которой связаны традиции древнерусского народного зодчества и каменных церквей XVI века. Собор со столь сложной структурой, органично слитый с окружающей средой, с растущими поблизости деревьями, всегда поражал иностранных гостей. Недаром немецкий путешественник 40-х годов XIX века Блазиус, ошеломленный видом собора, метко сравнил его с «колоссальным растением».

Необычайный вид храма послужил поводом к созданию легенды, будто бы по окончании строительства Иван Грозный спросил зодчего, может ли он выстроить церковь еще лучше, и, получив утвердительный ответ, приказал его ослепить.

Надо сказать, что итальянские архитекторы, работавшие в те времена в Москве, с большим уважением относились к самобытному русскому зодчеству и сохранили его традиции. Вместе с тем они обогатили русскую архитектуру новыми художественными и инженерными приемами, ставшими основой обновления ее художественного языка. Памятники Московского Кремля, связанные с идеей единого русского государства, — яркий образец синтеза культур русского и итальянского народов.

Спустя полстолетия после возведения Китай-города в Москве кольцом укрепления стали обносить московский Большой посад. «Государев мастер» Федор Конь в 1583—1586 годах сложил их из белого плитняка, а потому и вся городская территория, оказавшаяся внутри, получила название Белый город. К сожалению, эти постройки не сохранились: в конце XVIII века сильно обветшавшие стены разобрали и на освободившемся от них пространстве разбили бульвары, образовавшие знаменитое Бульварное кольцо. Но сохранились названия — Покровские ворота, Яузские ворота, Никитские ворота, которые напоминают теперь о прежних проездных башнях Белого города.

Из крестьян и ремесленников в это время выдвигается много талантливых мастеров, строителей, изобретателей, литейщиков, ювелиров и других замечательных умельцев. Большую изобретательность проявили русские мастера в создании военной техники. Чего только стоит вызывавший изумление иностранцев знаменитый «гуляй-город»! Это была деревянная башня, поставленная на колеса или на полозья, способная передвигаться на большие расстояния. Внутри башни размещались стрельцы и даже пушки, и таким образом «гуляй-город» превращался в грозную силу; он мог и атаковать позиции неприятеля, и выдерживать длительную осаду. При необходимости деревянные щиты раздвигались, и скрытые в башне воины бросались на неприятеля.

На Московском пушечном дворе десятки искусных литейщиков отливали пушки, пищали, колокола. Там работал знаменитый русский мастер Андрей Чохов, создавший целую школу литейного мастерства. Самое замечательное творение Андрея Чохова — Царь-пушка стоит ныне в Московском Кремле.

Москва в эти годы по своим размерам превосходила Лондон, Прагу и многие другие города Европы. Тогда, как, в сущности, и теперь, город не имел границ как в прямом, так и в переносном смысле. И между прочим, это был по меркам Средневековья в некоторых смыслах благоустроенный город — в нем имелись деревянные мостовые и водостоки.

Начиная с XVI века (и это опять совпадает со временем правления Ивана Грозного) на Руси стали создавать парадные иконостасы высотой в пять и более рядов, богато украшенные позолоченной резьбой.

С этого времени иконы на Руси украшают драгоценными окладами. Они как бы отрывают иконы от обыденности и повседневности, возвышают над ней. Блеск золота прекрасно сочетается с яркими, чистыми красками иконописи.

Выдающееся произведение византийского искусства — икона «Богоматерь Владимирская» была написана в Константинополе в конце XI — начале XII века и в 1132 году привезена в Киев. В 1155 году князь Андрей Боголюбский вывез ее во Владимир. Ее поместили в Успенском соборе. Икону, считающуюся чудотворной, князь брал с собой в походы, а победы связывал с ее благословением. В 1395 году икону торжественно перенесли в Москву. «Богоматерь Владимирская» была настолько чтима, что для нее выполнили несколько драгоценных окладов — из золота, серебра, драгоценных камней. Наиболее ранний из них — золотой — датируется XIII веком.

В Москве Владимирская икона Божией Матери находилась в кремлевском Успенском соборе. Перед ней помазывались на царство наши цари и избирались первосвященниками Русской земли. Ныне по сложившейся практике эта икона, как и «Троица» Андрея Рублева, переносится из

Третьяковской галереи на время богослужений в храм Святителя Николая в Толмачах при Третьяковской галерее.

Великолепие церковного ритуала, величавые лики святых, ослепительный блеск золота и камней, драгоценные одежды священнослужителей... Войдя в храм, человек словно попадал в другой мир. Войны, междоусобицы, голод, беспросветный тяжелый труд, болезни и мор — все эти постоянные спутники людей отходили при виде церковных красот куда-то в сторону. «Если эти земные великолепия, — писал Порфирий, епископ Газский, христианский подвижник IV века, — имеют такую пышность, какой же должна быть пышность великолепий небесных, уготованных для праведников».

Золотые оклады делались не только для икон, но и для священных книг. Оклад Евангелия, преподнесенного в 1571 году царем Иваном IV Грозным Благовещенскому собору Московского Кремля, был одним из самых богатых. В нем сочетались разнообразные техники художественной обработки золота — чеканка, скань, чернь, эмаль, зернь — и множество драгоценных камней. Все эти детали составляют единый узор с отдельными крупными рельефными вкраплениями, среди которых выделяются пять золотых чеканных дробниц. На центральной изображена композиция «Сошествие во ад», а на четырех остальных — евангелисты.

Характерными чертами русского быта в XVI веке оставались консервативность и незначительные различия между бытом господствующего класса и «черных» людей — они были скорее количественными, чем качественными. Боярская усадьба имела большие размеры, разнообразными были хозяйственные постройки: кроме господского дома стояли «людские» избы, в которых жили холопы. Дворяне лучше ели и одевались, но этим их отличия от простолюдинов часто заканчивались.

Внутреннее убранство домов соответствовало социальному положению владельца. Обстановка городской бедноты поражала своей скудостью и неудобством для жизни. Избы не имели труб и топились по-черному; дым из печи выходил прямо в дом; лавка и стол составляли всю мебель; обязательна была икона в углу.

Незначительной была разница между городскими и сельскими жилищами. Город был комплексом усадеб, на улицы и переулки выходили не дома, а высокие глухие заборы. В каждой усадьбе были изба, хозяйственные постройки, небольшой огород с садом. Горожане, как и деревенские жители, держали домашний скот, а потому за городской чертой обязательно устраивались выгоны.

Шведский дипломат Петр Петрей де Ерлезунда, несколько раз побывавший на Руси в конце XVI и начале XVII веков, не заметил разницы между курной избой в городе и деревне: «Когда топятся эти избы, никому нельзя оставаться в них от дыма, все должны уходить оттуда до тех пор, пока не прогорит огонь, а тогда входят опять в избы, которые теплы и жарки, точно баня»⁵⁰.

Внутренность домов состоятельных горожан выглядела иначе. Изразцовые печи с изображением львов и орлов, в том числе двуглавых, сундуки с имуществом собственным (в том числе старой одеждой, которая бережно хранилась и передавалась по наследству) и чужой поклажей, отданной на сохранение на время очередного похода, киоты с иконами, одетыми в серебряные оклады, паюсные фонари вместо лучин, восковые и сальные свечи в шандалах, русская деревянная и немецкая оловянная посуда, иранские миски и сирийские кумганы...

Особо стоит сказать о стекле. Его в XVI веке привозили из-за рубежа. Это были, даже по общемировым стандартам того времени, действительно роскошные сосуды. Бокалы, привезенные, видимо, из мастерских Центральной Европы как подарки, находят в погребениях царей, цариц, высшего боярства — они становятся «модными» в качестве елейниц во второй половине XVI века. Широкую известность получил богемский кубок синего стекла из гробницы Ивана IV, но не менее хорош венецианский кубок с крышкой из саркофага царевича Ивана и бокал царицы Анастасии⁵¹.

Повседневная жизнь и быт русских регламентировались уже упоминавшимся «Домостроем»⁵² духовника Ивана Грозного — священника Сильвестра.

«Домострой» — говоря современным языком — домоводство. Это один из многих сборников «учительного» содер-

жания на Руси, предназначенный для домашнего чтения. Эта книга объединяет статьи не только духовного, но и бытового содержания: и «как Богу молиться», и «как обрезки беречь». В нем впервые на Руси идеал аскетический «примиряется» с идеалом житейским, а добытый трудом достаток и благополучие объявляются угодными Богу. «Домострой» указывает, в какие дни подавать лебедей, журавлей, петухов, перепечу (вид кулича); предлагает наставления к деланию меда, кваса и пива, к приготовлению каш и варений, дает список блюд и в то же время преподает господину дома назидание, как управлять женою, детьми и рабами, избегать греха и злых помыслов, угождать Богу, чтить царя, князей и вельмож, вести себя за столом, «сморгнуть или плюнуть, от людей заворотясь, да и потертю ногою». В «Домострое», как ни в каком другом печатном издании, отразились многие особенности быта людей того времени.

Сильвестр увещевает: «А старые слуги, которые не могут делати, и тех також кормити и одевати, за старую послугу их, ино от Бога мзда и души польза». «Да государю или государыне всегда дозирати и спрашивати слуг о всякой нуже, о естве, и о питии, и о одежи, и о всякой потребе, и о скудости и о недостатке, и о обиде, и о болезни, и о всех тех нуждах... А держати людей у себя по силе, как мощно бы их пищею и одеянием удоволити; а толко людей и себя держати не по силе и не по добытку, и не удоволить их ествою и питием и одеждою, или который слуга нерукоделен, собою не умеет промыслити, ино тем слугам мужику, и жонке и девке, у неволи плакав, красти, и лгати, и блясти; а мужикам разбивати и красти и в корчме пити и всякое зло чинити. И тому безумному государю и государыне от Бога грех, а от людей посмех, и не соседство со всяким». Поучения эти были актуальны, так как усадьбы тех дней были полны всякой челяди, дворовых людей, взятых от сохи или родившихся в доме боярина. Кормили этих людей плохо, жалованье им не платили. Многочисленность же таких дворовых людей свидетельствовала о степени богатства их владельца. Поездка в Кремль боярина совершалась в сопровождении множества всякой челяди.

Длинный ряд саней или телег, сотня лошадей, вершники впереди поезда, разгонявшие народ ударами кнута, свита из вооруженных дворян и позади поезда толпа дворовых, часто босоногих, но в богатых ливреях, наполняли криком улицы Белого города. Эти люди подчинялись без различия полов строжайшей дисциплине, подвергались всем жестоким или сладострастным капризам своего господина, наказывались, как древние рабы, самым жестоким образом; между тем как приписной поселянин был по преимуществу недвижимым имуществом, холоп составлял движимость, которую можно было продать семейством или поодиночке, не обращая внимания на то, что при этой продаже разлучали мужа с женой, родителей с детьми.

На отсутствие обуви у дворовых указано не случайно. Надо сказать, что вплоть до середины XIX века основной обувью русских крестьян были лапти. Их плели из лыка — луба молодой березы, липы или других лиственных деревьев, предварительно его замачивая. Не всякое лыко при этом можно было использовать. Отсюда «не всякое лыко в строку». За день мастер мог изготовить только одни лапти. Царь-реформатор Петр I, стремившийся все попробовать сам, решил доказать, что сделать это возможно быстрее, но дошел до пятки — самого сложного места — и бросил плетение, признав правоту мастера. В страду — жаркую пору уборки урожая — одних лаптей хватало только на неделю. В холодное время года лапти обшивали материей, и получались онучи.

Тут следует заметить, что лыко на Руси применялось весьма широко. Из лыка плелась не только основная обувь русских крестьян, но и коробки, туески, корзины. Каждый крестьянин должен был уметь если не плести, то хоть ремонтировать их. Сказать про человека, что он лыка не вяжет, значило, что он ничего не умеет. В значении «пьян до умопомрачения» (а значит, «не в состоянии что-либо делать») это выражение сохранилось до нашего времени.

Лапти, лычная обувь были верным признаком бедности, крестьянского происхождения. Вот почему «не лыком шит» означало, что человек не беден, а позже стало означать: не

такой уж он простака, себе на уме. Выражения «горе лыковое» или «горе, лыком подпоясанное» обозначали жалкую бедность.

С монгольским нашествием у нас появились валенки. Завоеватели готовились к зимним морозам и потому всех своих воинов одели в войлочную обувь. Вначале валенки сшивались из двух частей; причем нижняя напоминала глубокие галоши.

Русские поняли ценность такой обуви и научились валять цельные валенки из овечьей шерсти, которые уже не надо было сшивать. Позднее эти валенки-самовалки стали подшивать для бóльшей носкости толстой кожей. Они были гордостью семьи, их передавали по наследству. В больших семьях валенки были далеко не у всех. И ребятишки могли гулять в них зимой только по очереди. Начиная с давних времен валенки украшали вышивкой.

Обычай держать женщин взаперти возник на Руси задолго до татарского вторжения. Перенят он был от Византии, которая имела, как мы уже знаем, большое влияние на русские нравы; в Константинополе же как замужняя женщина, так и молодая девица должны были сидеть в гинекее (эта традиция шла еще из древних Афин), который в Москве превратился в терем.

На Руси, как в республиканском Риме, женщина не обладала самостоятельностью; таков был результат патриархальной организации семейства. Женщина жила под опекою отца, свекра, дяди, старшего брата, деда. Русские монархи перевели для своего употребления проповеди византийских иноков, в которых предписывалось женщине «повиноваться своему мужу, как раб повинуется господину», не допускать называть себя госпожою или хозяйкой, но почитать своего супруга как господина или владыку. Глава семейства имел право наказывать женщину, как своих детей или рабов.

При этом Сильвестр в своем «Домострое» рекомендует избегать слишком толстых палок или посохов с железными наконечниками для наказания женщины и призывает не унижать ее, колотя перед слугами, а прежде отвести в отдельную комнату и там, без гнева и насилия, постегать.

Ни одна женщина не отваживалась восставать против этого наказания, самая смелая покорно переносила побои от самого чахлого мужа. Сложилась даже русская поговорка: «Люблю тебя, как душу, трясусь, как грушу!» Герберштейн рассказывает, как одна москвитянка, выйдя замуж за иностранца, считала себя потому только нелюбимою, что муж не бил ее.

Дома, в своем тереме, русская женщина покрывалась фатой, на улицах ее охраняли от взоров занавески экипажей. Считалось оскорблением взглянуть на жену боярина, и приравнивалось к уголовному преступлению взгляд на лицо царицы. Постоянное пребывание «этого скудельного сосуда» дома казалось в такой степени необходимым, что женщине не всегда разрешалось ходить в церковь. Ее храмом был дом, где она должна была заниматься чтением молитв и назидательных книг, совершать коленопреклонения перед иконами, раздавать милостыню, быть окруженною нищими, иноками и монахинями.

Сильвестр также требует, чтобы женщина следила за порядком в доме, вставала раньше всех, будила слуг и служанок, назначала им урочную работу и сама трудилась, как крепкая жена, упоминаемая в Священном Писании.

Туалет русских борышень был очень сложен. «Они, — говорит Петрей, — чрезвычайно красивы и белы лицом, очень стройны, имеют небольшие груди, большие черные глаза, нежные руки и тонкие пальцы и безобразят себя часто тем, что не только лицо, но глаза, шею и руки красят разными красками, белую, красную, синюю и темною: черные ресницы делают белыми, белые опять черными или темными и проводят их так грубо и толсто, что всякий это заметит».

Сохранившийся обычай закрывать волосы у замужних женщин привел к появлению на Руси в огромном количестве разных украшений для головы, в том числе — прежде всего на Севере — кокошников. Высокие, богато расшитые узорами, напоминающими морозные следы на стекле, на солнце они искрились, как снег. Зимой в северных районах носили большие вязаные шерстяные платки. В южных областях предпочтение отдавали шапкам с узорами всех цветов радуги. Размером они были поменьше и у висков укра-

шались белыми пушкáми. Сверху накидывался нарядный платок.

Дородность была идеалом турецкой и татарской красоты, и русские женщины, перенимая этот обычай, употребляли все усилия, чтобы испортить свой стройный стан, и достигали этого посредством праздности и усердного питания.

Понятия о красоте у крестьян были иными. Наряд русской крестьянки не менялся на протяжении нескольких веков. Девушки и женщины носили рубахи, поверх нее сарафаны из льна — крашенины или из набивной ткани — пестряди. Это был самый дешевый домотканый холст. Поверх сарафана одевалась короткая душегрея, или, как ее еще называли, коротена. Иногда душегреи были на ватной подкладке. Те, что были побогаче, шили их из бархата. Их делали и с рукавами, тогда они назывались «душегаи» и их можно было носить как пальто. Для украшения использовались различные кружева, шитье, бусы и т. п. Детали наряда различались в зависимости от области, в которой жила его обладательница.

Интересно, что русские носили одежду с очень длинными рукавами: у мужчин они достигали чуть ли не метра, у женщин высших сословий были длиннее необходимого сантиметров на сорок. Естественно поэтому, чтобы что-то сделать, рукава надо было засучить, то есть подвернуть. Так возникла поговорка о людях, которые делают что-нибудь лениво, нехотя, медленно, — что они работают спустя рукава. О споре, умелом работнике, наоборот, говорят, что он работает, засучив рукава.

Одежда городских жителей, как и всего населения страны, была маркировкой их социального и имущественного положения. «Ино одеяние воину, ино одеяние тысящнику, ино пятьдесятнику, и ино одеяние купцу, и ино златарю, ино железному ковачу, и ино орарю, и ино просителю...» — гласит «Стоглав». Простые воины ходили в черных бараньих шубах. Земские носили белые шляпы (колпаки) с пестрыми завязками.

Храбреца, отличившегося на войне, легко было узнать по награде — золотой монете с изображением св. Георгия на коне, которую носили на рукавах или шляпах. Высшими

наградными были золотые монеты весом в 34 грамма, далее следовали кратные этому весу, а заключали систему золотые деньги и копейки. Для массовых наград иногда использовали позолоченные копейки и деньги.

Знатность бояр можно было легко установить по высоте их горлатных шапок, сделанных из горл черно-бурых лисиц, куниц или соболей. Чем знатней и сановней был вельможа, тем выше вздымалась над его головой шапка.

Простой народ не имел права (да и средств) на ношение роскошных шапок из дорогого меха. Отсюда и родились поговорки: «По Сеньке и шапка» или «По Ереме и колпак», то есть: каждому честь по заслугам.

Впрочем, встречались и нарушители принципа: по одежде «познавается койждо, кто есть коего чина»⁵³. Можно было увидеть причетницу, одетую по последней моде, и причетчика в воинском одеянии. Светские модницы ходили в торлопах (верхней женской одежде на меху), украшенных золотым, бисерным шитьем и драгоценными камнями. Сам же царь Иван IV в 1571 году нарядился в сермягу, чтобы доказать крымским послам свою неспособность платить новую дань в Крым⁵⁴.

К середине XVI века традиционные одеяния стали часто соседствовать с «платьем и одежей иноверных земель». Видно, москвичи в тафьях (тюбетейках) — этом, по определению Стоглава, «безбожного Махмеда предании», отнюдь не считали, что «чюже есть православным таковая носить», не расценивали это, как влияние «поганских обычаев». Распространение тюбетеек стало массовым. Если один из конфликтов митрополита Филиппа с царем проходил под предлогом того, что какой-то опричник вошел в церковь в тюбетейке, то в конце XVI века все бояре под горлатными шапками носили тюбетейки-тафьи. Дворяне же подражали туркам и в одежде, и в вооружении, как отметил наблюдательный англичанин Дж. Флетчер⁵⁵.

В это же время в быт все шире проникали иноземные ткани. Уже больного Василия III отирали «хлопчатой бумагой». Такие же изменения происходили и в отношении традиционной пищи москвичей. Иноземные блюда теснили традиционные щи и гречневую кашу, варившуюся с горохом,

а иногда и без него. Лакомством считалась немецкая сельдь, конкурировавшая с разными сортами белорыбицы.

В XVI веке возник обычай вершить суд с помощью жребия — каждый из участвующих в тяжбе клал в шапку восковой шарик, и выигрывал тот, чей шарик вынимали первым. С годами выражение «дело в шляпе» стало синонимом успешного завершения дела.

Перемены происходили в самых разных областях русской жизни, но один вопрос — вопрос бороды — решался с неизменным результатом. Даже уже упоминавшееся бритье в 1526 году бороды Василием III не поколебало устоев; это был эпизод, никоим образом не повлиявший на общее положение дел. Мужчины с тридцати лет отращивали себе бороды по византийскому образцу — длинные бороды, как и длинные одежды, были, казалось, незыблемой традицией; брить себе бороду — как делали то западные народы — было, по уверению Ивана Грозного, таким грехом, которого не могла смыть кровь всех мучеников. Ведь это значило обезобразивать лицо, созданное по образу Божию.

Длина бороды, если судить по миниатюрам XVI века, являлась показателем не только возраста, но и социального положения. Именно поэтому на Руси борода издревле пользовалась особым почетом. Особенно гордились своей бородой бояре. За туалетом мужчины из родовитых семей проводили времени не меньше своих жен: бороду расчесывали, заплетали в косички, украшали лентами и всевозможными «подвесками». Потерять бороду было большой обидой и позором.

Борода ценилась выше человеческого здоровья. Еще «Русская правда» гласила, что за увечье человека накладывался штраф в три гривны, а за лишение его бороды — двенадцать гривен!

На страже бороды стояла и церковь. Русская церковь с конца XV — начала XVI века, неправомерно ссылаясь на 11-е правило Трулльского собора 691–692 годов (в 11-м правиле, запрещавшем сношения с иудеями, нет ни слова о бородах), крайне непримиримо относилась к мужчинам, брившим бороду: «Над бритой бородой не отпевать, ни

сорокоустия по нем не пети... с неверным да причтется, от еретик бо сего навывоша». В 1552 году во время последнего похода на Казань митрополит Макарий давал наставление воинству остерегаться неблагочестивого поведения, а именно «бороды брить или обсекать или усы подстригати». Зато раз в год принято было «обсекать» волосы со лба, как это видно на парсуне Ивана IV из собрания Национального музея Дании (Копенгаген)⁵⁶.

Стоглавый собор еще в 1551 году постановил, что всех бреющих бороду следует проклинать и отлучать от церкви. Правда, это правило действовало не для всех. Кое-кто из высшей знати конца XVI века, поддаваясь западным влияниям, бороду все-таки брил — тон задал Борис Годунов, фактический правитель Русского государства с 1587 года, а с 1598 года — русский царь.

Наряду со сторонниками иностранной моды существовали и другие. Это были «молодые строи, которые волосаты ходят по миру... се есть не Бога ради скитаются — свою волю деют, а мир соблажняют»⁵⁷. Хранители православного предания и жесткого единообразия жизни и быта выступали и против приверженцев подобного поведения.

Накладывала свою печать на лица и светская власть, причем не в переносном, а в прямом смысле. Вора, пойманного на том же преступлении во второй раз, наказывали клеймением на лбу и вырыванием нозрей. Клеймили раскаленным железом, оставляя неизгладимые уродливые знаки. Таким образом, у этих несчастных на самом деле на лбу было написано их горькое прошлое (отсюда: «у него на лбу все написано»).

Влияние византийского монашества было довольно сильным на Руси, оно сказывалось даже в постепенном формировании негативного отношения к самым невинным забавам: были запрещены карточная игра и даже шахматы, песни в честь древних героев в России осуждались как дьявольские песнопения, церковники пытались воспретить (и порой это удавалось) охоту и танцы. «Или ловы творит, с собаками и угожья творит и скоморохи и их доля, плясание и сопели, песни бесовские любя; и зрению, и шахматы, и тавлей... прямо, все вкупе, будут во аде, а зде прокляты».

При сравнении, скажем, с польским обществом Россия казалась обширным монастырем. Но например, употреблению алкоголя это почти не мешало: с изобретением водки пьянство стало национальным пороком. «Даже у вельмож, — говорит Забелин, — пир тогда только бывал весел, когда все напивались. Гости были не веселы — значит: не пьяны. Еще и теперь быть навеселе — значит быть пьяным»⁵⁸.

В Москве многие из «алкогольных» фамилий произошли от прозвищ, полученных во время службы в Сытном дворце (название происходит от «сыты» — популярного в те времена напитка — меда, разведенного водой). В XVI—XVII веках эта хозяйственная служба Московского Кремля снабжала напитками царский стол, многочисленную придворную свиту, послов и гостей. По словам того же Забелина, это было большое, сложное и хорошо отлаженное хозяйство. В ведении Сытного дворца находились палаты для отпуска водок, вин и других напитков, изба винного хранения, где было установлено несколько десятков перегонных кубов, клюшная изба, в которой по заказу готовили различные водочные настойки, поварня для приготовления приказного пива, то есть сделанного по заказу (приказу). Продукция хранилась в погребах, один из которых предназначался специально для хранения заморских (фряжских) вин. Сытному дворцу подчинялись также кладовые, где хранились пряности, соленья, варенья и прочая закуска.

А вот еще о чем пишет Забелин: «Хлебосольество, известное одним нашим русским, отличалось у нас более всего в частных домах, где вольность в обращении, соединенная с равенством, ничем не обижала честолюбия». Отсюда и поговорки: «Все на стол мечи, что есть в печи», «Хлеб-соль — дар Божий», «Не принять хлеба — прогневать Бога».

Русские по-особому, свято, относились к хлебу. Об этом существует много пословиц, которые можно было бы объединить одной: «Хлеб — всему голова». Без хлеба русский человек вообще ничего не ел. Известно, например, что москвит испокон веков мог запросто умять со щами за один присест до двух русских фунтов (почти 900 граммов) ржаного «кислого» хлеба. В Смутное время пришлые поляки отмечали эту необычайную любовь русских к хлебу и спо-

способность съедать его в немыслимых, по их мнению, количествах.

Садился ли кто за стол или вставал из-за стола, непременно осенял свое чело крестным знаменiem. После обычного обеда, как свидетельствует И. Забелин, все гости ложились отдыхать. Спали все: от царей до чернорабочих. Простая чернь отдыхала на улицах. Не спать или, по крайней мере, не отдыхать после обеда считалось грехом, как и всякое отступление от обычаев предков.

Русские поговорки и присказки очень метко подмечают ту или иную особенность прежнего быта. Например, попался, «как кур во щи». Оказывается, в древних кулинарных руководствах, в том числе «Росписи царским кушаньям» 1610 года, мы найдем такое блюдо, как куря во штях. «Куроварение» со щами прежде в России было весьма распространено. Чаще всего «куря» оказывалась петухом. Причина здесь чисто экономическая: петухи из домашних животных были самыми «бесполезными» — в отличие от кур, которые снабжали дом яйцами.

Праздники на Руси сопровождались не только пирами. На нескольких церковных праздниках совершался крестный ход, как, например, на Крещение, когда патриарх освящал воду Москвы-реки. Этот обряд назывался «Иорданью». В Вербное воскресенье в церемонии обязательно участвовал царь. Он вел под уздцы по Красной площади лошадь, на которой сидел патриарх, — это был символ «шествия на осляти», входа Господня в Иерусалим. Свой ритуал был у празднования на Красной площади Нового года (1 сентября) и праздника Покрова (1 октября). Все это происходило при огромном стечении народа. Москвичей привлекали и другого рода зрелища: представления скоморохов с музыкой, песнями, танцами, фокусами и импровизированным кукольным театром. И это при том, что православная церковь, как уже упоминалось, отрицательно относилась к скоморошеству; по ее требованию, официальные власти время от времени сурово преследовали скоморохов⁵⁹

Можно восстановить некоторые из традиционных «позоров» — представлений скоморохов, которые «со всеми

играми бесовскими рышут». Запрет Стоглава «неподобных одеяний и песней плясцов и скомрахов и всякого козлогласования и баснословия их» дает представление о разнообразных жанрах искусств скоморохов: здесь и пляски, и пение, и басни. Представление сопровождалось показом дрессированных животных, в первую очередь медведей, содержать которых Стоглав тоже запрещал, обрушиваясь на «кормящих и хранящих медведи или иная некая животная на глумление и на прелщение простейших человек». Одно из его постановлений предусматривало отлучение от церкви «мирских человек христиан», «аще кто из них играет или плясание творит или шпилманит, рекше глумы деет, и на видение человеки собирает и ловитвам прилежит».

Однако в каждой городской толпе зевак, собравшихся вокруг скоморохов, можно было увидеть и священников, готовых «глумиться мирскими кощунами», хотя «всякие игры и глумы, и позорища» не только священникам, но и всем причетникам «отречено есть»⁶⁰. Тем не менее именно скоморохи и глумцы возглавляли свадебный поезд в церковь, священник с крестом лишь следовал за ними. Они же — «глумотворцы, арганники, смехотворцы, гусельники» — были главными артистами на «мирских свадьбах», где к их «бесовским» — по определению церкви, а по сути, народным — песням прислушивались и жених с невестой, и многочисленные гости, и священник.

Русские любили баню. Обычай мыться не только доставлял удовольствие; он был тесно связан с религиозными правилами⁶¹. Водой бани снабжались из специально вырытых колодцев с журавлями.

Арабский путешественник Ибн Русте описывает странные обычаи страны «ар рус» так: «Когда же камни раскалятся в огне до высшей степени, их обливают водой, от чего распространяется пар, нагревающий воздух до того, что они снимают даже одежду...»

В Москве бани любили не меньше, чем в Киевской Руси. «Если москвит не попарится в субботу, — заметил один иностранец, — ему становится стыдно и совестно».

Установить, где именно стояла самая первая московская баня, не легче, чем показать место, где построили первую московскую избу, — баня была в каждом подворье. Ко времени Ивана Грозного казна стала строить крупные торговые (общественные) бани, которые отдавали частным лицам на откуп.

Общественные бани имели два отделения — мужское и женское. Но при этом один банный обычай вызывал недоумение, а то и серьезное негодование у иноземных гостей. «Напарившись, совсем нагие и мужчины и женщины, потеряв всякий стыд, выбегают к речке, погружаются в нее, радуются и хохочут», — писал австриец Меерн в XVII веке.

Однако при относительно пристальном внимании к личной гигиене на Руси питали больше доверия к рецептам знахарей, чем к врачам. Медицинская практика была сопряжена с неслыханными затруднениями и с величайшей опасностью. Если врач не вылечивал больного, то его наказывали, как злого волшебника. В царствование Ивана III один из врачей, родом еврей, был казнен на площади за то, что допустил смерть царевича. Положение врачей несколько улучшилось лишь к концу XVI века, хотя и в это время жилось и работалось им непросто: можно ли было правильно диагностировать, когда, скажем, пользуя знатную женщину, медик не мог видеть ее лица и должен был проверять пульс сквозь кисею? Впрочем, во врачах многие (и не только простой люд) видели особый род колдунов, для которых кисея, конечно же, не могла быть преградой.

Вера в колдовство и всякого рода чернокнижие вообще была очень сильна. Соответственно верили в гороскопы, гадание, таинственную силу известных трав или заклинаний, в возможность вредить врагу, выкрадывая его следы, верили в заговоры, в любовные зелья, в привидения, вампиров, оборотней, которые играют столь ужасную роль в русских сказках. Даже просвещенные люди не были чужды этой слабости; Борис Годунов, бывший человеком образованным, требовал от своих служителей клятвы в том, что «не будут прибегать к колдунам, колдуньям или иным средствам, могущим вредить царю, царице или их детям, волховать над их следами или над следами их экипажей».

Распределение рабочих и нерабочих дней должно было соответствовать святоотеческим преданиям. В соответствии с составленным в IX веке византийским патриархом Фотием и принятым Русской церковью в качестве руководства к действию сборником церковных правил «Номоканон XIV титулов» жизнь в столице, равно как и во всей стране, в субботу и в воскресенье должна была замирать — «в субботу и в неделю на молитву упражняться и праздновати». Одно из постановлений Стоглавого собора предписывало за организацию «позоров» в воскресенье лишать виновного прав «и имение его разграбити»⁶².

В праздниках своих русские следовали решениям VI Вселенского собора — и соответственно все праздники имели церковный характер. С XV века отмечался еще один праздник — «царский», в основе которого было «воспоминание дня рождения его или рождение сына или дочери его или некое от таковых». Но праздновались «царские» дни не столь торжественно, как церковные.

В Страстную и Светлую недели запрещалось производить суд, взыскивать «людской долг». На Пасху запрещалось заключать кого-либо в темницы и связывать. Исключение, также по VI собору, составляли «прелюбодей и блудник, и восхищая девицу, и гробный тать, и отравник, и куя втайне переперы, сиречь с подмеси (то есть фальшивомонетчик; переперы — русская транслитерация наименования византийской монеты. — *Т. Г.*), и убийца, и мучитель». В эти же две недели нельзя было заниматься какой-либо деятельностью: «...да не делают люди, но да празднуют вси раби и свободный»; «работати и продати» можно было только «в пекленицах, идеже пекутся хлебы». Кстати, хлеба уже тогда Москва выпекала 26 сортов из ржаной муки и 30 из пшеничной. При этом было разделение пекарей на хлебников, калачников, пирожников, пряничников, блинников и ситников.

Что же касается работы в праздники, то практика часто расходилась с незыблемыми на первый взгляд правилами, которые устанавливала церковь. Герберштейн в 1517 году наблюдал, как в большой праздник — Успенев день — продолжались работы в кремлевском рву, и даже интересо-

вался, сколько платят за это. А папский легат А. Поссевино в 1581 году отметил, что простой люд прекращает работу лишь на Благовещение⁶³.

На царский же праздник отменялись все общественные мероприятия, которые Стоглав именует «позорами», то есть зрелищами, будь то конные соревнования или казни⁶⁴.

Наряду с церковными праздниками по-прежнему отмечались языческие. Это и понятно. В быту москвичей, как и других русских людей того времени, оставалось очень много признаков двоеверия. Рядовые горожане пользовались в обиходе в основном языческими именами, лишь в редких случаях упоминая свое «молитвенное» имя⁶⁵. Среди же языческих праздников первое место занимала Радунница. Вторник или суббота Фоминой недели (первой пасхальной) были посвящены почитанию рода. К началу марта, с которого некогда начинался новый год, и к началу каждого месяца были приурочены волхвования. «Труд (трут) полагают в древо, и то древо иже имать в обоих концах труд, концы полагают во два древа, и той огонь вжизают во вратах или пред враты домов своих, или пред торговищи своими сюду и сюду. И тако сквозе огонь проходяще с женами своими и с чады своими по древнему обычаю, волхвующее...» Волхвования категорически запрещались Стоглавым собором.

Многие христианские праздники по-прежнему сочетались с давними языческими традициями. О москвичах в Стоглаве сказано: «В первый понедельник Петровского поста в рощи ходят и в Наливки бесовские потехи деяти». Между прочим, в московских рощах, излюбленных местах гуляния, были установлены колеса, подобные нынешним «чертовым» (не такие большие, конечно), качели и карусели. От тех рощ остался топоним Марьиная роща, а от Наливок, где был казенный каба́к, — Спасо-Наливкинский переулок между Якиманкой и Полянкой.

Светским праздником был Новый год, который приходился на день Семиона Столпника, то есть 1 сентября. Прощание с летом и встреча зимы происходили на Соборной площади Кремля, где воздвигался помост для митрополита и великого князя, которые поздравляли и благословляли горожан⁶⁶.

С праздниками, с застольем связано появление у русских понятия братчины. В незапамятные времена за столом использовали большую деревянную чашу — братину, передавая ее по кругу всем участникам застолья. На чаше были надписи поучительного характера: как пить, как следует при этом вести себя. Например: «Не винно вино, винно пьянство». Позже братину стали делать из меди, она стала полуведерной чашей. В ней разносили пиво на всю братию и разливали по чашкам и стаканам.

Отсюда и пошла братчина, или складчина, — праздники с общим столом. Они были популярны у крестьян на Масленицу, на Кузьминки (первые дни ноября), в михайловщину, николаевщину, 6 сентября и 6 декабря, — это все языческие праздники. Обруселая мордва и другие чудские народы тоже любили братчины: в эти дни в огромных чанах, поставленных за селом, в овраге близ воды, варили за общий счет пиво, стряпали яичницу, гуляли, плясали и пили.

Интересно, что были не только общие или чисто мужские братчины, но и чисто женские. На Кузьму и Демьяна, 14 июля, успевали не только справиться с огородом, накосить, выполнить всю домашнюю работу, но и отметить свой праздник — летние Кузьминки. Это был чисто женский праздник с хождением в гости, обязательной растительной пищей, которую готовили и собирали вскладчину, с пивом, разговорами и песнями.

Чаша-братина со временем забылась, а сам чисто русский принцип — устраивать праздники вскладчину прошел через века нашей истории и бытует у нас и сейчас. Не умерло и братание, свойственное русским людям в годы испытаний, когда прощают все обиды и единятся душой.

Рядом с собором Василия Блаженного на Красной площади расположено Лобное место, возведенное в 1534 году, — это была трибуна средневековой Москвы. В старину с него читались указы (это делали специальные глашатаи, которых на Руси называли «бирючи»), обращались к народу цари и патриархи. Рядом с Лобным местом производились казни.

Сама же Красная площадь была местом оживленной торговли, которая не прекращалась даже во время Великого по-

ста, хотя пост и накладывал определенные ограничения на торговлю мясом, солониной, птицей, дичью, рыбой, молоком, коровьим маслом и книгами светского содержания, которые, как видим, приравнивались к скромной пище, считалось не только незаконным, но и стыдным. Общественное мнение в этом вопросе полностью совпадала с официальной точкой зрения, что бывало далеко не всегда. Тех, кто пытался торговать в пост пирогами с мясом, выдавая их за постные, отлавливали и сначала нещадно лупили всем миром, а потом еще и сдавали на «государев правож».

Рождественский пост был менее строгим и торговли не касался, иначе московский мясной рынок рухнул бы в одночасье — скотину забивали и продавали с октября по декабрь. Венецианец Амбросио Контарини описывает такую картину торговли в Рождественский пост: «Когда река Москва покрывается крепким льдом, купцы ставят на этот лед лавки и, устроив таким образом целый рынок, прекращают почти совсем торговлю свою в городе. Любо смотреть на это огромное количество мерзлой скотины, совершенно уже ободранной и стоящей на льду на задних ногах!»

Но торговали на Москве, разумеется, не только в пост и не только мясом. Вся торговля была строго регламентирована. Для крупных оптовиков отводились гостиные дворы, для розницы и мелкого опта — специализированные рынки, где торговали «всяким ремеслом отдельно». В рядах специализация тоже соблюдалась строго. Например, в «обжорных» рядах убоиной (свежим мясом) торговали на скамьях, готовой едой и полуфабрикатами (солониной, копчениями) — в шалашах, рыбой и овощами — на столах.

Особым спросом пользовалась деревянная посуда. Она широко использовалась в быту, преимущественно простым людом, и поэтому производилась в больших количествах. Тысячи кустарей били баклуши, то есть кололи чурбачки липового дерева на заготовки для мастера-ложкаря. Работа эта считалась пустячной, ее выполнял обычно подмастерье. Потому она и стала образцом не дела, а безделья — бить баклуши. Конечно, все познается в сравнении, и бить баклуши казалось легким лишь в сравнении с крестьянским трудом.

Ограничивая проведение светских зрелищ, в особенности при участии скоморохов, церковь заботилась об организации собственных действ, вовлекая в них городское население.

Большая роль в этом отводилась церковной музыке. При каждом храме существовала собственная станица — так именовалась капелла из четырех-пяти человек. Певчих же официально часто именовали «дьяками», чему не надо удивляться — они были на положении государственных служащих, и в качестве содержания им полагались хлеб, овес, соль, мясо, сукно или взамен деньгами 48 алтын, а в праздники еще что-то сверх этого⁶⁷

Самой большой станицей была митрополичья, которая по количеству «певчих дьяков» конкурировала со станицами великокняжеской и царской. При дворе существовало одновременно четыре — шесть станиц. Известно имя самого знаменитого «распевника» — это крестьянин Иван Нос⁶⁸. Традиция царской станицы восходила ко временам Василия III, который очень любил пение.

Наряду с церковной и народной музыкой в Москве звучала и военная музыка, исполняемая на барабанах, трубах, дудках. Военные музыканты участвовали в разного рода торжественных церемониях. В конце XVI века Москва познакомилась с иностранными музыкальными инструментами. Джером Горсей привез в подарок Борису Годунову разновидность клавирина — вёрджинал, богато отделанный золотом и финифтью. Зеваки толпились у годуновского дворца, из окон которого неслись неслыханные прежде звуки. А в Смуту вместе с Лжедмитрием I до Москвы добрались «польские хоры», численностью до ста человек, исполнявшие польские народные песни.

Такова была древняя Россия, открытая и описанная европейскими путешественниками XVI—XVII веков — австрийцами Герберштейном, Мейербергом, Кобенцелем, англичанами Ченслером, Дженкинсом и Флетчером, шведом Петреем, венецианцами Контарини и Марко Фоскарини, римским купцом Барберини и т. д.

Сохраняя городские традиции и нравы прошлых лет, XVI век принес много перемен. «Своя воля» в стиле одежды и прически, более свободное заимствование иностранных обычаев отличают горожан этого столетия. Вместе с тем, несмотря на давление церкви, упорно насаждавшей свой «благочестивый» образ жизни, горожане сохранили верность народным песням и яркому слову, меткой сатире и остроумию скоморохов. Сплав всех этих разноречивых тенденций, влияний и традиций создал неповторимый стиль жизни XVI столетия.

В это столетие возник один очень важный праздник — это день 25 июня (8 июля по новому стилю), который считается днем любви и семейного счастья. В его основе лежит реальная история любви муромского князя Петра и его жены Февронии. Огромной популярностью пользовалась рукописная повесть XVI века (известно более 150 ее списков), рассказывающая о Петре и Февронии, их верности друг другу, выдержавшей многие трудности и козни окружающих. Даже умерли они в один и тот же час в один из апрельских дней 1228 года. С тех пор Петр и Феврония стали символом верной, сильной, красивой любви. В 1547 году они были канонизированы Православной церковью.

Подводя в некотором роде итог рассмотрению особенностей повседневной культуры XVI века, можно на примере Москвы выделить несколько различных социально-культурных слоев горожан со свойственными в основном только им особенностями. Простонародье, по-прежнему преданное язычеству или сочетавшее в своих представлениях и быту языческие и христианские традиции, составляло нижний и наиболее многочисленный слой населения. Более образованная часть общества, грамотная в силу профессионального положения, — боярство и дворянство — включала относительно немного людей, однако именно она аккумулировала культурные достижения нации. Наконец, культурную верхушку общества составляло духовенство, традиционно сосредоточившее в своих руках книжное знание.

Характерной чертой культурной жизни Москвы XVI века было странное, но гармоническое сочетание, во-первых,

иностранных воздействий, легко усваивавшихся и в области архитектуры, и в области живописи, и в языке, во-вторых, глубинного языческого строя мышления, и, наконец, в-третьих, христианства, порой доведенного до абсурда. Именно во второй половине XVI века в Москве появилось столько религиозных фанатиков, столько кликуш и юродивых, сколько ее история не знала в другие эпохи. Так отреагировал город на террор опричнины...

Иван Грозный принес стране немало несчастья, но при этом он остался в истории как первый русский царь; именно при нем были созваны первые Земские соборы, был составлен Судебник, реформированы управление и суды, приобретены значительные территории.

В XVI веке Россия перешла от феодальной раздробленности к централизованной феодальной монархии.

В XIV—XVI веках сложилась культура великорусской народности, закрепившая соответствующий этнический процесс.

Именно с XVI века начинается история культуры России, русского народа в собственном смысле слова.

18 марта 1584 года царь Иван IV скончался и царем был провозглашен его сын Федор Иоаннович (1584—1598).

Слава Богу на небе,
Слава!
На земле государю великому
Слава!
А ему б, государю, не стариться!
Слава!
Цветну платью не изнашиваться!
Слава! —

поют на царствие нового государя, начинается четырнадцатилетнее правление «тихомирного», слабого здоровьем сына Ивана Грозного Федора Иоанновича — последнего представителя на престоле династии Рюриковичей.

При нем был создан совет, самыми видными участниками которого были бояре Борис Годунов и Богдан Бельский,

причем Годунов, шурин царя (Федор был женат на его сестре), по сути, стал во главе государства.

Последний из Рюриковичей Федор Иоаннович запомнился многим современникам тем, что был большой любитель залезать на звонницу и баловаться колоколами.

А еще он очень любил награждать своих приближенных и славен был поистине царской щедростью: отличившиеся получали парадные боевые доспехи (стоимость которых могла равняться целому имению), меха, дорогое сукно, драгоценные кубки, ковши, братины. Борис Годунов получил в 1591 году за организацию отпора крымским татарам шубу с царского плеча с золотыми пуговицами; она стоила баснословную по тем временам сумму — «тысячу рублѣв». За эти деньги можно было купить почти семь с половиной сотен лошадей — целый табун! — или вдвое больше коров.

С именем царя Федора связано печальное событие в жизни русского крестьянства. Как уже говорилось, крестьяне имели право на отмечавшийся 26 ноября по старому стилю Юрьев день, завершавший годовой цикл сельскохозяйственных работ, переходить от одного землевладельца к другому. Перейти можно было за неделю до Юрьева дня и в течение недели после него. Этим пользовались крупные землевладельцы, переманивая к себе крестьян; при этом страдало мелкое дворянство. Во имя интересов государства и военного дворянства Федор своим указом от 9 декабря 1590 года запретил крестьянам впредь переходить с земель одного собственника на земли другого.

Теперь Юрьев день стал несчастным днем для крестьянина. Отсюда и пошла поговорка «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!» — о несбывшейся надежде и большом обмане. Крестьяне проклинали этот указ, многие пытались бежать.

На Руси беглые крепостные люди стремились навстречу разгульного воздуха «украин» (окраина, отсюда: Украина — «украина» России), где в низовьях Дона, Волги и Яика складывался особенный уклад жизни — казачество. Чем строже становилось законодательство по отношению к крестьянам, тем быстрее населялись казачьи станицы.

После смерти царя Федора трон занял Борис Годунов (1598—1605), бывший в свое время конюшим боярином и царским слугой. Он стал первым русским царем, избранным сословно-представительным органом — Земским собором. Современники говорили, ему было присуще «злое сластолюбие власти», но отмечали его «праведное и крепкое правление».

При Борисе Годунове в 1589 году было учреждено русское патриаршество. Годунов, тогда еще великий боярин, воспользовался приездом в Москву константинопольского патриарха Иеремии и убедил его учредить патриаршество на Руси. На церковном соборе первым московским патриархом был провозглашен митрополит Московский Иов.

Учреждение патриаршества делало Русскую православную церковь, де-факто уже независимую, юридически независимой от Константинополя. При этом, поскольку Византия, когда-то давшая Руси христианскую веру, была покорена турками, Москва стала центром православия — так воплощалась в жизнь теория старца Филофея. Поддержка со стороны церкви государственной власти после этого еще более возросла.

Надо отметить довольно высокий уровень грамотности в стране в конце XVI века. Среди русских крестьян грамоту знал каждый шестой, среди посадских людей, то есть горожан, — каждый пятый. В Москве уровень грамотности был еще выше — практически каждый третий посадский умел читать и писать.

Но на Руси, в отличие от Западной Европы, еще не было университетов. Борис Годунов хотел восполнить этот пробел — идея создать университет возникла у него в 1601 году, но на ее пути встал патриарх Иов, столь многим обязанный Годунову. Патриарх заявил, что западной заразы нам не нужно, поскольку «нельзя вверять воспитание юношества католикам и иноземцам».

Тем не менее семилетнее правление Бориса Годунова, безусловно, отмечено движением к просвещению. Царь был окружен учеными, художниками. Именно Борис Годунов заложил традицию посылать русскую молодежь изучать европейские науку и искусства за границу. Он развернул

широкое строительство в Москве; при нем была надстроена и стала самым высоким зданием в городе колокольня Ивана Великого. Площадь в Кремле, на которой она стоит, была названа в ее честь Ивановской. Это было чрезвычайно оживленное место, у зданий многочисленных приказов здесь всегда толпился народ. На Ивановской площади дьяки оглашали указы и распоряжения. Чтобы всем было хорошо слышно, дьяк читал очень громко. Отсюда и пошла известная поговорка — «кричать во всю Ивановскую».

При Борисе Годунове была предпринята первая попытка осветить улицы Москвы. Это было осенью 1602 года, в канун свадьбы его дочери красавицы Ксении с датским принцем Иоанном Шлезвиг-Гольштейнским. Впрочем, свадьба не состоялась, поскольку жених заболел и в несколько дней умер.

В историю Ксения Годунова вошла как первая русская поэтесса. Ей приписываются несколько «плачей», хотя точно установить их авторство не представляется возможным.

Никто, конечно, не мог даже предположить, какая трагическая судьба ждет эту женщину. Один за другим срывались по разным причинам планы царя Бориса выдать дочь замуж; в числе претендентов на ее руку были шведский принц, австрийский эрцгерцог, грузинский царевич, император Священной Римской империи Рудольф II... Но все время что-то мешало, а потом настало Смутное время, и воцарившийся в Кремле самозванец Лжедмитрий I сделал царевну своей наложницей. Закончила свои дни Ксения Годунова в монастыре.

Все реформы Годунова происходили на фоне потрясений, которые переживала Россия из-за природных аномалий. Из письменных источников мы знаем, что 28 июля 1601 года по Москве ездили на санях! В царствование Бориса Годунова три года подряд повторялись летние — июльские и августовские — заморозки, отчего были чудовищные неурожай. Это была настоящая катастрофа. Люди в городах и деревнях умирали от голода тысячами. Повсюду разбойничали шайки, в которые сбивались те, кто отчаялся найти себе пропитание законным путем. Неудивительно, что Российское государство не выдержало таких потрясений и время Году-

нова вошло в историю как «несчастное правление». Так исполнилось пророчество народной молвы, приписавшей Борису Годунову страшный грех — убийство последнего сына Иоанна Грозного, малолетнего царевича Дмитрия.

В стране началась Смута. Из-за этого стажеры, посланные Годуновым в Англию, не смогли вернуться назад. Один из них, Никифор Алферов, окончил Кембридж и стал ректором престижного колледжа Вуллей в Хантингтоне; в истории британского образования он известен как Nekefor Alfegy.

После появления еще при Иване Грозном дешевой и крепкой сивухи Москва, по свидетельству иностранцев, за какие-нибудь тридцать — сорок лет наполнилась теми, кого Алексей Толстой называл «кабацкой теребенью». Началась эпидемия разбоев, грабежей и ночных краж со взломом — именно эти преступления были в XVI веке самыми популярными. Но Иван Грозный со свойственной ему жестокостью сумел навести порядок — при нем разбойники нечасто осмеливались выходить на промысел.

В Смутное время, однако, разгул грабежей и разбоев вспыхнул с новой силой. Теперь на смену «кабацкой теребени», грабившей ради полштофа казенного алкоголя, пришли самые настоящие профессиональные разбойники. Голштинский дипломат Адам Олеарий писал, что в среднем за ночь только в районе Китай-города убивали по 25 человек: «Горожане же настолько напуганы разбойниками, что, слыша ночью крики людей, не только не спешат к ним на помощь, но даже боятся подходить к окнам».

Часто за московскими разбойниками стояла боярская знать. Иные облеченные властью лица держали на своих дворах специальные «команды» холопов, которых вооружали и выпускали по ночам на грабеж. А чтобы разбойники были злее и не останавливались перед решительными мерами, хозяева их щедро поили. Особенно опасной считалась Дмитровка — там орудовали отряды пьяных грабителей боярина Родиона Стрешнева и князей Голицына и Татева, потрошившие всех прохожих подряд. Но по злобе и жестокости всех перекрывали люди князя Ромодановского, рискнувшие даже убить старосту Серебряного ряда. Дело было

громкое, «оборотень в боярской шапке» Ромодановский их прикрыть не смог, и разбойники, повисев на дыбе, повинились в убийстве еще тридцати человек. Их хозяин, однако, остался как бы и ни при чем...

Чтобы хоть как-то обезопасить себя от ночных гостей, московские торговцы нанимали сторожей, которые обходили дворы с деревянными колотушками. Однако, по словам курляндца Рейтенфельса, «те сторожили не столько для хозяев, сколько для воров, помогая последним проникать в лавки и дворы, деля с ними добычу и убегая».

Настоящим притоном, или, на тогдашнем разбойничьем языке, «дуваном», считался Большой Каменный мост. По легенде грабители этих мест были людьми с фантазией — ночью они передвигались на ходулях, для скорости и страха.

В поздние времена эпицентр воровской Москвы оказался на «вольном месте» — между домами статского советника Свинына и генерал-майора Хитрово. Усадьбу последнего приобрел некий инженер Ромейко, но, увидев, в каком состоянии находятся строения, ужаснулся и превратил их в дешевые ночлежки. С тех пор на ближайшие семьдесят лет Хитровка стала пугалом всей Москвы. Воспетая Гиляровским, Хитровка наконец-то дала москвичам весь спектр воровских профессий — от ширмачей (карманников) до медвежатников (спецы по взлому сейфов). Были здесь и огольцы, налетающие на палатки среди бела дня, и поездошники, снимающие с экипажей саквояжи и чемоданы. Но круче всех считалась шайка грабителей, носивших прозвание «Волки Сухого оврага» — эти ребята ходили на самые серьезные дела и были вооружены фомками, кастетами и даже огнестрельным оружием. Известен был на весь город и трактирщик Илья Скалкин, знаменитый тем, что опаивал и обирал богатых своих посетителей. Но такого рода известность ему мало мешала: он так и остался безнаказанным, поскольку раздавал взятки направо и налево — коррупция процветала в Москве всегда.

Но вернемся к Смутному времени, отсчет которого ведется со дня скоропостижной смерти Бориса Годунова в апреле 1605 года. Москва присягнула его сыну Федору — чело-

веку весьма образованному, вошедшему в русскую историю еще и тем, что в бытность царевичем он руководил составлением одной из первых собственно русских карт России. Но долго править Федору Годунову не пришлось — через полтора месяца он был свергнут с престола и вместе с матерью Марией Григорьевной и сестрой Ксенией помещен в боярский дом Годуновых в Кремле. 10 июня 1605 года Федор и Мария Годуновы были убиты.

Тем временем из Польши пришло известие, что царевич Дмитрий якобы чудом спасся и теперь идет с польскими рыцарями и донскими казаками на Москву, чтобы вернуть себе отцовский престол. Заняв трон, самозванец не сумел на нем удержаться. Толпа его растерзала, тело его, брошенное на Красной площади, три дня подвергалось надругательствам и в конце концов было сожжено; пепел зарядили в пушку и выстрелили в сторону Польши, откуда явился Лжедмитрий.

Не успел разлететься пепел от трупя первого самозванца, как явился второй, так называемый «Тушинский вор». Он привел под Москву польских рыцарей и донских казаков, ищущих легкой добычи. Забегая вперед, скажем, что и к новому Лжедмитрию судьба была немилосердна: он был убит своим соратником, крещеным татарским мурзой Петром Урусовым.

Время великих несчастий и бед стало и временем проявления великой силы духа русский народа. Не по принуждению церковных властей, а по велению сердца осенью 1611 года большое число русских свершили пост. В течение трех дней, чтобы очиститься перед предстоящими деяниями, люди не принимали пищи.

Русская церковь в эти годы сумела проявить свои лучшие качества. В народной памяти неизгладим самоотверженный подвиг иноков Троице-Сергиевой лавры, более года выдерживавших осаду. По всей России расходились грамоты патриарха Гермогена (1606—1612) с призывом твердо стоять за Отечество.

Когда поляки вошли в Москву, патриарх Гермоген стал узником, но и в заточении в своих грамотах, рассылаемых

по всей России, он призывал русских людей «крепко стоять за веру, унимать грабеж, сохранять братство и спасать Москву». Полякам же отвечал: «...Я благословлю всех стоять против вас и помереть за Православную веру». 17 февраля 1612 года несдавшийся патриарх умер голодной смертью. Его патриотические призывы и мученическая кончина не были напрасны: весь народ поднялся на борьбу за свободу Родины.

Купец, торговец скотом Кузьма Минин-Сухорукий призвал своих сограждан-новгородцев помочь Москве и России. Стольник и воевода, князь Дмитрий Михайлович Пожарский, откликнулся на зов Минина и народа и возглавил ополчение, которое направилось к Москве. Недаром на памятнике, установленном в Москве на Красной площади, написано: «Гражданину Минину и князю Пожарскому — благодарная Россия, в лето 1818 года». Это первый памятник в нашей стране, поставленный на собранные народом деньги.

22 октября 1612 года ополченцы и казаки выбили поляков из Китай-города. Но в Кремле после этого противник держался еще месяц. И лишь доведенные голодом до крайности, поляки вступили в переговоры. 27 ноября они сдались, и в этот день у Лобного места архимандрит Дионисий отслужил молебен⁶⁹

Вполне вероятно, что молился архимандрит перед самой чтимой на Руси иконой Владимирской Богоматери; ведь известно, что эта икона находилась в войсках, освобождавших в 1612 году Москву от польско-литовских захватчиков. Кроме того, достоверно известно, что князя Пожарского встречали у Кремля, на Лобном месте, именно с иконой Владимирской Богоматери⁷⁰.

Согласно православным источникам, с русскими воинами был и список с Казанской иконы Божией Матери, принадлежавший Пожарскому.

Из двух дней памяти Казанской иконы Божией Матери — 21 июля и 4 ноября — сейчас больше говорят о 4 ноября как о дне конца Смуты. Но к концу смуты в действительности эта дата не имеет никакого отношения. По мнению одних историков, Смута завершилась с избранием на пре-

стол Михаила Романова (правил в 1613—1645 годах), то есть в 1613 году. По мнению других, и того позже — в 1618 году, на который приходится заключение мира с Польшей и окончание иностранной интервенции. 4 ноября больше знаменито другим — об этом дне в народе говорили: «На Казанскую до обеда не зима, а после обеда не осень», то есть он знаменовал перемену сезонов, времен года.

Избрание в цари шестнадцатилетнего Михаила Федоровича Романова имело колоссальное значение для успокоения государства. Это произошло в январе 1613 года на Земском соборе, в котором участвовало почти семьсот представителей от дворянства, бояр, духовенства и стрельцов со всех концов Русского государства.

Рассказывают, что поляки, узнав об избрании Михаила Романова, послали отряд в надежде схватить его, но местный крестьянин Иван Сусанин завел поляков в лесную чащу, где пал под ударами их сабель. Благодаря его подвигу новый царь и его мать, инокиня Марфа, успели спастись, найдя убежище в костромском Ипатьевском монастыре.

В отличие от другого сословно-представительного учреждения — Боярской думы — Земский собор не был постоянным органом и созывался от случая к случаю, когда у властей возникала необходимость опереться на мнение всех сословий. Собор заседал в Кремле, в него входили церковные иерархи во главе с патриархом, Боярская дума, выборные представители столичного и городского дворянства, а также выборные от привилегированных купеческих корпораций (гостей, гостиной и суконной сотен), черных сотен и слобод Москвы и посадских людей из других городов.

Важнейшее влияние на решения Земского собора оказало казачество; поэтому Михаила Романова его недоброжелатели, случалось, величали «казачьим царем», как бы намекая, что его выдвинули низы общества. Вряд ли это мнение имело под собой основу: отец Михаила, митрополит Филарет, происходил из старинной боярской семьи; в свое время он был насильно пострижен в монахи Борисом Годуновым, а теперь был избран патриархом.

Можно сказать, что Филарет (годы на патриаршем престоле — 1619—1633) был советником и в значительной сте-

пени соправителем царя Михаила. В 1625 году он учредил особый Патриарший приказ, строго упорядочивший церковные дела. Филарет много сделал для русского просвещения: он основал при Чудовом монастыре греко-латинское училище, значительно расширил деятельность московской типографии.

До нас дошел рассказ о сватовстве Михаила Федоровича. Это была уже не первая его попытка обрести семейное счастье. Женильбу на боярышне Марии Хлоповой расстроила мать царя. Брак же с княжной Марией Владимировной Долгорукой продлился недолго: через несколько дней после свадьбы молодая царица заболела и через пять месяцев умерла. Таким образом, тридцатилетний Михаил Романов остался бездетным вдовцом. Для новых смотрин из разных городов свезли шестьдесят претенденток. Невесты явились во дворец со своими девушками-служанками. Согласно легенде, царь решил выбирать невесту, когда все они уснут прямо во дворце. И вышло, что выбрал он себе служанку и, не отступив от своего слова, женился на ней. Это была дочь Лукьяна Степановича Стрешнева — обедневшего дворянина, попавшая в услужение по причине великой нужды семьи.

После свадьбы Михаил Романов послал дорогие подарки своему тестю, но Лукьян Степанович не изменил образ жизни, проводимой в простоте и в труде. На иконе в своем доме, где была только лавка и стол, на оборотной стороне он написал: «Лукьян, помни, кем ты был».

Это был очень счастливый брак. Они прожили вместе, не расставаясь ни на один день, двадцать лет. У них родилось десять детей, причем шесть умерло во младенчестве; выжили три царевны — Ирина, Анна и Татьяна — и сын, наследник трона, царевич Алексей. Спустя многие годы Ирина вместе с племянником своим Федором Алексеевичем крестила другого своего племянника, сына брата Алексея, — царевича Петра — будущего Петра I.

После Смутного времени и серии русско-польских войн в Москве оказалось много поляков. Кто-то из них имел статус военнопленных, но просто происходил из пограничных

городков, сел и местечек. По условиям Андрусовского перемирия 1667 года все они имели право вернуться в Польшу, но многим жизнь в «варварской Москве» показалась привлекательнее, чем в «просвещенной Европе», и они решили остаться. Для их свободного поселения выделили специальное место: «...за Сретенскими воротами Земляного города выгонную городскую, а также полевою землю, взятую у соседних Напрудной и Троицкой слобод».

Новую слободу окончательно учредили в 1670 году и назвали Мещанской, от польского «mieszczanin», то есть «горожанин», «местный». Мещане слились с русскими посадскими и, так уж вышло, дали им свое название. С течением времени городской условно-средний класс стал называться именно мещанами. Этот термин даже по звучанию удачно вписался в русские названия социальных слоев — дворяне, крестьяне, мещане... Главная улица бывшей Мещанской слободы сейчас называется проспектом Мира. Сохранилась и Мещанская улица — она идет параллельно проспекту Мира и вливается в Садовое кольцо.

XVI—XVII века в Европе — это время, когда уже проявились непосредственные результаты Ренессанса и Реформации, время, не случайно называемое историками «Новым». Пало повсеместное политическое и идеологическое господство Католической церкви. Протестантская индивидуалистическая трудовая этика стимулировала дух свободного предпринимательства — основную движущую силу капитализма. Освобожденный от догматической опеки разум, свободно исследуя закономерности природы, готовил теоретический фундамент для промышленной революции конца XVIII — начала XIX века.

В Москве же мы наблюдаем бережное ревниво-пристрастное отношение к «старине»; все новое здесь в это время порой воспринимается как свидетельство наступления последних времен и царства Антихриста. Оплотом такого мировоззрения была Православная церковь, твердо стоявшая за то, чтобы привить принятый ею взгляд о вреде любых изменений и благочинную мораль «Домостроя» всему окружающему миру. Несмотря на это, в царствование Ми-

хаила Романова продолжило усиливаться западное влияние, начавшееся еще при Годунове.

Выписывается (в 1639 году) ученый голштинiec Адам Олеарий, который «в грамоте гораздо научен и навычен астраломии и географус, и небесного бегу и землемерию и иным многим подобным мастерствам и мудростям, а нам великому государю (то есть Михаилу Федоровичу) таков мастер годен». Несколько позже в Чудовом монастыре заводится греко-латинское училище; открываются школы при Спасском монастыре и Ртищевская при Андреевском монастыре (1649).

По указу Михаила Федоровича придворные одеваются в короткие кафтаны вместо охабней, начинается бритье бороды с оставлением усов по польскому образцу, хотя патриарх и восстает против этого «еретического безобразия».

В 1628 году царь Михаил Федорович издал указ, запрещающий «безлепицы», то есть народные гулянья и скоморошество (хотя пьянство по-прежнему поддерживалось существованием «царевых» кабаков). Царский запрет подкрепил патриарх Филарет, который ввел наказание кнутом за молодецкие утехи — борьбу или кулачные бои. Однако московских потешников не так просто было остановить и тем более запугать. Вопреки указам они продолжали веселить народ. В 1631 году Михаил Федорович, будто бы забыв про свое предыдущее запрещение, приказал перевести беспокойных соседей за реку Пресню. Обосновались они в районе Трех гор. Тогда эта местность получила название Новое Ваганьково. Столетие спустя этот район реки Пресни начал превращаться в промышленный. Его главное предприятие, основанное в 1799 году, стало называться «Трехгорная мануфактура». Оно существует и поныне.

Надо сказать, что русские купцы и первые промышленники были вовсе не в восторге от приобщения к западной культуре. Но сопротивление их имело не религиозные или национальные, а экономические причины. В иностранцах они видели конкурентов и просили власти воспретить им доступ внутрь страны, дабы сохранить там для себя монополию торговли.

С другой стороны, были такие области жизни и хозяйства, где без иностранцев никак нельзя было обойтись, и московские цари, преодолевая возникающее по разным поводам недовольство местных жителей, старались привлечь их в Россию, и прежде всего в Москву, всеми средствами. Поэтому в царствование Михаила Федоровича в Москве было гораздо больше иностранцев, чем когда-либо прежде.

Национальный состав московских жителей отличался чрезвычайной пестротой. Помимо русских здесь проживали представители практически всех народов, населявших Российское царство. Можно было также встретить персов, турок, индийцев, купцов и их приказчиков из едва ли не всех стран Западной Европы. В городе жили нанятые на русскую службу офицеры, инженеры, врачи и аптекари, представители различных ремесленных специальностей — тоже в основном выходцы из западноевропейских государств. Иностранные наблюдатели подметили, что в Москве почти не было иудеев и проживало сравнительно немного католиков, тогда как протестантов было много.

Причина здесь чисто религиозная — к протестантам русские власти традиционно относились более терпимо. Как, впрочем, и протестанты к православным (в отличие от католиков). Протестантские церкви действовали в Немецкой слободе, где жили обычно иностранцы-европейцы, которых всех скопом на Руси называли немцами (то есть «немыми», поскольку они не говорили по-русски) с самого начала ее существования. В то же время первая католическая церковь была построена в Немецкой слободе лишь в 90-х годах XVII века уже в правление Петра I¹.

В Смутное время Немецкая слобода сгорела дотла, что не помешало, как только народное брожение успокоилось, новому наплыву иностранцев в Москву. При царе Михаиле Федоровиче выходцы из Европы селились в основном на улице Покровке и в прилегавших к ней переулках. К середине XVII века в Москве насчитывалось до 400 «немецких» дворов.

Главным противником проживания иноземцев в городе являлась Православная церковь. Патриарх и высшие церковные иерархи требовали убрать из черты горо-

да протестантские кирхи. Церковники считали кощунством существование в городе еще каких-либо храмов, кроме православных. Случаи некорректного отношения к религиозным чувствам русских работников со стороны европейцев-хозяев (не отпускали на церковную службу, не уважали православных постов и т. д.) получали широкую огласку и порой преувеличивались народной молвой. В итоге церковь добилась запрета на наем иностранцами православных в работники, на постройку ими дворов в Китай-городе и Белом городе и даже... на ношение ими русского платья.

Кроме того, с подачи патриарха Никона иностранцам запрещалось носить русскую одежду — видимо, чтобы облегчить наблюдение за не всегда желательными гостями. Запрет был суров, о чем свидетельствуют и сами иностранцы. Как пишет Олеарий в своем «Описании путешествия в Московию», «когда встречают немца, одетого по-русски, тащат в приказ и там наказывают кнутом».

При царе Алексее Михайловиче в 1652 году иностранцам был отведен специальный участок земли на месте старой Немецкой слободы, сгоревшей в 1611 году. Так возникла Новая Немецкая слобода на Яузе за Покровскими воротами Земляного города (в народе ее называли Кукуй или Кокуй), где с раннего детства будущий царь Петр впитывал в себя и их западную культуру. Всем европейцам было приказано переселиться сюда за счет казны. Население Новой Немецкой слободы составляли англичане, шотландцы, нидерландцы, немцы, выходцы из других стран Западной Европы. В слободе были построены три протестантские кирхи. По переписи слободы в 1665 году в ней числилось 206 дворов. Подавляющее большинство дворовладельцев было офицерами-наемниками, служившими в царских войсках. Кроме них в Новой Немецкой слободе жили приглашенные русскими властями специалисты в различных областях нарождающейся промышленности; было также много ремесленников.

В 1649 году, когда жители Туманного Альбиона учинили «злое дело — государя своего Карлуса до смерти убили», англичан выселили из Москвы. При этом иноземцам другого происхождения также досталось: велено было в пределах

Земляного города «дворов и дворцовых мест у русских людей немцам и немкам вдовым не покупать и в заклад не иметь... А буде кто русские люди учнут немцам дворовые места продавать: и им за то от государя быти в опале». Но достатка земле русской от таких крутых мер не прибавилось — хирела торговля. Пришлось царю-батюшке сменить гнев на милость и посулами да дорогими подарками привечать иноземцев вновь.

Иностранцы устраивались и вели торговые и иные дела не только в Москве, но и в других русских городах. Этому способствовали привилегии, которые торговцы и промышленники из-за рубежа получали как по национальной принадлежности, так и в индивидуальном порядке. Голландец Винниус в 1637 году основал в Туле завод для отливки пушек, ядер и других изделий из железа. Немец Марселейн основал такие же заводы на Волге, Костроме и Шексне. Непременным условием было то, чтобы они не скрывали от русских ни одного из секретов своего производства. То же делал и французский король Генрих IV, призывавший промышленников из Фландрии, Англии, Венеции.

Как бы то ни было, уже в первой половине XVII века в России зарождается отечественное мануфактурное предпринимательство. В Туле и Кашире, где и прежде существовала мелкая металлургия, возникает несколько металлургических и железоделательных заводов, основанных русскими купцами и предприимчивыми боярами. Но количество мануфактур было невелико, и о промышленности, как таковой, в это время говорить, конечно, не приходится. Поэтому многое приходилось завозить из-за рубежа.

Впрочем, один привозной европейский товар не был допущен в Россию, а именно — табак: нюхавшим его отрезали носы, или, как тогда говорили: рвали ноздри и били кнутом.

Интересно, что в это же самое время во Франции, при Людовике XIII и всесильном кардинале Ришелье, в 1616 году, в Париже происходили прямо противоположные события, по сути рекламирующие табак и курение: там с успехом шел балет «Табак», исполнители которого танцевали с трубками во рту и курили. Так стал пропагандироваться табак во Франции, а затем и в других западноевропейских странах,

хотя прежде там, как и в России, курение считалось делом далеким от христианских ценностей.

В России, как мы знаем, табак сначала внедрялся в быт чуть ли не силой, а затем вошел в моду при Петре I.

Собранная Москвой Великорусская земля удивляла заезжих европейцев разреженностью населения, почти полностью деревенского и занятого земледелием. С конца XIV века колонизация диколесных территорий от Подмосковья двигалась все дальше на север, вплоть до Белого моря. Происходило это методом переложного земледелия: как правило, расчищалось место под новую пашню и возле него закладывалось поселение — починок. Историк, профессор Казанского университета А. П. Шапов отмечал: «До XVI, даже XVII столетия повсюду видим починковый характер культуры, видим энергическую работу русского народа в лесах девственных и непроходимых с топором, косой и сохой». С расчищенной и удобренной золой почвы снимали несколько хороших урожаев, а затем оставляли участок в залежь, переходя на новое место (с возможным возвратом к прежнему через восемь — пятнадцать лет).

Инициаторами пахотного освоения Великой Русской равнины были православные монастыри, увлекавшие за собой общины земледельцев-«новоприходцев». Распашка лесных просторов сопровождалась не только возникновением починок и деревень, но и расширением земельных владений монастырей.

В это же время при Михаиле Романове началось заселение Сибири. Туда посылали казаков, переселяли целые деревни. Сохранился даже указ Михаила Федоровича о том, чтобы отправить на Урал и в Сибирь девушек в жены — к уже перебравшимся туда переселенцам.

Исчерпание возможностей переложного земледелия привело к переходу к оседлому трехполью, что, в свою очередь, повлекло рост числа зависимых поселян — «хрестьян монастырских». Ко времени объединения Великой Руси вокруг Москвы слово «крестьянин» стало означать селянина — земледельца вообще, обязанного, как правило, отрабатывать на полях монастыря или вельможи-боярина (кре-

постной крестьянин) либо уплачивать подати великому князю (черносошный крестьянин). Московское самодержавие сложилось почти одновременно с тремя централизованными монархиями Запада — английской, французской и испанской. Однако «государя всея Руси» в борьбе со своеволием удельной знати не имели той опоры, которую дали западному абсолютизму города с сильным средним сословием, ремесленными цехами и купеческими гильдиями⁷². Особые, во многом отличные от западных, условия московской централизации сделали ее более жесткой.

Дабы держать на своей стороне «государевых служилых людей по отечеству» — дворян и детей боярских, — власть раздавала им поместья («испомещения»). Родовитые бояре, владельцы наследственных вотчин, также стали служить государю «конны, людны и оружны». Низший круг служилого сословия, оформленного в сложную иерархию чинов, составили «приборные» — стрельцы, пушкар, ямщики. В органах центрального управления — приказах начальствовали дьяки; канцелярская служба, подобно ратной и придворной, вознаграждалась поместьями с закрепощенными крестьянами.

Чтобы стянуть нити внутренней и внешней торговли к столице, в нее, как мы уже знаем, принудительно «сводили» купцов-гостей из покоренных городов. По описи 1695 года, в Китай-городе существовало 72 торговых ряда, в том числе только рядов, где можно было купить материю, было до двадцати. Имелись ряды рукавичный, чулочный, башмачный, пушной, иконный, посудный и т. п.

Усложнение городской жизни, рост государственного аппарата, развитие международных связей предъявляли новые требования к образованию. Уровень грамотности в XVII веке значительно вырос. Почти поголовно умели читать и считать купцы, грамоту знали 65 процентов помещиков; 40 процентов — посадских людей; 15 процентов — крестьян; в то же время всего один процент стрельцов и казаков мог прочитать и написать свое имя⁷³.

Элементарную грамоту большинство усваивало в семье. В XVII веке в Москве стали возникать школы, где обучались

грамоте и счету дети (такие школы, например, действовали в Барашской и Мещанской слободах). Обучение вели «мастера», то есть учителя из грамотных людей (священники, дьяконы, приказные подьячие и т.д.), а иногда и «мастерицы». Взаимоотношения учителя и ученика были аналогичны взаимоотношениям мастера-ремесленника какой-либо специальности и его подмастерья. Возраст учеников варьировался от семи до шестнадцати лет. Обучение начинали с азбуки.

В 1634 году был издан букварь подьячего Василия Бурцева, который неоднократно переиздавался на Московском печатном дворе. Стоил он одну копейку и был доступен для широких слоев населения. В конце XVII века был напечатан прекрасно иллюстрированный букварь монаха Кариона Истомина. Пособием для обучения навыкам счета стала изданная в 1682 году таблица умножения. В рукописях ходили специальные руководства по арифметике. Словом, если книга еще не стала обычной в быту москвича, то все же неуклонно росло число ее пользователей и почитателей.

В городах многие обыватели считали необходимым учить своих детей грамоте, что не было характерно для предыдущего века. Но стоило обучение недешево. Поэтому учиться могли далеко не все желающие. Сыновья небогатых родителей (девочек учить вообще считалось ненужным) доступ к наукам получали лишь при наличии каких-либо особых способностей — да и то если очень повезет.

Одним из основных методов педагогики, как и в XV веке, признавалось телесное наказание («розга», «сокрушение ребер», «жезл»). Весьма в этом смысле показательно сочинение по педагогике «Гражданство обычаев детских»⁷⁴ — свод правил, определявший все стороны жизни детей: поведение в школе, за столом и при встрече с людьми; одежду и даже выражение лица.

В 1678 году в Москве был переиздан «Синописис» Иннокентия Гизеля (первое издание вышло ранее в Киеве), где излагалась история Русского государства с древности до 70-х годов XVII века.

Из естественных наук наиболее заметны в России медицина и астрономия. В Москве действовал Аптекарский приказ,

в подчинении которого находилась царская аптека. Штат этих учреждений состоял из врачей и аптекарей, в основном приезжавших из европейских стран. Наряду с достижениями европейской медицины и фармакологии, во врачебной практике широко использовались и традиционные знания. Так, составлялись специальные сборники — «Травники», содержавшие описания различных трав и их лечебных свойств. «Травники» имели значение и как пособия по ботанике.

В XVII веке в ряде напечатанных в России переводных изданий была представлена гелиоцентрическая теория Коперника. Достаточно распространенными были визуальные астрономические наблюдения при помощи различных подзорных труб. В частности, этими инструментами располагала царская Мастерская палата.

Происходило дальнейшее развитие технических знаний и усовершенствование различных образцов техники. Основным промышленным двигателем являлось верхнебойное водяное колесо.

Дьяками Разрядного приказа в 1627 году была составлена «Книга к Большому чертежу», содержащая перечень городов с указанием расстояний между ними и дававшая краткие географические и этнографические сведения о народах и территории России. Эта книга являлась приложением к собственно «Большому чертежу», или карте России, составленной на рубеже XVI—XVII веков. В Разрядном приказе также постоянно шла работа по составлению малых чертежей — карт различных частей государства.

В 1687 году патриархом Макарием в Донском монастыре Москвы было открыто первое в России высшее учебное заведение — Славяно-греко-латинская академия для свободных людей «всякого чина, сана и возраста» для подготовки высшего духовенства и чиновников государственной службы. Произошло это при Софье Алексеевне, правительнице Русского государства во время малолетства ее братьев — избранных вместе на царство Иване V и Петре I. Главой русского правительства в это время был князь Василий Васильевич Голицын, человек всесторонне образованный, знавший несколько иностранных языков. Именно он сыг-

рал в создании академии одну из важнейших ролей. Более того, Голицыным были приглашены греческие преподаватели и выписаны специально книги.

Состав учеников был неоднородным, здесь учились представители разных сословий (от сыновей конюха и кабального человека до родственников патриарха и князей древнейших российских родов) и национальностей (русские, украинцы, белорусы, крещеные татары, молдаване, грузины, греки). В академии изучали древние языки (греческий и латинский), богословие, геометрию, астрономию, грамматику и другие предметы. Разумеется, на одном из первых мест была «счетная мудрость» — так тогда называли арифметику. Кстати, в быту в XVII веке почти повсеместно употреблялась не «цифирь» (индоарабские цифры, не совсем точно именуемые арабскими), а средневековая буквенная нумерация.

Академия сыграла большую роль в развитии просвещения в конце XVII и первой половине XVIII века. Из нее в царствование Петра I вышел математик Магницкий, позже — Ломоносов и историк Бантыш-Каменский, в царствование Екатерины II там учился будущий митрополит Московский и историк Платон. Впоследствии академия была перенесена в Свято-Троицкую Сергиеву лавру.

Голицын вновь разрешил дворянам посылать детей на учение за границу, приветливо относился к иностранцам, ратовал за свободное общение с ними. В Москве князь жил в великолепном дворце, с европейским внутренним убранством. Главной достопримечательностью дворца была огромная по тем временам библиотека, насчитывавшая сотни томов.

В XVII веке в русских городах преобладали деревянные дома. Каменных построек даже в Москве насчитывалось мало, принадлежали они высшим церковным иерархам, богатым монастырям, крупным феодалам и богатым купцам. Простой народ жил в обычных избах. Московские дома казались европейцам, привыкшим к каменной архитектуре, неказистыми и бедными.

Мало чем от этих построек отличался и царский дворец, который представлял собой пеструю группу разных зданий,

стоявших без всякого порядка. Построены они были большей частью из дерева, реже из камня. Главным украшением была резьба по дереву: резные потолки, окна и двери.

Обычной мебелью были лавки, которые устанавливались вдоль стен. Стекол тогда еще не знали, поэтому в окна вставлялись кусочки слюды. Иногда слюду расписывали красками, в том числе всякими сказочными сюжетами. В каждой комнате обязательно были иконы.

Европейцы обращали внимание на обилие в российских городах, особенно Москве, церквей и часовен как каменных, так и деревянных. Культовые постройки были при монастырях, в городских усадьбах крупных феодалов, но большинство их стояло на посаде. Традиционно считалось, что в Москве по большим праздникам звонили «сорок сороков». Колокола называли тогда «тяжкие», а звонить во все колокола значит «звонить во все тяжкие». И так как это происходило во время праздников, то все сопровождалось весельем, гулянием. Отсюда: «пуститься во все тяжкие».

Когда звонили в большой кремлевский колокол, «он издавал звук, подобный грому. Не только стоящие подле не слышат, что кричат друг другу, но и те, которые находятся внизу, и даже те, которые стоят в соборе и в других церквах»⁷⁵.

Настоящим бичом городов являлись, как и прежде, пожары. Они случались часто, особенно в летнее время. Причем в качестве причин пожаров отмечались как беспечность, так и поджоги. В почти целиком деревянном городе предписывалось пользоваться огнем крайне осторожно. Как писал побывавший в Москве архидиакон Антиохийской Православной церкви Павел Алеппский, «всякого, у кого заметят дым, выходящий из дома, тащат, бьют, заключают в тюрьму и берут с него большой штраф».

Вековой опыт борьбы с пожарами говорил о том, что следует избегать скученности построек, строго придерживаться интервалов между ними и определенной ширины улиц и переулков. Но эти выработанные горьким опытом правила нередко нарушались, и в результате — бороться с огнем оказывалось чрезвычайно трудно.

При возникновении пожара били в набат в ближних церквях, на кремлевских стенах особые дозорные также звонили в колокол. Тушить пожар вменялось в обязанность жителям той слободы, где он возник. Особые команды стрельцов разбирали близлежащие к очагу пожара постройки, чтобы огонь не распространялся дальше. Тем не менее огонь часто охватывал целые городские кварталы.

Самым памятным в XVII веке был пожар 1626 года. Он начался в Китай-городе и перекинулся на Кремль. Дул сильный ветер, а улицы и переулки стояли тесно. Помимо тысяч строений, огонь уничтожил архивы и почти все текущее делопроизводство московских приказов. Но всякий раз после пожара Москва восстанавливалась довольно быстро. В городе даже существовал специальный рынок, где можно было купить готовый деревянный сруб⁷⁶.

Наряду с пожарами всеобщим бедствием — правда, гораздо более редким — являлись эпидемии. В течение нескольких месяцев в 1654 году в Москве свирепствовала чума. Ежедневно люди умирали сотнями, а в разгар эпидемии — тысячами. Москвичи гибли целыми семьями, дворами и даже улицами, не всех умерших хоронили вовремя, и трупы подолгу лежали прямо на дороге. Ввиду спешного отъезда из Москвы царской семьи, патриарха и властей городское управление было дезорганизовано, никто не боролся с воровством и грабежами, хозяйственная жизнь замерла. Лишь зимой, в декабре, чума прекратилась, но последствия ее ощущались весь следующий год. Так, посетивший Москву в это время Павел Алеппский писал, что город безлюден, а большинство домов стоят пустыми.

Считается, что всего во время этой эпидемии погибло до 150 тысяч человек, и это при том, что в XVII веке население Москвы не превышало 200 тысяч. Почти полностью вымерло население городских усадеб крупных бояр и большинство тяглых посадских людей⁷⁷.

На годы жизни и правления Алексея Михайловича вообще выпало немало тяжелейших испытаний. Преодолевать их помогал царю добродушный характер, так что он заслужил у своих подданных прозвище Тишайший.

Как отмечали современники, царь имел наружность довольно привлекательную: белокожий, румяный, с красивой окладистой бородой, крепкого телосложения и с кротким выражением глаз. В подтверждение поговорки «Глаза — зеркало души» характер Алексея Михайловича тоже вполне соответствовал эпитету «кроткий».

Впрочем, «кротость» не помешала Алексею Михайловичу всегда иметь при себе так называемый «чемоданец», сделанный из сафьяновой кожи да еще украшенный драгоценными камнями. В «чемоданце» царь всюду возил с собой кольчугу весом в 15 килограммов. «Тишайший» хотел быть готовым в любой момент к сражению. Но что верно — то верно: чрезмерной воинственностью Алексей Михайлович не отличался.

Зато любил соколиную охоту и написал до сих пор единственное пособие на этот счет — «Уложения сокольничья пути». Часто этот трактат упоминают и под другим названием: «Охотничья уложения». Эпиграф к нему — «Делу время, а потехе час» — стал поговоркой, бытующей и сегодня. Тон царского письма носит лирический оттенок: «Зело потеха сия полевая утешает сердца печальныя и забавляет веселием радостным и веселит охотников сия птичья добыча...»

Соколиной охотой Алексей Михайлович увлекся не сразу, а после одного случая, а до того на первом месте у него была медвежья охота; в этом он ничем не отличался от своих предшественников на престоле. Как-то раз, согласно легенде, царь отправился под Звенигород на медведя. И тут случилась странная вещь: оказавшись в лесу близ Саввино-Сторожевского монастыря, Алексей Михайлович вдруг обнаружил, что сопровождающие его люди куда-то подевались и он остался один, безоружный. Не успел царь изумиться происшедшему, как из чащи вышел голодный медведь. Дело могло кончиться пресечением еще одной династии, но, к счастью, невесть откуда появился благообразный старец, и медведь под его строгим взглядом ретировался. Старец, прежде чем оставить царя, сказал, что он инок монастыря Савва, но позже, явившись в обитель, Алексей Михайлович такого инок не нашел. И, только взглянув на икону преподобного Саввы, понял, кто его спас. После это-

го Алексей Михайлович навсегда отказался от идеи звериной травли.

В те времена в Европе тоже увлекались соколиной охотой, но тамошние масштабы несопоставимы с российскими. У Людовика XIII (король Франции в 1610—1643 годах), например, было 140 ловчих птиц, а у Алексея Михайловича — три тысячи; царских соколов от всех прочих отличали золотые и серебряные колокольчики. По преданию, Алексей Михайлович увековечил своего любимого сокола Ширяя — в Москве до сих пор есть Большая и Малая Ширьевские улицы.

«Тишайший» царь вообще любил животных; он души не чаял в своем коте и даже заказал заграничному мастеру его портрет. Этот портрет сохранился, но определить породу кота по нему затруднительно; не исключено, что это один из предков знаменитой русской голубой породы. Существует версия, что кот дикий; даже указывается, что, возможно, его привезли из Казани. Есть сведения, что его подарил царю патриарх Никон, сам большой кошатник. Документально засвидетельствовано, что один из котиков Никона ходил везде и всюду за патриархом как привязанный. И когда патриарх попал в опалу и вынужденно удалился в Новый Иерусалим, то взял с собой любимого кота.

Размолвка царя и патриарха хорошо высветила нравы в царском окружении. Ближний боярин Семен Стрешнев завел себе кобеля, назвал его Никоном и научил в ответ на команду «Благослови, владыко!» садиться на задние лапы и благословлять почтеннейшую публику двумя передними. Возмущенный Никон проклял боярина и его пса...

Это сейчас проклятие, адресованное собаке высшим иерархом церкви, выглядит анекдотическим. В системе координат XVII века в нем не было ничего необычного.

Никон (в миру он был Никита Минов) был человек умный и высокообразованный. Патриархом он стал в 1652 году. Он был отличный организатор, при нем было построено множество монастырей и храмов. Это по настоянию Никона царь Алексей стоял на коленях, прося прощения от имени власти у гроба митрополита Филиппа, замученного Иоан-

ном Грозным. В 1654 году Никон убедил царя и боярский совет принять в состав государства Малороссию — современную Украину (правда, Малороссия была значительно меньше в размерах, нежели современная Украина, раздвинувшая свои границы за время пребывания в едином с Россией государстве). Так бывшая в прошлом единой и разделенная внешними обстоятельствами Русская земля вновь обрела единство, к сожалению ныне опять утраченное.

Мечтавший стать Вселенским Патриархом Никон убеждал Алексея Михайловича в необходимости «исправления» церкви, о чем постоянно говорили греческие иерархи, неоднократно приезжавшие в середине XVII века в Москву для сбора милостыни. Русские, считавшие свою церковь последним оплотом вселенского православия, тщательно сохраняли древние обряды богослужения, которые воспринимались ими как неизменный атрибут правой (правильной) веры, как древнехристианское предание. Между тем разница в обрядах на Руси и в остальном православном мире была очень существенна. Служба в русских церквях была долгой, многочасовой, весьма утомительной, изматывающей — чтобы выдержать весь ее ритуал, требовалось приложить немало сил.

Русская церковь продолжала ориентироваться на символы веры, провозглашенные еще в V веке. Тем самым она обрекала себя на изоляцию не только от католичества и протестантства, но и от европейского православия. В середине XVII века подобная церковная изолированность сковывала процесс расширения отношений с внешним миром; поэтому в реформировании церкви, наряду с духовенством, было заинтересованно государство. При поддержке царя патриарх Никон стал вводить в русскую церковь новые обряды, новые богослужебные книги и другие «улучшения» по византийскому образцу, но делалось это без одобрения собора, самовольно. В частности, он разослал по храмам Москвы указ о введении вместо прежнего двоеперстия троеперстного крестного знамения и отмене земных поклонов.

Так зарождался конфликт. В народе началось брожение. Люди верили, что спасти душу можно только по старым книгам, по которым молились их отцы и деды. Особенно

же взволновал их указ креститься не двумя пальцами, к чему все привыкли, а тремя, как в греческой церкви. Часть духовенства увидела в этом бесовское наваждение. Историк Ключевский назвал Никона церковным диктатором.

Спор об исправлении книг и о церковнообрядовых реформах, проведенных по приказу патриарха Никона, продолжался очень долго. Как бы то ни было, но реформа эта и методы ее проведения привели к церковному расколу.

Раскол — сложное социально-религиозное явление, связанное с глубокими изменениями народного сознания. Под знаком борьбы за «старую веру» собирались все, кто был недоволен изменениями условий жизни: плебейская часть духовенства, протестовавшая против роста феодального гнета со стороны церковной верхушки; часть церковных иерархов, выступивших против централизаторских устремлений Никона; представители боярской аристократии, недовольные усилением самодержавия; стрельцы, оттесняемые на второй план военными формированиями регулярного типа; купцы, напуганные ростом конкуренции. За старую веру стояли и некоторые члены царской семьи.

Особой стойкостью во время раскола в приверженности старине отличались строгая блюстительница домостроевского порядка боярыня Феодосия Прокопьевна Морозова и ее сестра княгиня Евдокия Прокопьевна Урусова.

С детства они были окружены почетом, славой, близко стояли к царскому двору и часто там бывали. Невзирая на уговоры самого царя и патриарха, несмотря на ссылку, они не хотели совершать крестное знамение по-новому, тремя пальцами, и отвергали другие новшества Никона. Боярыню Морозову с огромной экспрессией изобразил на своем полотне «Боярыня Морозова» художник Суриков. Сейчас эта картина находится в Третьяковской галерее.

Это один из бесчисленного множества примеров того, как часто в религиозных неурядицах и распрях, ведущих к человеческим жертвам, принципы истинной веры подменялись чисто формальными, обрядовыми вопросами.

Во главе несогласных стал священник — протопоп Аввакум, тоже человек властный и горячий. На стороне «старой веры» оказался знаменитый Соловецкий мона-

стырь — и только после семилетней осады монастырь был взят московским войском. Староверов по приказу патриарха преследовали, сажали в тюрьмы, наказывали.

Что же касается крестьянства, то оно, не понимая истинных причин происходящего, ухудшение своего положения тоже связывало с отступлением от «древнего благочестия». Именно благодаря крестьянству движение староверов приобрело массовый характер.

Все это время патриарх не переставал вторгаться в дела государства, пытался подчинить своей воле самого царя. Постепенно Алексей Михайлович стал тяготиться этим, и между ним и Никоном началось охлаждение. Желая избавиться от Никона, царь созвал собор, на котором многое из того, что делал патриарх-диктатор, было отвергнуто. Патриарх Никон был лишен сана и священства. Произошло это 12 декабря 1666 года, и в этой дате, вместившей три шестерки, некоторые увидели зловещее знамение...

Раскол Русской церкви в XVII веке заставил около миллиона жителей Московского царства стронуться с обжитых мест и бежать куда глаза глядят. Остатки их ранних колоний до сих пор существуют в Турции, Румынии, Латвии и разных уголках России. Особенно много староверов обосновалось в «украинах» среди казаков.

Впрочем, никоновская реформа лишь обнаружила открытый раскол, уже существовавший в Русской церкви с ее бесчисленными сектами староверов, молокан, духоборцев, хлыстов и многих других.

Идеология раскола включала сложный спектр идей и требований; от проповеди национальной замкнутости и враждебного отношения к светскому знанию до отрицания крепостного строя с присущим ему закабалением личности и посягательством государства на духовный мир человека.

Реформы Никона до сих пор, спустя века, обсуждают наши современники, есть и такие, кто видит их итог только в расколе. Например, по мнению писателя Александра Солженицына, итог реформы был ужасен: «Через 40 лет после едва пережитой народом Смуты — всю страну, еще не оправившуюся, до самой основы, духовной и жизненной, потряс церковный раскол. И никогда уже — опять-таки на 300 лет

вперед — православие на Руси не восстановилось в своей высокой жизненной силе, державшей дух русского народа больше полутысячи лет. Раскол отозвался нашей слабостью и в XX веке». Как полагает писатель, если бы не было реформы Никона, то «не в России бы родился современный терроризм и не через Россию пришла бы в мир ленинская революция: в России староверческой она была бы невозможна!».

Несмотря на добрый нрав, и у Алексея Михайловича случались приступы гнева, и, вспыхнув, царь мог собственноручно наказать нерадивого слугу. Однажды он даже оттащил за бороду своего собственного тестя Милославского. Впрочем, в те времена цари вообще бесцеремонно обращались со своими приближенными. Надо отдать должное Алексею Михайловичу: обычно он ограничивался сравнительно беззлобными шутками — например, развлечения ради провинившихся в селе Коломенском сталкивали одетыми в пруд.

Царь был чрезвычайно благочестив. Он постоянно читал Святое Писание, к месту и не к месту его цитировал, а уж в соблюдении постов превзойти его было невозможно. Во время Великого поста Алексей Михайлович стоял каждый день по пять часов в церкви и клал бесчисленные поклоны. А по понедельникам, средам и пятницам ел один ржаной хлеб. Но даже тогда, когда церковный устав разрешал мясо или рыбу, царь оставался весьма воздержан в пище. Несмотря на это, ежедневно к его столу подавалось до семидесяти блюд, большинство из которых он приказывал отправлять своим приближенным.

Сложный и многообразный чин царских выходов и богомолий никогда еще не соблюдался с такой точностью и торжественностью, как при Алексее Михайловиче. Вся жизнь государя была подчинена обрядам. Самые незначительные подробности светских и церковных церемоний занимали его порой больше, чем важные государственные дела. К народу царь выходил не иначе как в сопровождении стрельцов и бояр. Царица показывалась людям только в большие праздники, в сопровождении большой свиты придворных.

Царский дворец должен был отражать величие власти государя. На двор никто не смел въезжать на коне, входили

только пешком. Проходя мимо дворца, всякий должен был снимать шапку и кланяться.

Один из иностранцев, живших в Москве в то время, писал: «Двор московского государя так красив и держится в таком порядке, что между всеми христианскими монархами едва ли есть один, который превосходил в этом московский. Подданные, ослепленные его блеском, приучаются благоговеть пред царем и почитают его почти наравне с Богом».

Ближайшее к царю окружение каждое утро ожидало его выхода в передней из внутренних комнат. Низшие же чины собирались обычно на крыльце, где часами дожидались, не потребуется ли их служба государю. В любую погоду, в морозы простаивали они подолгу, не смея отойти даже погреться.

В отношении своей семьи, а уж тем более подданных царь держался на недостижимой высоте: даже когда он хотел узнать о здоровье царицы или детей, то отправлял боярина.

Перед народом Алексей Михайлович появлялся во всем блеске и великолепии. Царь ехал либо на широких санях, либо в богато украшенной карете. Двое бояр стояли с обеих сторон кареты на специальных подножках, еще двое — на запятках. Государя сопровождал отряд стрельцов, а перед кортежем подметали улицу и разгоняли народ. Москвичи, завидев вдали царский поезд, прижимались к заборам и падали ниц. Всадники слезали с коней и тоже вставали на колени. Но большинство, когда царь проезжал по улице, предпочитали прятаться в доме.

Надо признать, что многое, если не все, в русском царстве держалось на принуждении. Так, казенные предприятия, обеспечивавшие царский двор оружием и предметами роскоши — Пушечный и Хамовный дворы, Оружейная, Царская, Золотая и Серебряная палаты, — были основаны на принудительном труде. Массу земледельческого и ремесленного населения охватывали разного рода подати, повинности и поборы.

С каждым новым государем и новым сводом законов — от Судебника великого князя Ивана III (1497) до Соборного уложения царя Алексея Михайловича Романова (1649) — тягло становилось все более непосильным. А зна-

чит, усиливалось стремление избавиться от него — бегством, а то и мятежом.

Недовольство народа время от времени выливалось в серьезные волнения. В 1648 году разразился «Соляной бунт». Поводом к восстанию послужило увеличение налогов с населения взамен вызывавшей ранее возмущения повышенной соляной пошлины. Государство отвечало по-своему: в 1653 году был принят Указ о наказании воров и разбойников вместо смертной казни ссылкой в Сибирь с предварительным битьем кнутом и отсечением пальца. Дело тут не в смягчении законодательства, а в том, что «разбойников» стало слишком много — убивать их было не по-хозяйски, тогда как в Сибири требовались рабочие руки.

К воцарению династии Романовых поиссаяли бывшие пушные и бортевые богатства лесов и не накопилось достаточных навыков в рудознательстве и ремеслах. Чтобы иметь серебряный рубль, приходилось перечекивать ввозимые с Запада иоакимсталеры (прозванные «ефимками»); затем решили выпустить в обращение медную монету, приравняв ее по стоимости к серебру. В итоге деньги обесценились, цены выросли в три-четыре раза и торговать стало невыгодно. Попытки заменить серебро медяками закончились в 1662 году новым бунтом, вошедшим в историю под названием «Медного», причем в нем участвовала не только беднота, но и богатые купцы. Бунтовщики отправились в село Коломенское и потребовали у царя Алексея Михайловича выдачи «изменников» — бояр, придумавших медные деньги. Царь для виду, чтобы протянуть время, согласился и, пока мятежники грабили в Москве богатые дворы и винные погреба, собрал в Коломенском верных стрельцов. Бунтовщики спохватились с опозданием — и восстание было жесточайшим образом подавлено.

Все это стимулировало разведку собственных недр и выведывание заграничных производственных секретов, которое Алексей Михайлович возложил на особый Приказ тайных дел. Впрочем, о мехах не забывали — с покоренных в Азии народов от имени царя взимали ясак — налог пушной. Русские землепроходцы из государевых служилых людей и казаков в поисках мест, где соболя «и всякого зверья»

много, неустойчиво двигались в заполярную тундру и за «каменный пояс» Уральских гор. К середине XVII века, пройдя сквозь сибирскую тайгу, они добрались аж до берегов Тихого океана.

В 1656 году в день приезда царя Алексея Михайловича в Полоцк ему были поднесены приветственные вирши. Их автором был монах Симеон (в миру — Самуил Емельянович Петровский-Ситнианович; 1629—1681), позже получивший топонимическое прозвище Полоцкий. Когда Полоцк в 1661 году перешел в руки поляков, Симеон, боясь преследований за свои симпатии к русскому царю, бежал в Москву и стал преподавателем в Спасской школе. В 1667 году он был приглашен преподавателем к тринадцатилетнему царевичу Алексею Алексеевичу, а после его смерти стал учить восьмилетнего царевича Федора. Предметами обучения были: латинский и польский языки, политика, риторика и богословие. Под его влиянием проходило образование и царевны Софьи. Годы скитаний не прошли для Симеона Полоцкого бесследно, до приглашения ко двору он получил два высших образования: православное (в Киево-Могилянской академии) и католическое (в иезуитской Виленской академии).

Симеон Полоцкий ценился при дворе не только как сведущий учитель, умевший «подсластить» науку и заинтересовать ученика, оживляя рассказ разными остроумными сравнениями и пояснениями. Вскоре он стал официальным проповедником, придворным стихотворцем и драматургом; тут надо подчеркнуть — одним из первых русских поэтов и драматургов. В литературе второй половины XVII века исследователи находят черты барокко и даже говорят о «русском барокко», связывая его прежде всего с С. Полоцким и его учениками. Вклад Симеона Полоцкого в русскую культуру трудно переоценить⁷⁸.

Это было время значительных перемен в русской жизни. После долгих лет совместной жизни с Марией Ильиничной Милославской — как говорят, в любви и согласии — 3 марта 1669 года царь Алексей Михайлович овдовел. Через два года, 20 января 1671 года, он женился во второй раз на сироте

Наталье Кирилловне Нарышкиной, воспитаннице боярина Артамона Сергеевича Матвеева. Он-то и сосватал царю Наталью, которой дал очень хорошее воспитание. Матвеев был не просто близок Алексею Михайловичу — он был человеком высокообразованным, знал иностранные языки, прожил немало в Европе. Его дом был не только меблирован и оформлен по-западному, но и — чуть ли не единственный в Москве — украшен картинами светского содержания и другими произведениями искусства. Жена Матвеева единственная из придворных женщин не употребляла белила и — что было удивительно смело по тем временам — не сидела в тереме, подобно прочим женщинам, а принимала участие в мужских беседах.

Неудивительно, что их воспитанница Наталья, мать будущего императора Петра I, была первой русской государыней, отдернувшей занавеску у носилок и явившей народу свое лицо. Наталья была противницей всякого рода косметики, любила театр, искусство.

Матвеев имел огромное влияние на Алексея Михайловича как истинный друг. До нас дошло письмо Алексея Михайловича к Матвееву. «Приезжай поскорее, — пишет царь, — мои дети осиротели без тебя, мне не с кем поговориться»⁷⁹

Матвеев покровительствовал иностранным художникам и архитекторам. Он устроил в Немецкой слободе в Москве в 1673 году драматическую школу, в которой 26 мальчиков из мещанских семейств обучались «комедийному делу». Это была первая театральная школа в России.

Таким образом, в царствование первых царей из дома Романовых, с одной стороны, еще строго соблюдаются домостроевские требования благочестия, поста и молитвы, но с другой — сказывается и влияние Запада как на обстановке, так и в быту царя и царицы. Большой орган стоит в Грановитой палате, другой — в Потешной палате; немецкая органная игра служит уже постоянным увеселением для царицы, ее детей и всего ее придворного чина. Во дворец проникают и скоморошные потехи («походячие народные спектакли»), и кукольные комедии, особенно забавлявшие царских детей; балансеры, немецкие фокусники, стран-

ствующие немецкие и польские актеры с их небольшими шуточными пьесами, а позже настоящие театральные представления со сценой и декорациями появляются при дворе. Наконец, в селе Преображенском строится специальная Комедийная палата — первый театр.

Им руководил житель Немецкой слободы, учитель Йоган Готфрид Грегори, актерами были его ученики. В 1673 году при дворе Алексея Михайловича был впервые представлен в постановке Н. Лима «Балет об Орфее и Евридике», положивший начало как русскому балетному театру, так и периодическим показам спектаклей вообще.

В дощатом театре ставились балеты и драмы. Заимствованные из Библии сюжеты частенько приправляли грубыми шутками. Так, в «Олоферне» служанка, увидев отрубленную Юдифью голову ассирийского воеводы, говорит: «Бедняжка, проснувшись, очень удивится, что у него унесли голову». Впрочем, библейские сюжеты постепенно стали дополняться светскими, а вместе с актерами-немцами играть выходят свои — обученные теми же немцами — русские актеры.

Театральные представления — например, такие, как «Артаксерксово действо», — посещал сам царь с придворными. Часто ставились драматические произведения Симеона Полоцкого — «О Навуходоносоре царе», «Притча о блудном сыне» и т. д. Драматургия пользовалась библейскими сюжетами, но ветхозаветные герои наделялись характеристиками современников — это были живые и энергичные люди, рассуждавшие на актуальные темы и действовавшие, как в реальной жизни.

Влияние друга Матвеева, жены Натальи Кирилловны сказалось на деятельности царя Алексея Михайловича. В стране начались преобразования. Особенно зримо это проявилось в архитектуре. Светская власть в лице царя всея Руси как бы перехватывает строительную инициативу из рук Церкви, а нарождающаяся усадьба одерживает первую заметную победу над монастырем — крупнейшим центром притяжения общественной и культурной жизни на протяжении предыдущих нескольких веков.

Новая царская резиденция — дворец в Коломенском — строилась с невиданным для своего времени раз-

махом и пышностью. Она вобрала в себя вековые традиции древнерусского деревянного народного зодчества, обрядив его в узорочные одеяния XVII века. Коломенское, пожалуй, единственный в истории России царский дворец, где обогрелись полы⁸⁰.

Дворец был так необычен и красив, что поражал воображение современников. Он первый из светских сооружений Руси заслужил хвалебную оду, написанную Симеоном Полоцким:

Осмое ныне нѣ Москве явился,
егда сей царскѣй твой дом совершился,
Всячески дивный, красный и богатый,
велелеп извне, внутрь нескудно златый.

А вот что писал другой выдающийся русский поэт, А. П. Сумароков:

Российский Вифлием, Коломенско село,
Которое на свет Петра произвело!

Западноевропейский путешественник Якоб Рейтенфельс, посетивший Коломенское в 1671 году, писал о дворце: «...благодаря удивительным образом искусно исполненным резным украшениям, блистающим позолотой, он кажется только что вынутым из ларца». Этой загородной резиденции сознательно придавался общественно-репрезентативный характер.

Но как у каждой медали есть обратная сторона, так и в истории Коломенского все было не так уж радужно — во время Медного бунта здесь погибло несколько тысяч восставших. Уцелевших клеймили словом «вор» и высылали из города. Однако медные деньги были отменены. Царь велел скупить их у населения и отлить из обесцененной монеты решетки в своем кремлевском дворце.

После всех этих событий царские указы стали вывешивать на специальных столбах. Примерно тогда же для тех же целей специальные тумбы-столбы появились и у англичан.

При Алексее Михайловиче был также введен специальный порядок для просьб, жалоб и челобитных, обращенных

к царю, — их опускали в ящик, прибитый к столбу возле дворца в Коломенском. До этого челобитные на имя царя обычно оставляли на гробницах царских предков в Архангельском соборе Кремля.

В те времена все документы писали на бумаге, свертываемой в виде свитка. Свитки эти были длинные, потому и ящик в Коломенском был большого размера, или, как тогда говорили, долгий. Алексей Михайлович, между прочим, самолично ежедневно прочитывал все прошения. Тем не менее далеко не всегда дело решалось быстро из-за волокиты, которую устраивали конкретные исполнители; часто это было связано с банальным вымогательством взятки. Вот почему недобрая слава на многие годы пережила долгий ящик. Ныне выражение «отложить в долгий ящик» означает «безбожно затянуть дело». Позднее такой же смысл получило выражение «положить под сукно». Оно тоже возникло не просто так: сукном в российских канцеляриях покрывали столы.

Долгий ящик ушел в небытие при Петре I, когда появилась бумага голландского образца, в листах, и свитки исчезли из обращения.

Измайлово — другая крупная царская вотчина, отстроенная в 70—80-е годы XVII века. Помимо дворца, собора и церкви, на речке Серебрянке, существующей и поныне в Измайлове, были сооружены каменная плотина, винокуренный и пивоваренный заводы, маслобойни и льнопрядильни, мыловарни и солодовни, водяные мельницы, первый в России стекольный завод, создана пасека, — все это предстало перед голландским путешественником Корнелиусом де Брюином как своеобразный «технопарк» XVII века.

А еще вдоль Серебрянки было устроено 37 прудов, где развилась рыба. Щуки в них подплывали к берегу по звонку, брали корм прямо из рук. Чтобы старожилов прудов по ошибке не выловили, им метили золотыми «сережками». Были и пруды специального назначения: пиявочный — для лечебных целей, стеклянный — чистая вода отсюда шла на нужды стекольного завода, зверинецкий — для большого измайловского зверинца. Каскад из двенадцати прудов, но-

сивших названия Красный, Олений, Лебедянский, Терлецкие и др., окружал остров государева двора.

Измайлово было, по словам историка Ивана Забелина, «сельскохозяйственной академией Древней Руси». Здесь предпринимались попытки акклиматизации южных растений (например, винограда, тутового дерева и других), выращивали дыни весом до 20 килограммов. В хозяйстве занимались механизацией сельскохозяйственных работ, созданием сложных ирригационных сооружений. Можно сказать, что Измайлово было прообразом прогрессивной помещичьей усадьбы следующего века, где правит образованный, чуткий к нововведениям помещик.

При этом «царская ферма» дополнялась громадным садовым ансамблем с беседками-теремами и красивыми фонтанами, украшенными изваяниями диковинных зверей. Здесь впервые в России появился сад-лабиринт (так называемый Вавилон), который вскоре стал неременной и любимой затеей в богатых подмосковных усадьбах.

Знаменита была царская резиденция Измайлово и своим зверинцем, называвшимся тогда «волчьим двором», где с обитателями русских северных лесов — медведями, лисицами и волками — соседствовали представители экзотической фауны: тигры, леопарды и слон. В зверинце разводили лосят, оленей, белых медведей, туров, изюбров, сайгаков и даже обезьян и дикобразов. Можно упомянуть также огромный лебединый двор, где было несколько сотен птиц, и загон с десятками бобров. Вершиной же светских потех были «комедийные хоромы» Измайлова — попросту говоря, театр.

В Измайлове также была построена самая крупная, ставшая знаменитой, пекарня, получившая звание «хлебного дворца». За качеством хлеба и его продажей здесь следили хлебные приставы. Пекли ситные хлебы (отсюда «друг твой ситный») и тертые калачи, особо сложные и «хитрые» в производстве (отсюда выражение «тертый калач»).

Окончательно порядок в хлеботорговле был наведен при Петре I, который своим указом за продажу сырого или маловесного хлеба велел нерадивых хлебопек «бить батоги».

Кстати, в Измайлове и прошли детские годы Петра I. По Измайловским прудам он плавал на своем знаменитом бо-

тике, по территории нынешнего парка маршировали «потешные» Семеновский и Преображенский полки.

Нравы русских людей были просты и не отличались особой изысканностью. Искренняя вера, подлинная религиозность сочетались с суеверием, корни которого уходили в языческую древность. В народе (в том числе и среди знати) почитались юродивые, «божьи люди». Один из наиболее известных, Киприан, удостоился внимания даже всесильного патриарха Никона. Видимо, не последнюю роль играло стремление Никона поднять уровень собственной популярности, когда он своими руками кормил и поил юродивого.

На бытовом уровне обычным явлением были драки. Случалось, они заканчивались летальным исходом. Особенно часты они были в кабаках, да и застолья в иных местах часто завершались мордобоем. Власть смотрела на этот обычай сквозь пальцы. Может быть, это происходило еще и потому, что рукоприкладство вообще было в России довольно распространенным явлением. И в простых избах, и в богатых хоромах высока была вера в «воспитательную» силу побоев. Глава семьи частенько «смирят» домочадцев кулаком. О слугах же и холопах говорить не приходится — применение к ним телесных наказаний было абсолютной нормой.

Вероятно, спецификой Москвы как столичного города, в котором были расположены государственные учреждения, различные судебные инстанции, объясняется огромная вера в силу закона. Москвичи судились часто, и не только из-за наследства или какой-нибудь собственности. Формировалось уже сознание личного достоинства. Поэтому частыми были иски за оскорбление личности, и не только «действием», но и «словом»⁸¹. Немало рассматривали суды и уголовных дел: воровство, грабежи и убийства случались в городе ежедневно — но в этом Москва ничем не отличалась от других европейских столиц.

Семейный быт оставался традиционным. Глава семьи, хозяин, распоряжался имуществом и судьбой домочадцев. Причем в правилах того времени допускалось применение главой семьи силы по отношению к своим подопечным для навязывания своей воли. Осуждались, в том числе и цер-

ковью, лишь чрезмерная жестокость и несоблюдение заповедей. Главой семьи принимались окончательные решения при заключении браков. Кстати, свадебный пир, свадьбу в старину на Руси называли кашей. В наши дни осталось только одно значение этого слова — только как вида пищи. Но зато сохранились выражения «заваривать кашу», то есть затеять хлопотное и сложное дело (иногда даже очень неприятное), и «расхлебывать кашу» — это хлопотное и сложное дело распутывать.

Наряду с главой семьи большую роль играла женщина-хозяйка. Причем чем беднее была семья, тем эта роль была серьезнее, поскольку на плечи женщины падало все домашнее хозяйство (ведь в богатых домах работу по дому выполняли слуги). Глава семьи был занят ремеслом, промыслами, торговлей или службой. В бедных семьях детям с самого раннего возраста прививались трудовые навыки. С семи лет мальчики и девочки помогали родителям в их работе. Мальчиков часто отдавали обучаться какому-нибудь ремеслу. Дети богатых родителей росли на попечении мамок, нянек и дядек. В пять — семь лет их начинали учить грамоте.

Семейный быт горожан был достаточно замкнутым. Домашние проблемы обычно не предавали огласке. В состоятельных и богатых семьях женская половина не вольна была покидать пределы усадьбы. По различным надобностям (покупки и т. д.) из дома отлучались чаще всего слуги. Вообще чужим мужчинам возбранялось смотреть на женщин и девушек из таких семейств. Среди бедняков такого строгого режима не придерживались, слуг здесь не было, и женщины часто выходили на улицу по различным поводам.

День в простых семьях начинался рано — как и в деревнях, до рассвета. Очень скромный завтрак нередко состоял из хлеба с квасом. Женщины с утра были заняты уходом за домашними животными и птицей, мужчины могли работать в огороде и на земельном участке или же заниматься своим промыслом. К обеду собиралась вся семья, причем за столом сидели мужчины, женщины подавали им еду, они питались позже.

После обеда наступал традиционный отдых и сон. Причем в это время не только приостанавливалась трудовая

жизнь в рядовой семье, но и замирала деятельность состоятельных москвичей: закрывались лавки, купцы не занимались делами, прерывалась работа государственных учреждений и т. д. После полуденного отдыха работа возобновлялась до ужина, который приурочивался к шести часам вечера. После вечерней церковной службы и ужина деловая активность затухала, хотя государственные учреждения могли еще функционировать.

Чем же питались тогда наши предки? Широко в ходу было растительное масло из льняного и конопляного семени. Из овощей наиболее популярны были репа, капуста, огурцы, лук, чеснок, редька, морковь и свекла. Среди садовых культур в пищу употреблялись яблоки, вишня и малина, тогда как сливы и груши были редкостью. В Москве находили спрос и привозные арбузы и дыни. Верхам общества были знакомы лимоны. Недаром ходила поговорка: «Артамоны (имелся в виду боярин Артамон Сергеевич Матвеев) едят лимоны, а мы, молодцы, едим огурцы». В рацион питания обязательно входили собранные в лесу грибы, ягоды и орехи. Непременным продуктом питания была рыба. Горожане употребляли в пищу не так много мяса (но все же больше, чем крестьяне). Определенную роль в этом играли религиозные посты. Широко использовались молочные продукты и мед.

Хранение различных продуктов про запас было характерным явлением. Особое значение имело создание всевозможных запасов съестного на долгую зиму. С этой целью предусматривались места для хранения муки и зерна. Мясо, рыба и овощи специально приготавливались для длительной консервации. Мясо и рыбу солили, коптили и вялили. Огурцы и грибы солили, капусту — квасили и т. д.

В любой трапезе всех слоев населения главным был хлеб. Простой народ питался в основном ржаным хлебом. Пшеничный был дороже, и он входил в рацион чаще всего более состоятельных горожан. Наряду с хлебом были популярны пироги с самой разнообразной начинкой, блины, оладьи, ватрушки, колобки, пряники и т. д. Из ржаной и пшеничной муки делали лапшу. Зерно ржи, а также овса, ячменя, проса использовали для изготовления хмельных напитков —

пива и браги. Не меньшее распространение получили различные каши: гречневая, пшенная, овсяная, пшеничная и т. д. Из овощей (репы, капусты, свеклы и моркови) делали похлебки, супы, щи, а также подавали их к столу в вареном и пареном виде.

Всевозможные блюда из мяса и рыбы чаще присутствовали на столе у богатых. Причем употреблялось мясо как домашних, так и диких животных и птиц. Из рыбы предпочитали осетровых, которые водились в то время едва ли не в каждой речке. Разнообразным ассортиментом отличались сладкие блюда, приготовленные на меду и патоке: засахаренные фрукты, различные сладкие взвары (в виде компота), пастила. Из напитков все слои московского населения предпочитали хлебный квас. Его традиционно делали практически в каждом доме. Но квас в больших количествах продавался и на улицах. В ходу были разнообразные сорта пива и меда. Богачи имели возможность покупать импортные виноградные вина, причем сухим винам москвичи предпочитали сладкие.

Городская семья садилась за стол четыре раза в день: завтрак, обед, полдник и ужин. Главными трапезами считались обед и ужин. Трапеза зависела от вполне определенных обстоятельств — был это постный, когда запрещалось употреблять в пищу мясные и молочные продукты, или обычный день. Посты бывали длительными (например, Великий пост перед Пасхой) и однодневными (среда и пятница на каждой неделе). Праздничные дни отличались наибольшим разнообразием пищи и напитков на столах.

Для приготовления пищи в ходу в основном были, как в прежние века, глиняные горшки и сковороды, но в домах состоятельных людей уже пользовались металлической кухонной и столовой посудой — прежде всего это были начищенные до блеска медные и оловянные блюда и ложки. В то же время рядовые горожане обходились деревянными мисками, ставцами и ложками — огромный выбор их всегда предлагался на торгу.

Праздничные дни богатые люди отмечали пирами, на которые специально приглашали гостей, незваными приходиться было не принято. Мужчины сидели за столами

с мужчинами, а женщины — с женщинами («мужские» и «женские» застолья могли не совпадать по времени). Вместе мужчины и женщины почти никогда за стол не садились. Мы сказали *почти*, потому что во время званых обедов хозяин приглашал за стол свою жену и всех замужних женщин — членов своей семьи и разрешал желающим поцеловать свою супругу. Этот обряд целования свято соблюдался на Руси. Богатые пиры сопровождались игрой на музыкальных инструментах, пением, плясками, представлениями скоморохов и шутов.

На пирах даже у незнатных людей соблюдался строгий порядок размещения гостей: самых почетных сажали в красном углу, рядом с хозяином. В соответствии с местом гостей и угощали: самым почетным блюда и питье подавались в первую очередь. Для знати место на пиру и царском приеме имело принципиальное значение — этому уделялось особое внимание. Поэтому порядок размещения гостей на пирах и приемах требовал от хозяев большого искусства и знаний. Нередко возникали споры, и случалось даже, что сам царь разбирал такого рода дела своих придворных.

Интересно, что хозяин дома не только решал, кого и куда за столом посадить, но и сам, своей рукой, солил пищу особо почетным гостям. Ведь соль в старину на Руси была дорогим продуктом. Везти ее приходилось издалека, а дороги были плохие, налог на соль был высокий. Поэтому готовили тогда все без соли, а солили пищу уже за столом. Хозяин иногда так старался выразить свое почтение какому-нибудь гостю, что пересаливал, а сидевшему в дальнем конце стола соли не доставалось вовсе, и он уходил несолоно хлебавши. В наше время «пересолить», кроме прямого своего значения, означает «перестараться», «перейти меру в чем-нибудь», ну а «несолоно хлебавши» значит остаться неудовлетворенным, разочароваться, не получить того, на что рассчитывал.

Без пиров не было и свадеб. Этому предшествовало длительное урегулирование отношений будущих свояков. Браки совершались в основном по воле родителей, заботившихся о выгодной партии для своего чада. Разумеется, чем богаче была семья, тем материальная сторона оказывалась

значимей. После положительного исхода сватовства, инициатива которого исходила от родителей будущего жениха, устанавливался день сговора, когда заключался свадебный договор, часто в письменной форме. В особых «сговорных грамотах» оговаривались условия заключения брака, устанавливался срок свадьбы (его нарушение влекло за собой особую плату — неустойку, поскольку приготовления к свадьбе стоили дорого) и перечислялось приданое за невесту. У богатых опись приданого от земельных владений до отдельных предметов личного обихода давалась отдельно. В это же время устраивали смотрины невесты, в которых жених участия не принимал. Бывало, что он впервые видел невесту лишь в день свадьбы — если, конечно, до того ему не случалось встречать ее в церкви.

Иное дело у рядовых горожан. Юноши и девушки могли видеть друг друга на гуляньях и различных играх. Свадебная церемония, которую запрещалось устраивать в пост, длилась три дня и происходить могла как в доме жениха, так и в доме невесты. В первый день венчались в церкви, затем следовала светская часть свадьбы. Ей сопутствовали различные обряды, дошедшие еще от языческой старины. Царское бракосочетание в течение четырех дней сопровождалось пышными церемониями, парадными выходами, обильными застольями, посещениями кремлевских и городских соборов и церквей, раздачей многотысячной милостыни. Венчание происходило в Благовещенском соборе.

Горожане не только придерживались обрядов Православной церкви. В быту большую роль играли дохристианские обычаи. Церковь боролась с остатками языческой обрядности, но искоренить ее не могла. Часть этих древних обрядов исполнялась в глубокой тайне, некоторые — более-менее открыто: летние ритуальные игры на Ивана Купалу и зимние святочные гадания часто связывались с крупными церковными праздниками, например с Пасхой, Масленицей.

В праздничные дни улицы и площади Москвы и других городов заполнялись народом, шла бойкая торговля едой и различным незамысловатым товаром, подходящим к тому или иному празднику. В определенных местах за городом

(под Новинским монастырем и в Марьиной роще в Москве) водились хороводы, звучали песни.

Достаточно распространенным развлечением как в сельской местности, так и в городе был кулачный бой, который долго пытались искоренить и духовники, и власти, но потом, не совладав с народной традицией, просто стали закрывать глаза на эту забаву. Обычно бои велись коллективно — стенка на стенку.

По словам московского старожила, стенка замышлялась чуть не за неделю, обсуждалась на «военном совете», который собирался в том или другом фабричном трактире, и окончательные решения по организации битвы принимались «военачальниками» обеих сторон по взаимному соглашению. О месте и времени побоища становилось известно каждому, кто интересовался им, по крайней мере дня за два, так что к созерцанию грандиозного зрелища собиралась буквально со всей Москвы масса любителей острых ощущений... Подробнейшие инструкции заправилам стенки сообщались ее главнейшими распорядителями в течение всего праздничного дня в каком-либо из трактиров возле Покровского моста, на котором целый день толкались будущие бойцы, вырабатывая все детали предстоящего боя.

Были среди участников кулачных боев и такие, кто смотрел на них не как на забаву, а как на свое предназначение; так артист смотрит на театральные подмостки. Это были настоящие профессионалы драки, блиставшие атлетическими формами, ломавшие червонцы, как мятные пряники, сгибавшие подковы...

Рыцарские уставы кулачных боев они блюли строго, а нарушение их, особенно сознательное и намеренное, карали с драконовской беспощадностью. Так, например, запрещалось бить лежащего, преследовать бежавшего на территории противника, бить ногами, использовать какие-либо твердые «закладки» в рукавицах, нападать сзади и т. п.

Популярны были в Москве и обычные мирные игры — например, городки. Молодежь любила кататься на качелях самых разных конструкций, от простейших до достаточно сложных, с импровизированными «кабинами» на несколько человек.

Перед участием во всевозможных игрищах и гуляньях одевались по-особому. Заметим тут между прочим, что ко-соворотки вопреки распространенному мнению не имеют к русской одежде никакого отношения. Настоящая русская рубаха всегда имела прямой ворот. Во времена Киевской Руси стало ощущаться византийское влияние. И эта византийская мода оказалась настолько живучей и удобной, что спустя семьсот лет уже упоминавшийся ранее Адам Олеарий отмечал такую особенность нашей одежды, как ее, скажем, многослойность; вначале надевали сорочки, штаны, а на них кафтаны с длинными рукавами. Поверх кафтана иногда носили еще одно одеяние, достигающее до икр. На улице люди с достатком выходили в длинных одеяниях, сшитых из темно-зеленого, сине-фиолетового или коричневого сукна, а иногда из пестрого дамаска. Летом мужчины одевали поверх сорочек и штанов сарафаны из легкой ткани — так что сарафан изначально считался мужской одеждой.

На одежде, мужской и женской, обязательно были пуговицы. Надо сказать, что вообще-то пуговицы придумали греки еще в IV веке до н. э., затем они то исчезали на несколько веков, то появлялись вновь, пока в XVII веке окончательно не вошли в человеческий обиход.

На Руси пуговицы часто выглядели как украшения: были пуговицы серебряные, золотые, украшенные многоцветной эмалью, чернью, резьбой, усыпанные рубинами, опалами, изумрудом, жемчугом. Для парадных одежд знать заказывала себе их даже из крупных драгоценных камней, которые специально просверливали. Часто цена пуговиц превышала стоимость самой одежды.

Такую роскошь могли позволить себе, естественно, только богатые люди. Московские придворные были настолько жадны до красивых и дорогих пуговиц, что мастера Серебряной и Золотой палат не справлялись с работой. Люди богатые, но попроще происхождением покупали пуговицы в Серебряном ряду, где их делали мастера-пуговичники; купцы закупали пуговицы у ремесленников на вес партиями. Люди небогатые в те времена могли позволить себе в лучшем случае медные, оловянные или серебряные пуговицы.

А какую только форму не придумывали для пуговиц: на одеждах бояр и дворян можно было видеть их в форме яйца, груши, миндаля и даже сосновой и еловой шишек. Обычно пуговицы имели «ушко». Что касается размеров, то некоторые достигали величины куриного яйца, но были и не больше горошины. На парадном платье Ивана Грозного можно насчитать 68 маленьких золотых пуговиц. Ему, признаем, было далеко до французского короля Франциска I, чей черный бархатный камзол украшали 13 600 золотых пуговиц.

С течением времени запросы становились скромнее. Мужчины XIX века уже не могли щеголять множеством пуговиц — это считалось дурным тоном. Зато женщинам в этом отношении предоставлялась полная свобода. С развитием промышленного производства пуговица в конце XIX века стала «массовой». А потом пришел XX век с новыми технологиями. И появилось странное и неуклюжее слово — «фурнитура»...

Но это уже совсем иная история.

- ¹ *Белинский В. Г.* Полное собрание сочинений. М., 1953. Т. 2. С. 200.
- ² *Лэндри Ч.* «Креативный город». М., 2006. С. 369.
- ³ *Лев Диакон.* История в десяти книгах. Перевод М. М. Копыленко. Кн. IV. Гл. X. СПб., 1820. С. 46.
- ⁴ См.: «АиФ», 2010, № 51. С. 45.
- ⁵ *Гумилев Л. Н.* От Руси до России: очерки этнической истории России. Л., 1992. С. 137.
- ⁶ *Платонов С. Ф.* Лекции по русской истории. СПб., 1987. С. 61.
- ⁷ Подробнее см.: *Артамонов М. И.* История хазар. М., 1968. С. 289–293.
- ⁸ *Иванова Н. О., Зданович Г. Б.* Аркаим: Исследования. Поиски. Открытия. Челябинск, 1995; Арии на Урале, или Несостоявшаяся цивилизация//Аркаим: Исследования. Поиски. Открытия. Челябинск, 1995.
- ⁹ Иез. 38, 2 и 39, 1, где «Рош» можно прочесть и как «Рос».
- ¹⁰ См. об этом: *Георгиева Т. С.* Культура повседневности. Книга 2. Частная жизнь и нравы от Средневековья до наших дней. М., 2006.
- ¹¹ *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Кн. 1. М., 1988.
- ¹² Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). СПб., М., Л., 1884–1968. Т. 1. Стб. 79–80.
- ¹³ См.: Записки Восточного отделения Русского археологического общества. Т. IX. СПб., 1896. С. 262–267.
- ¹⁴ *Архимандрит Аверкий.* Крещение Руси и заветы св. кн. Владимира русскому народу. Москва, «Сполохи», 1995. С. 22–23.

- ¹⁵ ПСРЛ. СПб., М., Л., 1884–1968. Т. I. С. 117–118.
- ¹⁶ *Солженицын А. И.* Март Семнадцатого. М., 1988. Соб. соч. Т. 4.
- ¹⁷ ПСРЛ. Т. I. С. 51.
- ¹⁸ См.: *Чудинов В. А.* Руница и тайна археологии Руси. М., 2003.
- ¹⁹ *Чудинов В. А.* Священные камни и языческие храмы древних славян. М., 2004.
- ²⁰ *Чудинов В. А.* Загадки славянской письменности. М., 2002.
- ²¹ См.: *Литаврин Г. Г.* Византийское общество и государство в X — XI вв., М., 1977. С. 160–161.
- ²² См.: *Урланис Б. Ц.* Рост населения в Европе. М., 1941.
- ²³ *Хорошев А. С.* Политическая история русской канонизации (XI–XVI вв.). М., 1986. С. 61.
- ²⁴ *Урланис Б. Ц.* Указ. соч. М., 1941. С. 77–78.
- ²⁵ *Любимов Л.* Искусство Древней Руси. М., 1981. С. 181–183.
- ²⁶ Повесть временных лет. Ч. 1–2. М.; Л., 1950.
- ²⁷ См.: *Димитриев Ю. Н.* Теория искусства и взгляды на искусство в письменности Древней Руси. — В кн.: Труды отдела древнерусской литературы. М. — Л., 1953. Т. 9. С. 97–116.
- ²⁸ См.: *Плано Карпини.* Путешествие в восточные страны. М., 1957. С. 47.
- ²⁹ См.: *Осокин Н. А.* Первая инквизиция и завоевание Лангедока французами. Казань, 1872. С. 222.
- ³⁰ См. об этом подробнее: *Георгиева Т. С.* Русская культура: история и современность. Ростов-на-Дону, 2006. Гл. I.
- ³¹ «Чума поразила Византию, Сицилию. В 1348–1349 гг. эпидемия опустошила Италию, Испанию, Францию, Венгрию, Англию, Шотландию, Ирландию, Данию, Норвегию, Швецию, Нидерланды, Исландию, Пруссию. Затихла и перекинулась в 1351 г. во Псков. В 1353 г. опустошив Великое княжество Московское, злая зараза ушла на юг, в степи, не затронув Нижнего Новгорода. Москва и Подмосковье на время опустели». *Гумилев Л. Н.* Древняя Русь и Великая Степь. М., 1992. С. 384.
- ³² См.: *Гумилев Л. Н.* Указ. соч. С. 452.
- ³³ *Алпатов М. В.* Андрей Рублев. М., 1959; Очерки русской культуры XIV–XV вв. М., 1969. С. 254–377.
- ³⁴ См.: *Баскаков Н. А.* Русские фамилии тюркского происхождения. М., 1979.
- ³⁵ *Покровский М. Н.* Очерк истории русской культуры. М., 1915. Ч. I. С. 176.

- ³⁶ См.: *Шлионская И.* Энциклопедия. Люди-феномены. М., 2006. С. 180–182.
- ³⁷ Муроль (*устар.*) — зодчий, строитель.
- ³⁸ См. подробнее: *Костомаров Н. И.* Русская история в жизне-описаниях ее главнейших деятелей. М., 1991. С. 223–232.
- ³⁹ Русское православие: вехи истории. М., 1989. С. 88–105.
- ⁴⁰ *Иконникова А.* Царицы и царевны из дома Романовых. Исторический очерк. Киев, 1914. С. 14.
- ⁴¹ *Бахрушин С. В.* Научные труды. М., 1952–1954. Т. I. С. 162.
- ⁴² Древние государственные регалии. М., 1979.
- ⁴³ *Штаден Г.* О Москве Ивана Грозного. М., 1925. С. 92–93.
- ⁴⁴ *Герберштейн С.* Записки о московитских делах. СПб., 1866. С. 221–223; *Розенфельд Р. Л.* Московское керамическое производство XII–XVII вв. М., 1968.
- ⁴⁵ *Тихомиров М. Н.* Начало книгопечатания в России // Русская культура X–XVIII веков. М., 1968. С. 315–318.
- ⁴⁶ *Штаден Г.* Указ. соч. С. 119; Стоглав — Стоглавый собор 1551 г. Опыт изложения его внутренней истории. М., 1882. Вып. 1. С. 292–293; *Герберштейн С.* Указ. соч. С. 20.
- ⁴⁷ См.: *Титов А. А.* Вкладные и записные книги Волоколамского монастыря. М., 1906. С. 34; *Флетчер Дж.* Записки о России (1588–1589 гг.) в сб. «Россия XV–XVII веков глазами иностранцев». Л. 1986. С. 129; ПСРЛ. Т. 34. С. 198.
- ⁴⁸ *Поссевино А.* Исторические сочинения о России XVI века. М., 1983. С. 208.
- ⁴⁹ *Джером Горсей.* Записки о России. XVI — начало XVII. М., 1990. С. 85.
- ⁵⁰ *Петрей П. де Эрлезунда.* История о великом княжестве Московском // Чтения в Обществе истории и древностей российских (далее — ЧОИДР). 1865. Кн. 4. С. 6.
- ⁵¹ *Шапова Ю. Л.* Стекланный кубок из гробницы Ивана IV Грозного (Атрибуция и история). М., 1993. С. 333–337.
- ⁵² Домострой. М., 1990.
- ⁵³ Стоглав. С. 366.
- ⁵⁴ ПСРЛ. Т. 34. С. 191.
- ⁵⁵ *Флетчер Дж.* Указ. соч. С. 157.
- ⁵⁶ *Беляев И. В.* Наказные списки Соборного уложения 1551 г., или Стоглава. М., 1863. С. 52–53; Стоглав. С. 301–302; *Герберштейн С.* Указ. соч. С. 268; ПСРЛ. Т. 13. С. 82; Т. 34. С. 23.
- ⁵⁷ Стоглав. С. 376.

- ⁵⁸ Забелин И. Е. История русской жизни с древнейших времен. М., 1876–1879. Ч. 1–2.
- ⁵⁹ Рабинович М. Г. Очерки этнографии русского феодального города. Горожане, их общественный и домашний быт. М., 1978. С. 115–124.
- ⁶⁰ Стоглав. С. 301, 397–399.
- ⁶¹ Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия / Собр. И. Забелиным. М., 1880. С. 495, 525.
- ⁶² Стоглав. С. 370–371.
- ⁶³ Герберштейн С. Указ. соч.; Поссевино А. Указ. соч. С. 28–29, 210.
- ⁶⁴ Стоглав. С. 371–373.
- ⁶⁵ См.: Лихачев Д. С. Культура русского народа. X–XVII вв. М. — Л., 1961. С. 391.
- ⁶⁶ Стоглав — Стоглавый собор 1551 г. Опыт изложения его внутренней истории. М., 1882. Вып. 1. С. 103, 302; Штаден Г. Указ. соч. С. 104; Поссевино А. Указ. соч. С. 208.
- ⁶⁷ Акты феодального землевладения и хозяйства. Ч. 3. № 7. 20. VII. 1557 г.; Ч. 1. № 100, 101. 1525 г.
- ⁶⁸ Рогов А. И. Музыкальная эстетика в России XV–XVI вв. М., 1973. С. 41–42.
- ⁶⁹ Пашков Б. Г. Русь. Россия. Российская империя. Хроники правлений и событий. 862–1917 гг. М., 1997. С. 291.
- ⁷⁰ «Аргументы и факты». 2006. № 4. С. 44.
- ⁷¹ Забелин И. История города Москвы. М., 1902. Ч. 1. С. 167–168; Богоявленский С. К. Московские слободы и сотни в XVII веке // Московский край в его прошлом. М., 1930. Ч. 2. С. 127; Снегирев В. Л. Московские слободы. Очерки по истории московского посада XIV–XVIII вв. М., 1956. С. 14, 19–20; Водарский Я. Е. Население России за 400 лет (XVI — начало XX в.). М., 1973. С. 43–44; Записки де ла Невиля о Московии 1689 г. // Русская старина. СПб., 1891. Т. 72. С. 275; Корб И. Г. Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 гг.). СПб., 1906. С. 55.
- ⁷² См. об этом: Георгиева Т. С. Культура повседневности. Книга 2. Частная жизнь и нравы от Средневековья до наших дней. М., 2006.
- ⁷³ Соболевский А. И. Образованность Московской Руси XV–XVII вв. СПб., 1894. С. 813.
- ⁷⁴ Буш В. В. Памятники старинного русского воспитания. Пг., 1918. С. 33–57.

- ⁷⁵ Подробное описание путешествия Голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 годах, составленное секретарем посольства Адамом Олеарием. М., 1870. С. 108, 342; Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. Сборник. М., 1898. Кн. 3. С. 1, 31, 110; Кн. 4. С. 3, 8–9; *Ключевский В. О.* Сказания иностранцев о Московском государстве. М., 1916. С. 198–200; *Стрейс Я. Я.* Три путешествия. М., 1935. С. 156–157, 159.
- ⁷⁶ *Берх В.* Царствование царя Михаила Федоровича и взгляд на междоусобицу. СПб., 1832. Ч. 1–2. С. 151–153, 167, 211; *Ключевский В. О.* Курс лекций по русской истории. М., 1898. С. 199.
- ⁷⁷ Итоги морового поветрия в Москве в 1654 г. // ЧОИДР. М., 1892. Кн. 4. С. 26; *Звягинцев Е.* Чума в Москве в XVII–XVIII вв. // Исторический журнал. 1937. № 2. С. 52–55.
- ⁷⁸ *Лихачев Д. С.* Развитие русской литературы X–XVII в. Эпохи и стили. Л., 1973. С. 202–212; *Робинсон А. Н.* Борьба идей в русской литературе XVII в. М., 1974; *Демин А. С.* Русская литература второй половины XVII — начала XVIII века. Новые художественные представления о мире, природе, человеке. М., 1977; *Демин А. С.* Писатель и общество в России XVI–XVII веков (общественные настроения). М., 1985.
- ⁷⁹ *Соловьев С. М.* Чтения и рассказы по истории России. М., 1989. С. 201.
- ⁸⁰ См. об этом: *Георгиева Т. С.* Культура повседневности. Книга 1. Частная жизнь и быт древних обществ. М., 2005.
- ⁸¹ Путешествие Антиохийского патриарха // ОИДР. М., 1898. Кн. 4. С. 145; *Богоявленский С. К.* Научное наследие. О Москве XVII века. М., 1980. С. 151–163.

Предисловие

7

Часть первая

Древняя и Средневековая Русь.

Двоеверие и становление обыденной культуры
(IV–XV века)

Арабы и греки о русах. — Формирование русской государственности. — Крещение Руси. — Первые школы. — Начало каменного строительства на Руси. — «Двоеверие» и «двукультурие». — Укрепление семьи и появление предсвадебных сговоров. — Ярослав Мудрый и цивилизационное становление Руси. — Библиотека Анны Ярославны и собрание Петра Дубровского. — Исконно русская письменность — слоговая руница. — Создание кириллицы. — Первые монастыри. — «Русская правда». — Владимир Мономах и его «Поучение». — Образ жизни, старинные предания и прически русских. — Былины и другие виды устного народного творчества. — Берестяные грамоты. — Первые русские книжники. — «Повесть временных лет». — Основание Москвы. — Внутреннее устройство Новгородской республики. — Торговые товарищества — складничества. — «Слово о полку Игореве». — Гога и Магога — монгольское нашествие на Русь. — Удар по Руси с Запада и Александр Невский. — Расширение границ Московского княжества. — Андрей Рублев. — Освобождение русских земель от ордынского ига. — Иван III — собиратель земли русской. — Софья Палеолог. — Теория старца Филофея: «Два убо Рима падоша, третий стоит, а четвертому не быти!» — Провидец Василий Немчин. — Рост русских городов. — Организация почтово-ямского дела. — Ереси. — Осифляне и «нестяжатели»

13

Часть первая

Самобытность уклада жизни
и начало обновления России XVI–XVII веков

Дальнейшее объединение русских земель

Василием III. — Разбойник Кудеяр — сын великого князя? —
Елена Глинская и рождение будущего царя Ивана IV Грозного. —
О происхождении названия «Китай-город». — Принятие Иваном
Грозным царского титула. — Выбор царем жены. — Стоглавый
собор о нравах среди священников. — Сватовство Ивана
Грозного к английской королеве Елизавете. — Опричина. —
Московская топонимика. — Первые русские печатные книги. —
Развлечения русских. — Квас и сбитень. — Иван Грозный
и астрологи. — «Домострой». — Лапти и валенки. — Одежда. —
Баня. — Праздники и развлечения. — Иностранные влияния
при Борисе Годунове. — Смутное время. — Избрание на царство
Михаила Романова. — Сватовство царя. — Немецкая слобода
в Москве. — Состояние образования в XVII веке. — Чума
в Москве. — Царь Алексей Михайлович Тишайший. — Соляной
и Медный бунты. — Наталья Кирилловна — первая царица,
нарушившая правила домостроя. — Долгий ящик. — Обычаи
русских в XVII столетии

113

Примечания

211

Георгиева Т.

Г36 Русская повседневная культура. Обычай и нравы с древности до начала Нового времени / Татьяна Георгиева. — М. : Ломоносовъ, — 2015. — 224 с. — (История. География. Этнография).

ISBN 978-5-91678-241-7

Книга Татьяны Георгиевой посвящена обычаям и нравам русских с древности до начала петровских преобразований. Перед читателем чередой проходят века, а с ними поколения русских людей с особенностями их быта, семейных отношений, религии, ремесел, ритуалов, праздников и суеверий, несущих на себе отблеск языческих времен. Автор по крупицам реконструирует процесс формирования русской культуры, пытаясь вместе с читателем разобраться, почему русский человек таков, какой он есть сейчас. Редкие архивные материалы помогают глубже осмыслить поступь отечественной цивилизации, «услышать», как меняется русская речь, «увидеть», как преображается внешний облик наших предков, узнать, как возникали, терялись и видоизменялись традиции, но при этом всегда сберегался культурный стержень, сохраняющий русских как единый народ.

Татьяна Георгиева — доктор философских наук, профессор кафедры ЮНЕСКО, автор ряда книг и телепередач, в том числе сериала, посвященного «Государственному Эрмитажу».

УДК 930.85

ББК 63.3(2)6-7

Книга изготовлена в соответствии с Федеральным законом
от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ, ст. 1, п. 2, пп. 3.
Возрастных ограничений нет

История. География. Этнография

Татьяна Георгиева

Русская повседневная культура

Обычаи и нравы с древности
до начала Нового времени

Редактор О. Иванов
Верстка А. Петровой

Подписано в печать 18.09.2014.
Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 14. Тираж 500 экз. Заказ № 4991

ООО «Издательство «Ломоносовъ»
119034 Москва, Малый Левшинский пер., д. 3
Тел. (495) 637-49-20, 637-43-19
info@lomonosov-books.ru
www.lomonosov-books.ru

Отпечатано способом ролевой струйной печати
в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, т/ф. 8(496)726-54-10

В СЕРИИ ВЫШЛИ:

- 1 Лев Минц. КОТЕЛОК дядюшки Ляо
- 2 Виталий Бабенко. ЗЕМЛЯ — ВИД СВЕРХУ
- 3 Ольга Семенова-Тян-Шанская. ЖИЗНЬ «ИВАНА»
- 4 Владислав Петров. ТРИ КАРТЫ УСАТОЙ КНЯГИНИ
- 5 Свен Хедин. В СЕРДЦЕ АЗИИ
- 6 Геннадий Коваленко. РУССКИЕ И ШВЕДЫ ОТ РЮРИКА ДО ЛЕНИНА
- 7 Лев Минц. ПРИДУМАННЫЕ ЛЮДИ С ОСТРОВА МИНДАНАО
- 8 Бенгт Янгфельдт. ОТ ВАРЯГОВ ДО НОБЕЛЯ
- 9 Олег Ивик. ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЙ
- 10 Анна Мурадова. КЕЛЬТЫ АНФАС И В ПРОФИЛЬ
- 11 Даниэль Клугер. ТАЙНА КАПИТАНА НЕМО
- 12 Валерий Гуляев. ДОКОЛУМБОВЫ ПЛАВАНИЯ В АМЕРИКУ
- 13 Светлана Плетнева. ПОЛОВЦЫ
- 14 Ким Малаховский. ПИРАТЫ БРИТАНСКОЙ КОРОНЫ
ФРЭНСИС ДРЕЙК И УИЛЬЯМ ДАМПИР
- 15 Алексис Трубецкой. КРЫМСКАЯ ВОЙНА
- 16 Валерий Гуляев. ЗАГАДКИ ИНДЕЙСКИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ
- 17 Олег Ивик. ЖЕНЩИНЫ-ВОИНЫ: ОТ АМАЗОНОК ДО КУНОИТИ
- 18 Виолет Вануайек. ВЕЛИКИЕ ЗАГАДКИ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА
- 19 Яков Свет. ЗА КОРМОЙ СТО ТЫСЯЧ ЛИ
- 20 Лев Минц. БЛИСТАТЕЛЬНЫЙ ХИМЬЯР И ПЛИССИРОВКА ЮБОК
- 21 Аксель Одельберг. НЕВЫДУМАННЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ
СВЕНА ХЕДИНА
- 22 Гомбожаб Цыбикив. БУДДИСТ-ПАЛОМНИК У СЯТЫНЬ ТИБЕТА

- 23 Никита Кривцов. СЕЙШЕЛЫ — ОСКОЛКИ ТРЕХ КОНТИНЕНТОВ
- 24 Олег Ивик. ИСТОРИЯ СЕКСУАЛЬНЫХ ЗАПРЕТОВ И ПРЕДПИСАНИЙ
- 25 Виктор Бердинских. РЕЧИ НЕМЫХ
- 26 Светлана Федорова. РУССКАЯ АМЕРИКА: ОТ ПЕРВЫХ ПОСЕЛЕНИЙ
ДО ПРОДАЖИ АЛЯСКИ
- 27 Стаффан Скотт. ДИНАСТИЯ БЕРНАДОТОВ: КОРОЛИ, ПРИНЦЫ
И ПРОЧИЕ...
- 28 Геннадий Левицкий. САМЫЕ БОГАТЫЕ ЛЮДИ ДРЕВНЕГО МИРА
- 29 Георгий Вернадский. МОНГОЛЫ И РУСЬ
- 30 Наталья Пушкарева. ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ ЖЕНЩИНЫ В ДРЕВНЕЙ РУСИ
И МОСКОВИИ: НЕВЕСТА, ЖЕНА, ЛЮБОВНИЦА
- 31 Виталий Белявский. ВАВИЛОН ЛЕГЕНДАРНЫЙ
И ВАВИЛОН ИСТОРИЧЕСКИЙ
- 32 Олег Ивик. ИСТОРИЯ И ЗООЛОГИЯ МИФИЧЕСКИХ ЖИВОТНЫХ
- 33 Лев Карсавин. МОНАШЕСТВО В СРЕДНИЕ ВЕКА
- 34 Владислав Петров. ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ СМЕРТИ
- 35 Олег Ивик. ЕДА ДРЕВНЕГО МИРА
- 36 Стефан Цвейг. ПОДВИГ МАГЕЛЛАНА
- 37 Вашингтон Ирвинг. ЖИЗНЬ ПРОРОКА МУХАММЕДА
- 38 Владимир Новиков. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ УСАДЬБА
- 39 ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННИКОВ
- 40 Наталья Пушкарева. ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ РУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ
XVIII ВЕКА
- 41 Сергей Ольденбург. КОНФУЦИЙ. БУДДА ШАКЬЯМУНИ
- 42 Фаина Османова, Дмитрий Стахов. ИСТОРИИ ПРОСТЫХ ВЕЩЕЙ

- 43 Генрих Бёмер. ИСТОРИЯ ОРДЕНА ИЕЗУИТОВ
- 44 Алексей Смирнов. Скифы
- 45 Андрей Снесарев. НЕВЕРОЯТНАЯ Индия: религии, касты, ОБЫЧАИ
- 46 Генри Чарлз Ли. ВОЗНИКНОВЕНИЕ И УСТРОЙСТВО ИНКВИЗИЦИИ
- 47 Олег Ивик, Владимир Ключников. ХАЗАРЫ
- 48 Вячеслав Шпаковский. ИСТОРИЯ РЫЦАРСКОГО ВООРУЖЕНИЯ
- 49 Лев Ельницкий. ВЕЛИКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ АНТИЧНОГО МИРА
- 50 Юрий Чернышов. ДРЕВНИЙ РИМ: МЕЧТА О ЗОЛОТОМ ВЕКЕ
- 51 Виктор Бердинских. РУССКАЯ ДЕРЕВНЯ: БЫТ И НРАВЫ
- 52 Сергей Макеев. ДЕЛО О СИНЕЙ БОРОДЕ
- 53 Борис Романов. ЛЮДИ И НРАВЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ
- 54 ПЕЧЕНЕГИ
- 55 Генрих Вильгельм Штоль. ДРЕВНИЙ РИМ В БИОГРАФИЯХ
- 56 Алексей Смирнов. НЕСОСТОЯВШИЙСЯ РУССКИЙ ЦАРЬ
КАРЛ ФИЛИПП, или ШВЕДСКАЯ ИНТРИГА СМУТНОГО ВРЕМЕНИ
- 57 Александр Куланов. ОБНАЖЕННАЯ ЯПОНИЯ
- 58 Валерий Ярхо. ИЗ ВАРЯГ В ИНДИЮ
- 59 ИНСТИТУТЫ БЛАГОРОДНЫХ ДЕВИЦ В МЕМУАРАХ ВОСПИТАННИЦ
- 60 Владислав Петров. ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ СЕКСА В МИФАХ И ЛЕГЕНДАХ
- 61 Михаил Мочалов. ДРЕВНЯЯ АССИРИЯ
- 62 Константин Кудряшов. АЛЕКСАНДР I И ТАЙНА ФЕДОРА КОЗЬМИЧА
- 63 Виктор Калашников. РУССКАЯ ДЕМОНОЛОГИЯ

- 64 Рафаил Нудельман. ПРОГУЛКИ С БИБЛИЕЙ
- 65 Московия при Иване Грозном глазами иноземцев
- 66 Георгий Вернадский. РУССКОЕ МАСОНСТВО В ЦАРСТВОВАНИЕ
ЕКАТЕРИНЫ II
- 67 Олег Ивик, Владимир Ключников. СЮННУ, ПРЕДКИ ГУННОВ,
СОЗДАТЕЛИ ПЕРВОЙ СТЕПНОЙ ИМПЕРИИ
- 68 Константин Иванов. ТРУБАДУРЫ, ТРУВЕРЫ, МИННЕЗИНГЕРЫ
- 69 Галина Шебалдина. ЗАЛОЖНИКИ ПЕТРА I И КАРЛА XII
- 70 ТАМЕРЛАН — ЖЕЛЕЗНЫЙ ХРОМЕЦ
- 71 Василий Смирнов. КРЫМСКОЕ ХАНСТВО В XVIII ВЕКЕ
- 72 Яков Канторович. ПРОЦЕССЫ О КОЛДОВСТВЕ В ЕВРОПЕ
И РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
- 74 Александр Васильев. ВИЗАНТИЯ И КРЕСТОНОСЦЫ.
ПАДЕНИЕ ВИЗАНТИИ
- 75 Фаина Османова, Дмитрий Стахов. ИСТОРИИ ПРОСТОЙ ЕДЫ
- 76 Геннадий Левицкий. ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ
- 77 Василий Веретенников. ИСТОРИЯ ТАЙНОЙ КАНЦЕЛЯРИИ
ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ
- 78 Олег Ивик. ИСТОРИЯ И ГЕОГРАФИЯ ЗАГРОБНОГО МИРА
- 79 Константин Иванов. СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ЗАМОК, ГОРОД, ДЕРЕВНЯ
И ИХ ОБИТАТЕЛИ
- 80 Алексей Бокщанин, Олег Непомнин. ЛИКИ СРЕДИННОГО
ЦАРСТВА
- 81 Петр Черкасов. КАРДИНАЛ РИШЕЛЬЕ

Татьяна
Георгиева

Русская
повседневная
культура

Книга Татьяны Георгиевой посвящена обычаям и нравам русских с древности до начала петровских преобразований. Перед читателем чередой проходят века, а с ними поколения русских людей с особенностями их быта, семейных отношений, религии, ремесел, ритуалов, праздников и суеверий, несущих на себе отблеск языческих времен. Автор по крупицам реконструирует процесс формирования русской культуры, пытаясь вместе с читателем разобраться, почему русский человек таков, какой он есть сейчас. Редкие архивные материалы помогают глубже осмыслить поступь отечественной цивилизации, «услышать», как меняется русская речь, «увидеть», как преображается внешний облик наших предков, узнать, как возникали, терялись и видоизменялись традиции, но при этом всегда сберегался культурный стержень, сохраняющий русских как единый народ.

Татьяна Георгиева — доктор философских наук, профессор кафедры ЮНЕСКО, автор ряда книг и телепередач, в том числе сериала, посвященного «Государственному Эрмитажу».

ISBN 978-5-91678-241-7

9 785916 782417